Қазақстан Республикасы
Ішкі істер министрлігі
Басқару академиясы

2026
№ 2 (04)

ІІМ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

АСТАНА

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ІШКІ ІСТЕР МИНИСТРЛІГІ
БАСҚАРУ АКАДЕМИЯСЫ

ІІМ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

2 (04), 2026 жыл

Астана, 2026

Құрылтайшы
«Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Басқару академиясы»
Республикалық мемлекеттік мекемесі. Журналды Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат комитетінде тіркелген.
«ІІМ ғылыми журналы» 2025 жылдан бастап шығады
Тіркеу куәлігі 2025 жылдың 26 қыркүйек № KZ35VPY00130252

Бас редактор:
саясат ғылымдарының докторы, заң ғылымдарының кандидаты, профессор
САЙТБЕКОВ А.М.

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА:

АКИМЖАНОВ Т.К.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор;*
АКПАНОВ А.Н.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ІІМ еңбек сіңірген қызметкері;*
АСТРЕЙКО А.В.	*- Беларусь Республикасы ІІМ Академиясының бастығы;*
ДИЛЬБАРХАНОВА Ж.Р.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор;*
ЖУМАГУЛОВ М.И.	*- заң ғылымдарының докторы, Қазақстанның құрметті заңгері.*
ЗАЙЦЕВ О.А.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор;*
ЛАКБАЕВ К.С.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор.*
РУСТАМБАЕВ М.Х.	*- Өзбекстан Республикасының құрметті заңгері, заң ғылымдарының докторы, профессор;*
ТОКУБАЕВ З.С.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ІІМ «Құрметті қызметкері»;*
АЙТУАРОВА А.Б.	*- заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор;*
АЛИМОВА Э.А.	*- PhD философия докторы, қауымдастырылған профессор;*
ЕРЕМЕЕВ Д.В.	*- заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор;*
КОГАМОВ М.Ч.	*- заң ғылымдарының кандидаты, профессор, ҚР ЖҒА-ның академигі, ҚР ҰҒА – ның құрметті академигі, Қазақстанның құрметті заңгері;*
НОГОЙБАЕВ А.Б.	*-Қырғыз Республикасы Э.А.Алиев атындағы ІІМ Академиясының бастығы;*
СЕЙТЖАНОВ О.Т.	*- заң ғылымдарының кандидаты, профессор;*
ЦОЙ О.Р.	*- заң ғылымдарының кандидаты;*

Редакцияға келіп түскен материалдар қайтарылмайды. Ғылыми және нақты сипаттағы қателіктер, дәлсіздіктер үшін жауапкершілік авторға жүктеледі. Мақаланы жарияланымға қабылдамаған жағдайда, редакциялық алқа бас тарту себептері бойынша пікірталас жүргізбеу құқығын өзінде қалдырады. Басқа басылымдарда жарияланған жұмыстар қарауға қабылданбайды.

Жауапты хатшы: **КУСАИНОВ Ж.Ш.**
Беттеу: **СМАГУЛОВА Ш.У.**

Жарияланым тілдері — қазақ, орыс, ағылшын
Жылына 4 рет (тоқсан сайын) шығарылады.

Журналдың электрондық нұсқасы **https:// aumvd.edu.kz** сайтында орналастырылады

Мекенжайы: *Қазақстан Республикасының ІІМ Басқару академиясының ғылыми-зерттеу және редакциялық-баспа қызметін ұйымдастыру бөлімі 010017, Қазақстан Республикасы, Астана қ., Мәңгілік Ел даңғылы, 55В.*

E-mail: aumvd.edu.kz.
Басуға 2026 ж «30» маусымда жіберілді.
Пішім А4. Офсеттік қағаз.
Ризографтық басылым.
Таралымы 200 дана.

Собственник
Республиканское государственное учреждение «Академия управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан» Журнал зарегистрирован Комитетом информации Министерства культуры и информации Республики Казахстан. Журнал «IIM ғылыми журналы» издается с 2025 года.
Свидетельство № KZ35VPY00130252 от 26 сентября 2025 года.

Главный редактор:
доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор
САЙТБЕКОВ А.М.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АКИМЖАНОВ Т.К.	*- доктор юридических наук, профессор;*
АКПАНОВ А.Н.	*- доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник МВД РК;*
АСТРЕЙКО А.В.	*- начальник Академии МВД Республики Беларусь;*
ДИЛЬБАРХАНОВА Ж.Р.	*- доктор юридических наук , профессор;*
ЖУМАГУЛОВ М.И.	*- доктор юридических наук, почетный юрист Казахстана, иностранный действительный член РАЕН г.Москва;*
ЗАЙЦЕВ О.А.	*- доктор юридических наук, профессор;*
ЛАКБАЕВ К.С.	*- доктор юридических наук, профессор;*
РУСТАМБАЕВ М.Х.	*- доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Узбекистан;*
ТОКУБАЕВ З.С.	*- доктор юридических наук, профессор, «Почетный сотрудник» МВД РК;*
АЙТУАРОВА А.Б.	*- кандидат юридичсческих наук, ассоциированный профессор;*
АЛИМОВА Э.А.	*- доктор философии PhD, ассоциированный профессор;*
ЕРЕМЕЕВ Д.В.	*- кандидат юридических наук,ассоциированный профессор;*
КОГАМОВ М.Ч.	*- доктор юридических наук, профессор, академик АЕН РК, почетный академик НАН Республики Казахстан, почетный юрист Казахстана;*
НОГОЙБАЕВ А.Б.	*- начальник Академии МВД Кыргызской Республики им.Э.А.Алиева;*
СЕЙТЖАНОВ О.Т.	*- кандидат юридических наук, профессор;*
ЦОЙ О.Р.	*- кандидат юридических наук;*

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат. За ошибки, неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). В случае отклонения в публикации статьи, редакционная коллегия сохраняет за собой право не вести дискуссию по мотивам отклонения. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Ответсвенный секретарь: **КУСАИНОВ Ж.Ш.**
Верстка – **СМАГУЛОВА Ш.У.**

Языки публикации — казахский, русский, английский
Выпускается 4 раза в год (ежеквартально).

Электронная версия Журнала размещается на сайте **https:// aumvd.edu.kz**

Адрес: *Отдел организации научно-исследовательской и редакционно-издательской работы Академии управления МВД Республики Казахстан. 010017, Республика Казахстан, г. Астана, пр. Мангилик Ел 55Б.*

E-mail: aumvd.edu.kz
Подписано в печать «30» июня 2026 г.
Формат А4. Бумага офсетная.
Печать на ризографе.
Тираж 200 экз.

Owner
Republican State Institution «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan». The journal is registered with the Information Committee of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan. The journal «ІІМ ғылыми журналы» has been published since 2025.

Editor-in-Chief:
доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор
SAITBEKOV A.M.

THE EDITORIAL BOARD:

AKIMZHANOV T.K.	*- Doctor of Law, Professor;*
AKPANOV A.N.	*- Doctor of Law, Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan;*
ASTREIKO A.V.	*- Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus;*
DILBARKHANOVA ZH.R.	*- Doctor of Law, Professor;*
ZHUMAGULOV M.I.	*- Doctor of Law, Honorary Lawyer of the Republic of Kazakhstan, Foreign full member of RANS, Moscow;*
ZAITSEV O.A.	*- Doctor of Law, Professor;*
LAKBAEV K.S.	*- Doctor of Law, Professor;*
RUSTAMBAEV M.KH.	*- Honored Lawyer of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor;*
TOKUBAEV Z.S.	*- Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan;*
AITUAROVA A.B.	*- PhD in Law, Associate Professor;*
ALIMOVA E.A.	*- PhD, Associate Professor;*
EREMEYEV D.V.	*- PhD in Law, Associate Professor;*
KOGAMOV M.CH.	*- Doctor of Law, Professor, Academician of AS of the Republic of Kazakhstan, Honorary Academician of NAS of the Republic of Kazakhstan, Honorary Lawyer of the Republic Kazakhstan;*
NOGOIBAEV A.B.	*- Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic;*
SEITZHANOV O.T.	*- PhD in Law, Professor, Colonel of Police;*
TSOI O.R.	*- PhD in Law, Colonel of Police.*

Submitted materials are not subject to return. The author(s) is responsible for errors and inaccuracies of a scientific and factual nature. In the event of a rejection of an article, the editorial board reserves the right not to engage in a discussion regarding the reasons for the rejection. Works published in other publications are not accepted for consideration.

Executive Secretary: **KUSAINOV ZH.SH.**
Layout – **SMAGULOVA SH.U.**

Languages of publication:
Kazakh, Russian, English.
Published 4 times a year (quarterly).

The electronic version of the Journal is posted on the website https**:// aumvd.edu.kz**

Address: *Department of Research and Editorial and Publishing Work of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. 010017, Republic of Kazakhstan, Astana, Mangilik El Avenue 55B.*

E-mail**:** aumvd.edu.kz
Signed for printing on June 30, 2026.
Format A4. Offset paper. Printing on a riso printer.
Circulation of 200 copies.

НӨМІРДЕ // В НОМЕРЕ // IN THIS ISSUE

ЗАҢ және ТӘРТІП
Закон и порядок
Law and order

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ҚЫЗМЕТІНДЕГІ БАСҚАРУ СТРАТЕГИЯСЫ
Стратегия управления в правоохранительной деятельности
Management strategy in law enforcement

КОМПАРАТИВТІК ҚҰҚЫҚТАНУ
Компаративная юриспруденция
Comparative jurisprudence

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫНДА КӘСІБИ ДАМУ
Профессиональное развитие в правоохранительных органах
Professional development In law enforcement agencies

ЗАМАНАУИ ҚҰҚЫҚТАНУ ТЕХНОСФЕРАСЫ
Техносфера современной юриспруденции
Technosphere of modern jurisprudence

ҒЫЛЫМИ ДЕБЮТ
Научный дебют
Scientific debut

МАЗМҰНЫ // СОДЕРЖАНИЕ // CONTENTS

Заң және тәртіп
Закон и порядок
law and order

ИСКАКОВ А.К., КАРИМОВ Е.Ж.
К вопросу нетрадиционных религиозных браков с несовершеннолетними как формы латентного насилия..... 10-20
БУБЕРБАЕВ Н.Д., НУРКЕНОВА М.К., КУРУМБАЕВА А.Б.
Проблемы правового регулирования механизма оценки поведения осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан..... 21-30
ХАКИМОВ Е.М., БАЗАРБАЕВА Т.Р.
Қазақстан Республикасы ішкі істер органдарының резонансты қылмыстық істерді жария жариялауының құқық қолдану мәселелері..... 31-46

Құқық қорғау қызметіндегі басқару стратегиясы
Стратегия управления в правоохранительной деятельности
Management strategy in law enforcement

БАЙТУРСЫНОВ Г.С.
Правовое обеспечение применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности: современное состояние и перспективы развития..... 48-61
КУСАИНОВ Ж.Ш.
Концептуальная модель цифровой экосистемы управления научно-исследовательской деятельностью правоохранительных органов Республики Казахстан..... 62-70

Компаративтік құқықтану
Компаративная юриспруденция
Comparative jurisprudence

ЖАНХАН Н.
Қазақстан Республикасында сотқа дейінгі тергеп-тексеруді бастау тәртібін оңтайландыру: халықаралық тәжірибеден ұлттық модельге..... 72-82
PHAN THANH DONG., MUSSIN A.
Examination of an expert as a means of verifying the evidentiary value of expert opinions: a comparative study of criminal proceedings in the Socialist Republic of Vietnam, the Russian federation, and the Republic of Kazakhstan..... 83-95

АЙТУАРОВА А.Б., УСЕМБАЕВ Е.Е.
Профилактика интернет-мошенничества и дропперства органами внутренних дел Республики Казахстан: криминологический анализ и сравнительно-правовое исследование..... 96-106
ГАЛИХАНОВ М.М.
Трансұлттық есірткі трафигіне қарсы іс-қимыл кезіндегі жедел-іздестіру қызметі саласындағы халықаралық ынтымақтастық: құқықтық реттеу проблемалары және оларды шешу жолдары..... 107-118

Құқық қорғау органдарында кәсіби даму
Профессиональное развитие в правоохранительных органах
Professional development in law enforcement

ОСПАНОВ А.Е.
Правовой статус цифрового сотрудника (AI EMPLOYEE): проблемы персональной ответственности..... 120-132
БЕКТУРСУНОВ Н.К.
Правовые аспекты проведения специальных операции на примере иностранных армии..... 133-145
АЛДАНЬЯРОВА М.Ж.,
СУЛЕЙМЕНОВА А.Т., СЕГИЗБАЕВА К.К.
Апробация инновационных технологий и методов обучения в системе повышения квалификации: результаты педагогического эксперимента..... 146-161

Заманауи юриспруденция техносферасы
Техносфера современной юриспруденции
Technosphere of modern jurisprudence

МОЛДАБЕКОВ Б.С.
Экономическая безопасность Республики Казахстан в условиях цифровизации: роль правоохранительных органов... 163-173
MEDIYEV R.A., KZYLKHODZHAEVA A.A.
Automated identification of surveillance cameras based on crime scene geolocation as a means of enhancing crime detection efficiency..... 174-182

Ғылыми дебют
Научный дебют
Scientific debut

IBYZHANOVA G.B.
Formation of professional competence of young teachers 184-192

ЗАҢ және ТӘРТІП

ЗАКОН и ПОРЯДОК

LAW and ORDER

УДК 343.54., МРНТИ 10.47.31.

ИСКАКОВ А.К., КАРИМОВ Е.Ж.
Академия управления МВД Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан

К ВОПРОСУ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ БРАКОВ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ КАК ФОРМЫ ЛАТЕНТНОГО НАСИЛИЯ

В статье рассматривается проблема нетрадиционных религиозных браков с участием несовершеннолетних как специфической формы латентного насилия, представляющей угрозу правам и законным интересам детей. Теоретико-методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, социологический и религиоведческий методы анализа. На основе изучения норм семейного и уголовного законодательства Республики Казахстан, а также анализа правоприменительной практики и эмпирических кейсов выявлены основные правовые и социальные риски подобных союзов. Особое внимание уделено противоречию между религиозными интерпретациями брака и требованиями национального законодательства. Обосновывается необходимость усиления профилактических и правовых механизмов противодействия принудительным и неформальным брачным практикам с участием несовершеннолетних. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства и развитию межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: *несовершенолетние, права, профилактика, латентное насилие, религия, религиозные браки, сожительство, нетрадиционные течения.*

Кәмелетке толмағандармен жасалатын дәстүрлі емес діни некелердің латенттік зорлық нысаны ретіндегі мәселесіне

Мақалада кәмелетке толмағандардың қатысуымен жасалатын дәстүрлі емес діни некелер мәселесі балалардың құқықтары мен заңды мүдделеріне қауіп төндіретін латентті зорлық-зомбылықтың ерекше нысаны ретінде қарастырылады. Зерттеудің теориялық-әдіснамалық негізін формальды-заңдық, салыстырмалы-құқықтық, социологиялық және діntанулық талдау әдістері құрайды. Қазақстан Республикасының неке-отбасы және қылмыстық заңнамасы нормаларын, құқық қолдану тәжірибесін және эмпирикалық деректерді

талдау нәтижесінде мұндай некелік қатынастардың негізгі құқықтық және әлеуметтік тәуекелдері айқындалды.

Зерттеу барысында діни некені түсіндіру тәсілдері мен ұлттық заңнама талаптары арасындағы қайшылықтарға ерекше назар аударылады. Осыған байланысты кәмелетке толмағандардың қатысуымен жасалатын мәжбүрлі немесе бейресми некелік тәжірибелердің алдын алу үшін құқықтық және профилактикалық тетіктерді күшейту қажеттілігі негізделеді. Сонымен қатар заңнаманы жетілдіру және мемлекеттік органдар арасындағы ведомствоаралық өзара іс-қимылды дамыту бойынша ұсыныстар ұсынылады.

***Кілтті сөздер**: кәмелетке толмағандар, құқықтар, профилактика, латенттік зорлық, дін, діни неке, бірге тұру, дәстүрлі емес ағымдар.*

On the issue of non-traditional religious marriages with minors as a form of latent violence

The article examines the problem of non-traditional religious marriages involving minors as a specific form of latent violence that threatens the rights and legitimate interests of children. The study is based on formal-legal, comparative-legal, sociological, and religious studies methods of analysis.

Through the examination of the family and criminal legislation of the Republic of Kazakhstan, as well as law enforcement practice and empirical cases, the key legal and social risks of such unions are identified. Particular attention is given to the contradiction between certain religious interpretations of marriage and the requirements of national legislation.

The paper substantiates the need to strengthen preventive and legal mechanisms to counter forced and informal marital practices involving minors, and proposes measures aimed at improving legislation and enhancing interagency cooperation.

***Keywords:** minors, rights, prevention, latent violence, religion, religious marriages, cohabitation, non-traditional movements.*

Введение

В рамках V заседания Национального курултая, состоявшегося 20 января 2026 года в г.Кызылорда, Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев сформулировал принципиальную позицию государства в сфере ценностной политики: *«... в нашем обществе следует законодательно укрепить институт брака как добровольный союз мужчины и женщины, официально заверенный в государственном учреждении. Но при этом ни в коем случае нельзя допускать уголовного преследования, моральной дискриминации за убеждения, расходящиеся с официальной государственной позицией по вопросам морали. А*

позицию государства можно свести к формуле: каждый гражданин обладает правом выбора, но навязывать этот выбор никто не вправе», «...государство обязано стоять на страже традиционных культурных ценностей, противодействовать пропаганде деструктивных, а если называть вещи своими именами, аморальных моделей поведения» [1].

В развитие обозначенной Главой государства позиции о необходимости защиты традиционных институтов и пресечения деструктивных моделей поведения целесообразно акцентировать внимание на конкретных социальных рисках, приобретающих латентный характер. В частности, в последние годы фиксируются случаи заключения так называемых «нетрадиционных» религиозных браков с участием несовершеннолетних, которые формально могут прикрываться религиозной риторикой, однако по своей сути выходят за пределы правового поля и затрагивают сферу охраны детства.

Подобные союзы не только противоречат действующему семейному и уголовному законодательству, но и создают предпосылки для нарушения прав несовершеннолетних, включая их право на физическую и психологическую неприкосновенность, образование и свободное развитие личности. В научно-правовом дискурсе такие практики обоснованно рассматриваются как разновидность латентного насилия, поскольку внешняя добровольность зачастую сочетается с социальным, религиозным или семейным давлением, ограничивающим реальную свободу выбора.

С учетом обозначенного Президентом вектора государственной политики, противодействие подобным явлениям должно осуществляться не только в репрессивной, но и в превентивной плоскости: посредством усиления контроля за соблюдением брачного законодательства, межведомственного взаимодействия, а также профилактической и разъяснительной работы. В данном контексте защита традиционных ценностей предполагает не формальное воспроизводство обрядовых практик, а обеспечение соответствия семейных отношений принципам законности, добровольности и защиты прав человека, прежде всего несовершеннолетних.

Для понимания глубины обозначенной проблемы необходимо обратиться к религиозным истокам института брака, его роли в исламском обществе, а также к существующим правовым коллизиям, позволяющим деструктивным течениям использовать сакральные нормы для прикрытия насилия.

Методы исследования

Методологическую основу составили формально-юридический (анализ нормативной базы), сравнительно-правовой, социологический (изучение эмпирических данных и правоприменительной практики), религиоведческий (дифференциация исламских интерпретаций) и системно-прогностический методы.

Основная часть. Брак в исламе занимает особое место и рассматривается не только как личное дело двух людей, но и как важное социальное обязательство, которое оказывает прямое влияние на устойчивость и гармонию мусульманского общества - уммы. Это не просто союз двух сердец, а институт, освящённый религиозными нормами и имеющий глубокий духовный и правовой смысл.

В Коране и Сунне брак представлен как милость от Аллаха и один из путей достижения духовной зрелости и благочестия. В Суре «Рум» (30:21) говорится: «И из Его знамений - то, что Он сотворил для вас из вас самих жен, чтобы вы находили в них покой. Он установил между вами любовь и милосердие. Поистине, в этом - знамения для людей размышляющих» [2]. Этот аят подчёркивает, что супружество должно строиться на взаимном уважении, любви и милосердии, что делает его не просто бытовым союзом, а формой служения Аллаху. С точки зрения общества, брак способствует сохранению моральных ценностей, предотвращает беспорядочные связи, обеспечивает законное рождение детей, воспитание будущих поколений, и, таким образом, укрепляет структуру общества.

Ш.И. Маматкулов отмечает, что шариат устанавливает чёткие условия брака, направленные на защиту прав супругов и предотвращение конфликтов. Он также указывает на положительные препятствия, делающие брак между отдельными лицами невозможным (близское родство и т.д.) [3].

Согласившись с автором в отношении положительных сторон исламского брака, следует отметить, что в его изложении не рассматривается вопрос минимального возраста вступления в брак, что важно учитывать при более широком анализе шариатских норм.

Так, например, парламент Ирака расширил полномочия исламских судов, что дало им право одобрять браки с девочками с 9 лет на основе религиозной интерпретации [4].

К. Ахметзянова указывает, что в ряде стран минимальный возраст для вступления в брак установлен ниже 18 лет, особенно при наличии согласия родителей или решения суда. Так, в Эквадоре девушки могут вступать в брак с 12 лет, в некоторых регионах Канады и Испании - также с 12, в США - с 13 лет, а в Колумбии, Аргентине, Перу и Италии допускается брак с 14 лет при согласии родителей [5].

Согласно Кодексу Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 года, брачный возраст для мужчин и женщин установлен в 18 лет. Однако при наличии уважительных причин, таких как беременность или рождение общего ребёнка, органы ЗАГС могут снизить этот возраст до 16 лет, при условии согласия самих вступающих в брак, а также родителей или попечителей несовершеннолетнего [6].

Хотя в Республике Казахстан вопросам безопасности детей уделяется повышенное внимание, по справедливому замечанию А.Е. Каймусиной и С.А. Едресова, «несовершеннолетние, являясь одной

из самых уязвимых групп, нуждаются в дополнительных мерах правовой защиты, поскольку из-за возраста и недостатка жизненного опыта могут не осознавать полностью свои права и интересы, а также последствия преступных действий, направленных против них» [7].

Несмотря на наличие в законодательстве Республики Казахстан чётко установленного минимального брачного возраста, в последние годы информационное пространство всё чаще демонстрирует тревожные сообщения о тяжких и особо тяжких преступлениях, начиная от резонансных случаев жестокого убийства, как в делах Яны Легкодимовой, Салтанат Нукеновой, Нурай Серикбай и заканчивая фактами заключения религиозных браков с участием несовершеннолетних и даже малолетних лиц. Нарастание подобных инцидентов свидетельствует о формировании опасной социальной тенденции, требующей своевременной правовой и институциональной реакции государства. Подобные случаи вызывают обеспокоенность не только у представителей правоохранительных органов, но и в обществе в целом, поскольку нарушают как правовые, так и этические нормы, подрывая основы семейной политики и защиты прав женщины, и ребёнка. Эти факты указывают на необходимость усиления контроля за соблюдением семейного законодательства, а также актуализируют вопрос взаимодействия между религиозными институтами и государственными органами в сфере брачно-семейных отношений.

Проблема нетрадиционных религиозных браков с несовершеннолетними в Казахстане находит подтверждение и в реальных историях. Так, в одном из интервью, спустя два десятилетия после вступления в брак, гражданка Казахстана делится личным опытом: *«...Мама умерла, когда я была ещё ребёнком, затем скончался отец. Я жила с родственниками. Когда мне было 13 лет, меня выдали замуж. В 14 я родила первого ребёнка. Сейчас у меня 12 детей, младшему - 8 месяцев. Муж - разнорабочий, он болеет, но всё равно старается»* [8].

Так, по свидетельству отца одной из пострадавших, его бывшая супруга, придерживающаяся нетрадиционного религиозного течения (далее - НРТ), выдала их 15-летнюю дочь замуж за взрослого мужчину 38 лет. Предварительно девочку перевели на дистанционную форму обучения, что, по мнению отца, было сделано с целью сокрытия факта брака. Девочка сама заявила об этом на заседании комиссии по делам несовершеннолетних, указав, что на протяжении пяти дней находилась вне дома. Мать при этом в полицию не обращалась [9].

Так, по информации директора Ассоциации центров исследования религий Ю. Денисенко, в одном из зарегистрированных случаев 15-летняя девушка, познакомившись с подростком приверженцем НРТ в интернете, уже после трёх переписок вступила с ним в религиозный брак. А спустя месяц тайных встреч он инициировал развод «талак» и заключил аналогичный союз с её одноклассницей [10].

30-летняя жительница Астаны была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных уголовным

законодательством, касающихся пропаганды терроризма и подготовки к участию в террористической группе. Особую опасность в её действиях представляла попытка вывоза двух несовершеннолетних дочерей в зону вооружённого конфликта (Сирия) с целью их последующего вступления в брак с членами террористических формирований [11].

По данным Ассоциации центра исследования религий, женщины, оказавшиеся в подобных псевдобраках, часто испытывают тяжёлое психологическое и материальное положение. Из откровенных рассказов девушек также следует, что в отдельных радикальных сообществах практикуются формы поведения, противоречащие как исламским нормам, так и этическим стандартам общества, включая случаи принуждения к групповым сексуальным отношениям [10].

Анализ представленных случаев указывает на устойчивую криминогенную тенденцию использования нетрадиционных религиозных практик - в том числе псевдосвадебных союзов с несовершеннолетними - как инструмента легитимации насилия и контроля в контексте радикальных идеологий. Данные эпизоды демонстрируют, что под предлогом «религиозной нормы» происходит системное нарушение прав несовершеннолетних, включая формы сексуальной эксплуатации, психологического давления и изоляции от системы социального и правового надзора.

Особую тревогу вызывает вовлечение несовершеннолетних в подобные союзы без их осознанного согласия и при активном содействии взрослых - в том числе родителей или представителей религиозных сообществ. Этот механизм подкрепляется цифровыми платформами, позволяющими скрытно рекрутировать и идеологически обрабатывать подростков. Пример с 30-летней жительницей Астаны, намеревавшейся вывезти дочерей в Сирию для последующей передачи боевикам, представляет собой экстремальную форму религиозно мотивированного насилия, сопряжённого с международной террористической деятельностью.

Таким образом, современная криминологическая повестка требует комплексного междисциплинарного подхода к выявлению, профилактике и правовой оценке подобных форм религиозного экстремизма, ориентированного на несовершеннолетних. Необходима интеграция усилий правоохранительных органов, институтов образования, социальных служб и религиоведов для создания эффективной системы раннего реагирования, а также деконструкции псевдорелигиозных нарративов, легитимирующих насилие.

В соответствии с пунктом 3 статьи 11 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», юридическую силу имеет исключительно брак, зарегистрированный в государственных органах. Религиозные обряды, включая «никах», не признаются законным основанием для возникновения брачно-семейных прав и обязанностей и не влекут правовых последствий. Аналогично, фактическое сожительство

вне зависимости от пола сторон не считается браком в юридическом смысле [6].

Таким образом, заключение религиозных союзов, даже между совершеннолетними, не образует законных семейных правоотношений и не накладывает на стороны обязательств, предусмотренных семейным правом. Это обстоятельство усугубляет правовую уязвимость женщин, особенно в случаях, когда такие отношения инициируются в рамках НРТ, в обход государственного регулирования. В НРТ практикуются неофициальные брачные союзы, заключаемые посредством обряда «никах», который может проводиться без участия официальных органов и без соблюдения требований, предъявляемых традиционным исламским институтом в Казахстане. Для совершения «никаха» у приверженцев НРТ зачастую достаточно одного свидетеля, что снижает уровень идентификации сторон и правовой защищённости женщины. В ряде случаев невеста не располагает достоверными данными о супруге, включая его гражданское имя, семейное положение и место жительства, что впоследствии затрудняет правовые процедуры, связанные с установлением отцовства, алиментами и расторжением брака. Кроме того, развод по таким «бракам» может быть инициирован в одностороннем порядке посредством произнесения формулы «талак», в том числе дистанционно [12].

Так, в 2025 году в городе Актобе зафиксирован случай, когда мужчина приставал к девушке у мечети, в том числе с предложением так называемого «никаха на час» с очевидным непристойным подтекстом, в результате чего он был привлечён к административной ответственности по ч. 2 ст. 449 КоАП РК [13].

Важно подчеркнуть, что браки, заключаемые приверженцами НРТ, не имеют ничего общего с браками, проводимыми в рамках официальной исламской практики, одобряемой и регулируемой Духовным управлением мусульман Казахстана (далее - ДУМК).

ДУМК, как авторитетный религиозный институт, прямо осуждает заключение браков с несовершеннолетними, подчёркивая недопустимость подобных союзов как с правовой, так и с исламской точки зрения. Согласно внутренней политике многих мечетей, никах может быть проведён только при наличии документов, удостоверяющих личность, согласия сторон и достижения брачного возраста, установленного законодательством Республики Казахстан. Более того, во многих случаях требуется свидетельство о браке, выданное РАГСом, что свидетельствует о взаимодействии духовных структур с государственными институтами [12].

В 2025 году в Республике Казахстан были введены в действие новые составы уголовных правонарушений, предусматривающие ответственность за принуждение к вступлению в брак (ст. 125-1 УК РК) и преследование, выражающееся в форме сталкинга (ст. 115-1 УК РК).

Соответствующие изменения вступили в законную силу 16 сентября 2025 года.

С момента начала правоприменительной практики по данным нормам на территории страны зарегистрировано не менее семи уголовных дел по фактам принуждения к браку. Указанные случаи зафиксированы в ряде регионов, включая Карагандинскую, Мангистаускую, Жамбылскую, Туркестанскую области, а также город Шымкент. Одновременно были возбуждены уголовные дела по признакам сталкинга в Атырауской и Павлодарской областях; к началу 2026 года, согласно информации уполномоченных органов, общее количество таких производств достигало примерно восьми [14].

Следует учитывать, что приведенные показатели отражают исключительно официально зарегистрированные уголовные дела. Статистическая информация за период, предшествующий вступлению норм в силу, отсутствует, а детализация по датам и региональному распределению ограничена рамками открытых публикаций. Это обстоятельство указывает на вероятное наличие латентной составляющей, что требует дальнейшего мониторинга правоприменительной практики и анализа динамики выявляемости соответствующих правонарушений.

Выводы

Ввиду нарастающей остроты проблемы принудительных браков государство оперативно отреагировало введением новой уголовно-правовой нормы. В Уголовный кодекс включена статья 125-1, устанавливающая ответственность за принуждение к вступлению в брак. Санкция предусматривает штраф до 2000 МРП, альтернативные виды наказаний либо лишение свободы на срок до двух лет. Однако по нашему мнению, одной только этой нормы не достаточно.

Проведённое исследование свидетельствует о том, что неофициальные религиозные браки с несовершеннолетними представляют собой латентную форму насилия, нарушающего права ребёнка (ст. 27 Конституции РК, Закон РК «О правах ребёнка»), создающего угрозу его психофизическому развитию и усиливающего риск социальной изоляции. *Приходим к выводу, что:*

1) Неофициальные религиозные браки с участием несовершеннолетних должны рассматриваться в правоприменительной практике не как проявление религиозной или семейной традиции, а как потенциальная форма латентного насилия, создающая угрозу правам и законным интересам ребёнка. Использование религиозной риторики либо обрядовых практик не может рассматриваться в качестве обстоятельства, исключающего противоправность подобных действий или смягчающего их правовую оценку. В зависимости от фактических обстоятельств такие деяния подлежат квалификации по нормам уголовного законодательства Республики Казахстан, предусматривающим ответственность за истязание (ст. 110 УК РК),

преступления против половой неприкосновенности (ст. 120, 121 УК РК), а также за вовлечение несовершеннолетнего в половую связь (ст. 122 УК РК). Подобный подход позволяет обеспечить единообразие правоприменительной практики и исключить использование псевдорелигиозных аргументов для легитимации насилия в отношении несовершеннолетних.

2) Рассмотреть целесообразность введения административной ответственности за проведение религиозных брачных обрядов без официальной государственной регистрации брака, совершённых вне рамок официально зарегистрированных религиозных объединений. Предлагается реализовать это в рамках расширения положений ст. 490 и 491 КоАП РК, регулирующих нарушение законодательства о религиозной деятельности и брачно-семейных отношениях, с целью повышения правовой защищённости несовершеннолетних и укрепления законности в сфере брачно-семейных отношений.

3) Реализация межведомственных просветительских и профилактических программ с участием МВД, органов опеки и духовенства в учебных и религиозных учреждениях с акцентом на разъяснение брачно-семейного законодательства и выявление групп риска на основе сигналов от педагогов, медработников и социальных служб. В рамках данного направления представляется необходимым разработать комплекс мер, включающий:

– разработку межведомственного алгоритма реагирования на сигналы о раннем браке (школа — медицинская организация — органы опеки — полиция);

– внедрение обязательного уведомительного механизма при выявлении фактов длительного отсутствия несовершеннолетних в образовательных учреждениях;

– проведение профилактических модулей в религиозных учебных заведениях с участием представителей правоохранительных органов и официального духовенства;

– формирование базы индикаторов риска (резкое изменение поведения подростка, перевод на дистанционное обучение без объективных причин, прекращение социальных контактов и т.п.).

Кроме того, возможно обоснование целесообразности криминологического мониторинга цифровых платформ, используемых для вербовки несовершеннолетних, с соблюдением процессуальных гарантий.

Таким образом, принципиально важно нормативно закрепить, что свобода совести, гарантируемая Конституцией Республики Казахстан, не может служить оправданием нарушения прав и законных интересов других лиц, особенно несовершеннолетних. Объектом правовой оценки выступают не религиозные убеждения, а конкретные противоправные действия: принуждение, сексуальная эксплуатация, вовлечение

несовершеннолетних либо умышленный обход государственной регистрации брака.

Список использованной литературы

1. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на V заседании Национального курултая // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — 20.01.2026. — Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-v-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-200332
2. 30 сура Корана: сура Рум, перевод и тафсир корана // https://azan.ru/tafsir/ar-Rum/21-40/21
3. **Маматкулов Ш.И.** ИСЛАМ О БРАКЕ: УСЛОВИЯ, ВИДЫ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – №. 1-2 (100). – С. 92-99.
4. В Ираке приняли поправки, разрешающие браки с 9-летними девочками // https://www.nur.kz/world/2214261-v-irake-prinyali-popravki-razreshayushchie-braki-s-9-letnimi-devochkami/
5. Ранний брак в исламе или «Дочки-матери» по-взрослому // https://islam-portal.ru/mnenia/stat/?ELEMENT_ID=9182
6. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 года № 518-IV // Адилет. Нормативные правовые акты Республики Казахстан. — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518 (дата обращения: 05.06.2025).
7. **Каймусина А.Е., Едресов С.А.** Проблемы и перспективы совершенствования правовой защиты несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе Республики Казахстан // «Хабаршы — Вестник» Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. — 2025. — № 1 (87). — С. 315–319.
8. «Выдали замуж в 13, в 14 родила»: мать 12 детей из Шымкента о своей жизни (фото) // https://www.nur.kz/society/1775233-vydali-zamuz-v-13-v-14-rodila-mat-12-detej-iz-symkenta-o-svoej-zizni-foto/
9. «15-летнюю девочку насильно выдали замуж в Карагандинской области»: выяснились новые подробности дела // https://www.nur.kz/incident/crime/2252397-15-letnyuyu-devochku-nasilno-vydali-zamuzh-v-karagandinskoy-oblasti-vyyasnilis-novye-podrobnosti-dela/
10. Школьница вышла замуж за религиозного радикала, а через месяц он женился на ее однокласснице // https://aktobetimes.kz/novosti/871-shkolnica-vyshla-zamuzh-za-religioznogo-radikala-a-cherez-mesyac-on-zhenilsya-na-ee-odnoklassnice.html
11. Казахстанка хотела вывезти дочерей в Сирию и выдать их замуж за террористов // https://www.zakon.kz/obshestvo/6475094-kazakhstanka-khotela-vyvezti-docherey-v-siriyu-i-vydat-ikh-zamuzh-za-terroristov.html.
12. **Искаков А.К., Измаилов Р.А.** Правовые аспекты незарегистрированных и религиозных браков // Мир закона. — 2024. — № 5–6 (265–266). — С. 217–223. — УДК 343.54. — МРНТИ 10.77.51. — ISSN 2708-5910 (print), ISSN 2708-5929 (online).
13. В Актобе мужчина с непристойным подтекстом приставал к девушке в мечети // https://www.zakon.kz/proisshestviia/6485449-v-aktobe-muzhchina-s-nepristoynym-podtekstom-pristaval-k-devushke-v-mecheti.html
14. Ответственность за принуждение к браку, сталкинг и насилие: что говорит закон? // Болашақ.edu.kz. — 24.02.2026. — Режим доступа: https://bolashaq.edu.kz/novosti/strong-otvetstvennost-za-prinuzhdenie-k-braku-stalking-i-nasilie-chto-govorit-zakon-strong

Сведения об авторах

Искаков Асет Кабдылхамитович *— начальник кафедры Служебной деятельности уголовно-исполнительной системы Академии управления МВД Республики Казахстан, доктор философии (PhD), подполковник полиции, Астана e-mail:* ***asetasset100@gmail.com.***

Искаков Асет Қабдылхамитович *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы Қылмыстық-атқару жүйесінің қызметтік қызметі кафедрасының бастығы, PhD философия докторы, полиция подполковнигі.*

Iskakov Aset Kabdylkhamitovich — *Head of the Department of Service Activities of the Penal Enforcement System Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy (PhD), Police Lieutenant Colonel.*

Каримов Еркебулан Жалелович *— преподаватель кафедры Служебно-боевой деятельности Национальной гвардии Академии управления МВД Республики Казахстан, магистр-педагог, управление образовательным процессом, подполковник, г. Астана, e-mail:* ***karimoverkebulan34@gmail.com***

Каримов Еркебулан Жалелович *— Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Басқару академиясы Ұлттық ұланның қызметтік-жауынгерлік қызметі кафедрасының оқытушысы, педагогика ғылымдарының магистрі, білім беру процесін басқару мамандығы бойынша, подполковник.*

Karimov Yerkebulan Zhalelovich *— Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan Lecturer of the Department of Service and Combat Activities of the National Guard, Master of Pedagogy (Educational Process Management), Lieutenant Colonel.*

УДК 343.827., МРНТИ 10.83.31

БУБЕРБАЕВ Н.Д,
НУРКЕНОВА М.К., КУРУМБАЕВА А.Б.
Академия управления МВД Республики Казахстан,
г.Астана, Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ОЦЕНКИ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье рассматривается система оценки поведения осужденного как основополагающего элемента прогрессивной системы исполнения наказаний. В процессе анализа норм действующего Уголовно-исполнительного законодательства Казахстана автором выявлено противоречие указанной системы с основополагающими принципами исполнения уголовных наказаний.

Обосновывается, что при совершении осужденным единственного дисциплинарного нарушения, система оценки поведения не учитывает ни тяжесть совершенного деяния, ни продолжительность предшествующего положительного поведения, а автоматически полностью аннулирует все ранее присвоенные положительные степени поведения. Указанное обстоятельство не согласуется с фундаментальными началами гуманизма, справедливости и индивидуализации уголовных наказаний.

Последствия такой оценки поведения оказывает дестимулирующее воздействие на осужденных, препятствует закреплению положительных форм поведения и дальнейшему их исправлению, особенно в отношении тех осужденных, которые находятся на завершающем этапе отбывания наказания.

В контексте совершенствования системы оценки поведения осужденных, автором предлагается внедрить поэтапное снижение степени поведения, при которой наложенное дисциплинарное взыскание влекло бы утрату лишь одной степени из всех ранее достигнутых положительных степеней.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительное законодательство, прогрессивная система исполнения наказания, степени поведения осужденных, режим содержания, условия отбывания наказания, ресоциализация осужденного, исправление осужденного, дисциплинарное взыскание, принцип гуманизма.*

Қазақстан Республикасының қылмыстық-атқару заңнамасында сотталғандардың мінез-құлқын бағалау тетігін құқықтық реттеу мәселелері

Мақалада жазаны орындаудың прогрессивті жүйесінің негізгі элементі ретінде сотталған адамның мінез-құлқын бағалау жүйесі қарастырылады. Қазақстанның қолданыстағы Қылмыстық-атқару заңнамасының нормаларын талдау барысында автор аталған жүйенің қылмыстық жазаларды орындаудың негізгі қағидаттарымен қайшылығын анықтады.

Сотталған адам жалғыз тәртіптік бұзушылық жасаған кезде мінез-құлықты бағалау жүйесі жасалған іс-әрекеттің ауырлығын да, алдыңғы оң мінез-құлықтың ұзақтығын да ескермейді, бірақ бұрын берілген барлық оң мінез-құлық дәрежелерін автоматты түрде толығымен жояды деп негізделеді. Бұл жағдай гуманизмнің, әділеттіліктің және қылмыстық жазаларды дараландырудың негізгі принциптеріне сәйкес келмейді.

Мұндай мінез-құлықты бағалаудың салдары сотталғандарға ынталандырушы әсер етеді, мінез-құлықтың оң нысандарын бекітуге және оларды одан әрі түзетуге кедергі келтіреді, әсіресе жазасын өтеудің соңғы сатысында тұрған сотталғандарға қатысты.

Сотталғандардың мінез-құлқын бағалау жүйесін жетілдіру контекстінде автор мінез-құлық дәрежесін кезең-кезеңімен төмендетуді енгізуді ұсынады, онда қолданылған тәртіптік жаза бұрын қол жеткізілген барлық оң дәрежелердің бір ғана дәрежесін жоғалтуға әкеп соғады.

Кілтті сөздер: *қылмыстық-атқару заңнамасы, жазаны орындаудың прогрессивті жүйесі, сотталғандардың мінез-құлық дәрежелері, ұстау режимі, жазаны өтеу шарттары, сотталғанды қайта әлеуметтендіру, сотталғанды түзету, тәртіптік жаза, гуманизм қағидаты.*

Issues in the legal regulation of the mechanism for assessing the behavior of convicted persons in the criminal enforcement legislation of the Republic of Kazakhstan

This article examines the system for evaluating a convict's behavior as a fundamental element of a progressive penal system. Through an analysis of the provisions of Kazakhstan's current penal legislation, the author identifies a contradiction between this system and the fundamental principles of the enforcement of criminal penalties.

It is argued that when a convict commits a single disciplinary violation, the behavior assessment system takes into account neither the severity of the act committed nor the duration of prior positive behavior, but automatically and

completely nullifies all previously awarded positive behavior ratings. This circumstance is inconsistent with the fundamental principles of humanism, justice, and the individualization of criminal punishment.

The consequences of such behavioral assessments have a demotivating effect on inmates, hindering the reinforcement of positive behaviors and their further rehabilitation, particularly for those inmates who are in the final stages of serving their sentences.

In the context of improving the system for assessing convicts' behavior, the author proposes implementing a phased reduction in behavior grades, whereby a disciplinary sanction would result in the loss of only one grade out of all previously achieved positive grades.

Keywords: *penal legislation, progressive system of sentence enforcement, levels of prisoner conduct, detention regime, conditions of imprisonment, prisoner resocialization, prisoner rehabilitation, disciplinary sanctions, principle of humanism.*

Введение

Без малого в течение последнего десятилетия ориентация уголовно-исполнительной политики Казахстана на гуманизацию развивается в постепенном отходе от карательной модели исполнения наказания к модели направленной на защиту прав и свобод человека, социальную интеграцию и предупреждения рецидива уголовных правонарушений. В частности, оно проявляется в изменении подходов к условиям содержания осужденных, к их материально-бытовому обеспечению, профессиональному обучению, медицинскому обслуживанию, развитию психологической и юридической помощи. Отдельное внимание уделяется вопросам перехода к модели по ресоциализации осужденных, подразумевающего активное вовлечение в эту деятельность широкого спектра институтов гражданского общества.

Вместе с тем, отдельные нормы Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (далее — УИК) противоречат основополагающим принципам исполнения наказания, таким как гуманность, соразмерность и индивидуализации наказания закрепленные в ст. 5 УИК. В частности речь идет о системе оценки поведения осужденного, закрепленного в ст. 95 УИК, которая занимает центральное место в реализации вышеназванных принципов.

Нормативное значение указанной системы выходит за рамки простого формального анализа поведения осужденного и определяет спектр его прав, условия содержания и вероятность дальнейшей социальной реинтеграции. Она служит основанием для изменения вида исправительного учреждения (ст. 96 УИК), условий отбывания наказания (ст. ст. 135, 137 УИК), а также расширения или ограничения прав осужденного (ст. ст. 128, 129 УИК) [1].

Однако, применение мер взыскания к осужденному за совершение дисциплинарного нарушения, независимо от продолжительности его предшествующего положительного поведения, так и тяжести совершенного нарушения, приводит к полному нивелированию всех положительных степеней поведения при их наличии, что противоречит основополагающим принципам наказания, оказывает дестимулирующее воздействие на поведение осужденного и препятствует эффективной реализации главной цели наказания — исправление осужденного.

Исследование направлено на выявление несогласованностей правовых норм регламентирующих оценку поведения осужденных, а также на обоснование направлений по совершенствованию законодательства в рассматриваемой области.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования формируют положения Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан от 5 июля 2014 года, а также общепризнанные Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций по обращению с заключенными, известные как Правила Нельсона Манделы, утвержденные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 года № 70/175.

Методологический инструментарий исследования представлен комплексом общенаучных и специальных юридических методов. В частности, диалектический метод позволил проанализировать динамику поведенческих моделей осужденных в контексте их развития, внутренних коллизий и органической взаимосвязи с задачами исправления личности. Системно-структурный подход был применен для изучения норм Уголовно-исполнительного кодекса в их системной взаимозависимости, с акцентом на корреляцию между уровнем поведения осужденного и объемом предоставляемых ему правомочий. Наконец, сравнительно-правовой анализ дал возможность сопоставить действующий правовой механизм с основополагающими принципами уголовно-исполнительного законодательства и общепризнанными международными стандартами обращения с заключенными.

Теоретическую основу работы составили научные труды в области уголовно-исполнительного права, посвященные концепции прогрессивной системы исполнения наказаний, проблемам исправления и ресоциализации осужденных, а также вопросам правового стимулирования законопослушного поведения.

Результаты и обсуждение

Статья 95 Уголовно-исполнительного кодекса устанавливает многоступенчатую систему оценки поведения осужденных. Для лиц, демонстрирующих позитивную динамику поведения, предусмотрены три последовательные степени, присвоение каждой из которых обусловлено достижением предшествующей ступени, наличием не менее одного поощрения и отсутствием дисциплинарных взысканий в течение установленных периодов, составляющих соответственно три, шесть и

двенадцать месяцев. Аналогично, для лиц с отрицательной характеристикой также определены три степени поведения: нарушитель, систематический нарушитель и злостный нарушитель, дифференциация между которыми производится в соответствии с критериями, регламентированными ст. 130 УИК.

Значимость данных степеней поведения обусловлена их непосредственным влиянием на условия отбывания наказания. В соответствии с ч. 2 ст. 135 УИК, осужденные, достигшие первой положительной степени поведения, по истечении не менее шести месяцев срока наказания подлежат переводу с обычных на облегченные условия содержания. Часть третья указанной статьи предписывает, что осужденные, получившие третью положительную степень и пребывающие в облегченных условиях не менее трех месяцев, могут быть переведены в льготные условия за год до предполагаемого освобождения.

Дифференциация в объеме прав между указанными условиями содержания имеет фундаментальное, а не формальное значение. В соответствии со ст. 136 УИК, лица, отбывающие наказание в обычных условиях, имеют право ежемесячно расходовать до шести месячных расчетных показателей, а также на получение шести посылок и предоставление шести краткосрочных и двух длительных свиданий в год. В облегченных условиях объем прав возрастают до двенадцати месячных расчетных показателей, двенадцати посылок, шести краткосрочных и шести длительных свиданий. В условиях льготного содержания эти права достигают пятнадцати месячных расчетных показателей, двенадцати посылок, двенадцати краткосрочных и двенадцати длительных свиданий в течение года. При этом осужденным, находящимся в строгих условиях, допускается расходование лишь двух месячных расчетных показателей, а также получение трех посылок и проведение трех краткосрочных свиданий ежегодно.

Следовательно, система степеней поведения является центральным элементом прогрессивной системы исполнения наказаний, формируя механизм, направленный на стимулирование законопослушного поведения осужденных и обеспечивающий поэтапное расширение их прав по мере устойчивой демонстрации стремления к исправлению. Именно постепенное аккумулирование позитивных результатов составляет сущность прогрессивной системы исполнения наказаний, а расширение прав на различных уровнях содержания осужденных является необходимым инструментарием их исправления [2, с. 87].

Тем не менее, инструмент оценки степеней оценки поведения осужденных имеет значительное внутреннее противоречие. В соответствии с ч.4 и ч.5 ст.135 УИК, осужденные, находящиеся в облегченных или льготных условиях и признанные нарушителями регламентированного порядка отбывания наказания, подлежат переводу в обычные условия. При признании их злостными нарушителями — в

строгие условия. Идентичный порядок регламентирован ст. 137 УИК для исправительных учреждений максимальной безопасности.

При наложении любого вида взыскания из перечня, установленного ст. 131 УИК замечания, выговора, помещения в дисциплинарный изолятор на срок до пятнадцати суток или перевода в одиночную камеру на срок до четырех месяцев. В этом случае осужденный признается нарушителем, что влечет за собой присвоение первой отрицательной степени поведения. Ключевым аспектом является отсутствие в УИК корреляции между тяжестью совершенного дисциплинарного проступка и его влиянием на поведенческий статус осужденного. Применение взыскания в форме замечания или помещения в дисциплинарный изолятор влечет за собой идентичные правовые последствия для осужденного — признание его нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Отрицательная степень поведения, императивно обусловливает перевод из облегченных или льготных условий содержания на более строгие, здесь дисциплинарное взыскание трансформируется в инструмент комплексного ухудшения правового положения осужденного. Данное обстоятельство затрагивает весь спектр прав, связанных с ранее приобретенными. Последствия наложенного взыскания перестают быть соразмерными как тяжести совершенного проступка, так и длительности предшествующего правомерного поведения осужденного.

Подобная конструкция противоречит фундаментальному принципу соразмерности, предполагающему корреляцию между характером совершенного деяния и объемом правовых последствий. Администрации учреждений уголовно-исполнительной системы должны гарантировать адекватность дисциплинарного взыскания совершенному нарушению, за который она налагается, — данное требование закреплено в п. 39.2 Правил Нельсона Манделы и широко имплементировано в доктрине уголовно-исполнительного права [3].

Не менее очевидным представляется противоречие с основополагающим принципом индивидуализации исполнения наказаний. Существующий инструментарий аннулирования позитивного статуса игнорирует индивидуальные особенности осужденного, специфику его поведенческой модели на протяжении всего периода отбывания наказания и степень консолидации результатов его исправления. Юридическая значимость продолжительного законопослушного поведения нивелируется единичным дисциплинарным взысканием. В специальной литературе обоснованно констатируется, что эффективное претворение в жизнь уголовно-исполнительной политики невозможно без неукоснительного следования принципам гуманизма, соразмерности и дифференциации применения карательных мер, которые выступают фундаментальной основой для системы исправления осужденных и предупреждении рецидива уголовных правонарушений [4, с. 28-36].

Причем указанная проблематика приобретает особую остроту в отношении лиц, находящихся на заключительном этапе отбывания наказания. Именно на этом критическом этапе привилегированные условия содержания реализуют свою ключевую функцию — целенаправленную подготовку осужденного к успешной социальной адаптации после освобождения. Возможность ежегодно иметь двенадцать длительных свиданий обеспечивает сохранение и укрепление семейных связей, которые, согласно международным стандартам, признаются критически значимым фактором в процессе постпенитенциарной социализации осужденного [5, с. 105-113].

Утрата третьей положительной степени поведения, достигнутой после более чем годичного периода безупречного соблюдения установленных правил в исправительном учреждении, вследствие однократного дисциплинарного нарушения, влечет за собой перевод осужденного на обычные или строгие условия содержания и аннулирует весь объем достигнутого положительного результата в период отбывания наказания. Для лиц, которым до истечения срока заключения остается менее года, это обстоятельство означает фактическую неосуществимость восстановления утраченного статуса. С момента применения взыскания требуется последовательное повторное получение первой и второй положительных степеней, что подразумевает периоды безупречного поведения продолжительностью три и шесть месяцев соответственно, без каких-либо дисциплинарных нарушений. Затем следует достижение третьей степени, что требует еще не менее двенадцати месяцев безупречного поведения, и лишь по прошествии этого срока, после трех месяцев пребывания в облегченных условиях, осужденный приобретает право на привилегированные условия содержания.

В подобной ситуации система оценки степеней поведения осужденных начинает функционировать в обратном направлении, оказывая не стимулирующий, а скорее демотивирующий эффект. Это обстоятельство негативно сказывается на общей дисциплинарной обстановке в учреждении, поскольку лицо, лишенное мотивации, демонстрирует значительно сниженную склонность к взаимодействию с администрацией и неукоснительному соблюдению режима содержания [6, с. 434-445].

Проведенный анализ показал на необходимость пересмотра системы оценоки степени поведения осужденных. Наиболее обоснованным представляется имплементация принципа дифференцированного (поэтапного) снижения степени поведения. При совершении дисциплинарного нарушения осужденный должен лишаться не всех положительных степеней поведения одномоментно, а лишь одной ее ступени. Например, осужденный, обладающее третьей положительной степенью, понижалось бы до второй положительной, осужденный со второй степенью поведения до первой, осужденный с

первой степенью признавался бы как не имеющее положительной степени поведения в соответствии с порядком, предусмотренным ст. 95 УИК.

Такая модель характеризуется целым рядом неоспоримых преимуществ. ***Во-первых,*** она поддерживает стимулирующий потенциал поведения осужденного, поскольку последний отчетливо осознает прямую взаимосвязь между своими действиями и последующим изменением его правового статуса. ***Во-вторых,*** меры дисциплинарного воздействия приобретают характер пропорциональности, санкции становятся адекватными тяжести нарушения, не нивелируя при этом полностью весь ранее накопленный положительный статус. ***В-третьих,*** для осужденного сохраняется осязаемая перспектива восстановления его прежнего правового положения даже на заключительном этапе отбывания наказания, что имеет ключевое значение для поддержания мотивации к положительному поведению.

В контексте уголовно-исполнительной политики данная новация гармонирует с основополагающими принципами гуманизма, соразмерности и индивидуализации исполнения наказания. Она также всецело коррелирует с международными стандартами, которые ориентируют государства к формированию устойчивых механизмов исправления осужденных. Предлагаемая модель в полной мере соответствует доктринальным позициям, согласно которым исправление осужденного трактуется как продолжительный и многоступенчатый процесс. Его эффективность детерминируется не разовыми карательными мерами, а планомерным формированием у лица конструктивных ценностных установок и социально значимых навыков [8, с. 79-88].

С практической точки зрения, имплементация принципа дифференцированного (поэтапного) снижения степени поведения осужденного потребует внесения соответствующих изменении в действующие редакции ч.4 ст.135 и ч.4 ст.137 УИК, которые устанавливают последствия признания осужденного нарушителем установленного режима содержания. Кроме того, потребуется детализация критериев перевода в условия строгого режима применительно к различным категориям правонарушений, указанным в ст. 130 УИК. Такой дифференцированный подход к мерам реагирования на нарушения, учитывающий их тяжесть и предшествующее поведение осужденного, способствовал бы всесторонней и наиболее полной реализации принципа индивидуализации исполнения наказания.

Выводы

Институт оценки степени поведения осужденных, занимает ключевое положение в концепции прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний. Согласно ст. 95 УИК, данный институт формирует критерии для корректировки типа исправительного учреждения, условий

содержания и объема прав осужденного, оказывая прямое воздействие на перспективы его дальнейшей реинтеграции в общество.

Однако, ныне существующая модель, предусматривающая безальтернативное и полное обнуление достигнутой степени положительного поведения в результате однократного дисциплинарного нарушения, вступает в противоречие с основополагающими принципами гуманности, соразмерности, справедливости и индивидуализации исполнения наказания, предусмотренных ст. 5 УИК. Она генерирует устойчивый эффект демотивации, особенно среди лиц, находящихся на завершающем этапе отбывания наказания. Потеря привилегированных условии содержания приводит к девальвации результатов продолжительного правомерного поведения и нивелированию стимулов к дальнейшему исправлению, что в корне противоречит декларируемым целям уголовно-исполнительного законодательства.

В контексте рационального вектора реформирования представляется целесообразным имплементировать в ст. 135 и ст. 137 УИК принцип дифференцированного (постепенного) снижения степени поведения, согласно которому применение дисциплинарного взыскания предполагает понижение на одну ступень, а не полное обнуление всех ранее достигнутых степеней. Подобный методологический подход гарантирует пропорциональность примененных мер дисциплинарного воздействия, поддержит стимулирующий потенциал прогрессивной системы исполнения наказаний и сформирует благоприятные условия для интенсификации процесса исправления осужденных.

Список использованной литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2025 год) // Информационно-правовая система «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234 (дата обращения: 10.05.2026).
2. **Сергеев Д.Н.** Проблемы уголовно-правовой изоляции: монография. — М.: Проспект, 2020. — 169 с.
3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Нации в отношении обращения с заключенными **(Правила Нельсона Манделы**): приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.2015 № 70/175. — URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf (дата обращения: 10.05.2026).
4. **Бандурина Д.А., Васильев А.М.** Современные тенденции в уголовно-исполнительной сфере: гуманизация условий отбывания наказания в России и Казахстане // Уральский журнал правовых исследований. — 2023. — № 3 (24). — С. 28–36.
5. **Южанин В.Е., Горбань Д.В.** Ресоциализация или исправление осужденного? // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2022. — № 44. — С. 105-113.
6. **Скиба А.П.** Ресоциализация осужденных: некоторые теоретико-правовые аспекты // Уголовно-исполнительное право. — 2023. — Т. 18 (1–4). — № 4. — С. 434–445. — DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).4.434-445.
7. **Горбань Д.В.** Досудебная пробация как стадия процесса ресоциализации // Уголовно исполнительное право. — 2017. — Т. 12(1–4), № 3. — С. 317–320.
8. **Павленко А.А.** Обеспечение правопорядка в пенитенциарных учреждениях в свете Правил Нельсона Манделы // Вестник Кузбасского института. — 2017. — № 4 (33). — С. 79-88.

Сведения об авторах

Бубербаев Нурлан Дюсентаевич *— старший научный сотрудник Центра по исследованию проблем уголовно-исполнительной системы ОВД Научно-исследовательского института Академии управления МВД Республики Казахстан.*
Бубербаев Нурлан Дюсентайұлы *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы Ғылыми-зерттеу институтының ІІО қылмыстық-атқару жүйесінің проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, полиция полковнигі.*
Buberbayev Nurlan Dysentaevich *— Senior Research Fellow at the Center for the Study of Problems of the Penal Enforcement System of Internal Affairs Bodies, Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Police Colonel (Astana, Republic of Kazakhstan),*
e-mail: fairuz2982@mail.ru.

Нуркенова Мадина Казизовна *— старший научный сотрудник Центра по исследованию проблем уголовно-исполнительной системы ОВД Научно-исследовательского института Академии управления МВД Республики Казахстан.*
Нуркенова Мадина Казизовна *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы Ғылыми-зерттеу институтының ІІО қылмыстық-атқару жүйесінің проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, полиция полковнигі.*
Nurkenova Madina Kazizovna *— Senior Research Fellow at the Center for the Study of Problems of the Penal Enforcement System of Internal Affairs Bodies, Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Police Colonel (Astana, Republic of Kazakhstan).*

Курумбаева Айнур Бекежановна *— старший преподаватель методист Факультета послевузовского образования Академии управления МВД Республики Казахстан, майор полиции.*
Курумбаева Айнур Бекежановнқызы *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясының Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру факультетінің аға оқытушы-әдіскері, полиция майоры (Қазақстан Республикасы.*
Kurumbayeva Ainur Bekezhanovna *— Senior Lecturer-Methodologist of the Postgraduate Education Faculty of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Major of Police (Astana, Republic of Kazakhstan),*
e-mail: ainura77707@mail.ru.

УДК 343.1:070(574)., МРНТИ 10.19.35

ХАКИМОВ Е.М.,
БАЗАРБАЕВА Т.Р.
Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы
Астана қ-сы, Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ІШКІ ІСТЕР ОРГАНДАРЫНЫҢ РЕЗОНАНСТЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ІСТЕРДІ ЖАРИЯ ЖАРИЯЛАУЫНЫҢ ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Мақалада Қазақстан Республикасы ішкі істер органдарының резонансты қылмыстық істерді жария жариялауы кезінде туындайтын құқық қолдану мәселелері қарастырылады. Тақырыптың өзектілігі бір мезгілде қоғамның сенімді ақпарат алу құқығын қамтамасыз ету, сотқа дейінгі тергеу мәліметтерін сақтау, процеске қатысушылардың жеке өмірі мен жеке деректерін қорғау, кінәсіздік презумпциясын сақтау және жәбірленушілердің қайта құрбан болуына жол бермеу қажеттілігімен байланысты.

Зерттеудің негізгі мақсаты Ішкі істер министрлігінің ресми хабарламаларын дайындаудың ғылыми негізделген тәсілін әзірлеу болып табылады, онда қоғамдық маңызы бар ақпарат уақтылы және мазмұнды түрде беріледі, бірақ жәбірленушіні, кәмелетке толмаған немесе күдіктіні жеткілікті заңды негізсіз тікелей немесе жанама түрде анықтауға мүмкіндік бермейді. Жеке тұлғаны тегі немесе фотосуреті бойынша емес, мәліметтер жиынтығы бойынша анықтауға болатын жағдайларға ерекше назар аударылады: оқиғаның нақты орны, жасы, туыстық қатынастары, оқу немесе жұмыс орны, кәсібі, шағын елді мекендегі жағдайы және басқа контексттік ерекшеліктер.

Жұмыста жәбірленушілер, күдіктілер және кәмелетке толмағандар туралы мәліметтерді жариялауға қойылатын талаптар сараланған. Ішкі істер министрлігінің өкілдері ең алдымен өзі туралы ақпаратты ашып көрсетуі керек деп негізделген оқиғалар, қабылданған шаралар және процестік кезең туралы, бірақ қоғамның қызығушылығын қанағаттандыратын және қатысушыларды анықтау қаупін тудыратын ақпарат емес. Бастапқы хабарламаның ерекшеліктері, кейінгі нақтылаулар, баспасөз брифингі, жалған ақпаратты жоққа шығару, фото және бейнематериалдарды жариялау, сондай-ақ жыныстық тиіспеушілікке және отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы қылмыстар туралы істер бойынша хабарламалар қарастырылады.

Тұжырымдамаларды таңдау, орналасқан жері туралы егжей-тегжейлі мәліметтер, процедуралық атауларды қолдану және тергеу бөлімі мен баспасөз қызметі арасындағы қоғамдық позицияны келісу бойынша практикалық ұсыныстар тұжырымдалған. Бұл атауды ресми түрде алып тастаудан тұлғаның жиынтық сәйкестендірілуін және жарияланымның ықтимал салдарын бағалауға көшу қажеттілігі туралы қорытындыға келді.

Кілтті сөздер: *резонансты қылмыстық іс, қоғамдық коммуникация, ішкі істер органдары, жеке мәліметтер, жәбірленуші, күдікті, кәмелетке толмаған, жанама сәйкестендіру, кінәсіздік презумпциясы, сотқа дейінгі тергеу мәліметтері, бұқаралық ақпарат құралдары, қызметтік хабарлама, жеке өмір, құрбан болу.*

Правоприменительные проблемы публичного освещения резонансных уголовных дел органами внутренних дел Республики Казахстан

В статье исследуются правоприменительные проблемы, возникающие при публичном освещении органами внутренних дел Республики Казахстан резонансных уголовных дел. Актуальность темы обусловлена необходимостью одновременно обеспечивать право общества на получение достоверной информации, сохранять данные досудебного расследования, защищать частную жизнь и персональные данные участников процесса, соблюдать презумпцию невиновности и не допускать повторной виктимизации потерпевших.

Основная цель исследования заключается в разработке научно обоснованного подхода к подготовке официальных сообщений МВД, при котором общественно значимая информация предоставляется своевременно и содержательно, но не позволяет прямо либо косвенно идентифицировать потерпевшего, несовершеннолетнего или подозреваемого без достаточного правового основания. Особое внимание уделено ситуациям, когда личность может быть установлена не по фамилии или фотографии, а по совокупности сведений: точному месту происшествия, возрасту, родственным отношениям, месту учебы или работы, профессии, статусу в небольшом населенном пункте и иным контекстным признакам.

В работе дифференцированы требования к публикации сведений о потерпевших, подозреваемых и несовершеннолетних. Обосновано, что представители МВД должны раскрывать прежде всего сведения о самом событии, принятых мерах и процессуальной стадии, но не сведения, удовлетворяющие общественное любопытство и создающие риск идентификации участников. Рассмотрены особенности первичного сообщения, последующих уточнений, пресс-брифинга, опровержения недостоверной информации, публикации фото- и видеоматериалов, а также сообщений по делам о

преступлениях против половой неприкосновенности и семейно-бытовом насилии.

Сформулированы практические рекомендации по выбору формулировок, степени детализации местоположения, использованию процессуальных наименований и согласованию публичной позиции между подразделением расследования и пресс-службой. Сделан вывод о необходимости перехода от формального удаления имени к оценке совокупной идентифицируемости лица и возможных последствий публикации.

Ключевые слова: *резонансное уголовное дело, публичная коммуникация, органы внутренних дел, персональные данные, потерпевший, подозреваемый, несовершеннолетний, косвенная идентификация, презумпция невиновности, данные досудебного расследования, масс-медиа, официальное сообщение, частная жизнь, виктимизация.*

Law-Enforcement Problems in Public Communication on High-Profile Criminal Cases by Internal Affairs Agencies of the Republic of Kazakhstan

The article examines law-enforcement problems arising when internal affairs agencies of the Republic of Kazakhstan communicate publicly about high-profile criminal cases. The topic is relevant because public authorities must simultaneously ensure the public's right to reliable information, preserve the confidentiality of pre-trial proceedings, protect the privacy and personal data of participants, respect the presumption of innocence, and prevent secondary victimization.

The principal purpose of the study is to develop a legally grounded approach to official communications by the Ministry of Internal Affairs in which socially significant information is provided promptly and meaningfully, while the victim, a minor, or a suspect cannot be directly or indirectly identified without a sufficient legal basis. Particular attention is given to identification through a combination of contextual details, including the exact location, age, family relationship, school or workplace, profession, social role in a small community, and other characteristics.

The study differentiates the standards applicable to the publication of information about victims, suspects, and minors. It argues that public communications should primarily disclose information about the event, measures taken, and the procedural stage, rather than details that merely satisfy public curiosity and create an identification risk. The article addresses initial statements, subsequent updates, press briefings, correction of misinformation, publication of photographs and video recordings, and communications concerning sexual offences and domestic violence.

Practical recommendations are proposed concerning wording, the level of geographical detail, the use of procedural terminology, and coordination

between investigative units and press services. The article concludes that formal removal of a name is insufficient; authorities must assess whether the individual remains identifiable from the totality of published information and what consequences may follow.

Keywords: *high-profile criminal case, public communication, internal affairs agencies, personal data, victim, suspect, minor, indirect identification, presumption of innocence, pre-trial investigation data, mass media, official statement, privacy, victimization.*

Кіріспе

Резонансты қылмыстық істі жария ету ішкі істер органдарының ақпараттық қызметінің ең күрделі нысандарының бірі болып табылады. Қысқа уақыт ішінде мемлекеттік орган ақпаратты растауы немесе жоққа шығаруы, қабылданған шаралар туралы хабарлауы, қауесеттердің таралуына жол бермеуі және қоғамның сенімін сақтауы керек. Сонымен бірге кез-келген ресми хабарлама жәбірленушінің жеке өміріне, күдіктінің іс жүргізу құқығына, кәмелетке толмаған баланың мүдделеріне, процеске қатысушылардың қауіпсіздігіне және тергеудің қалыпты жүруіне әсер етуі мүмкін.

Күрделілік қазіргі аудиторияның ақпаратты тек ресми пресс-релизден ғана емес алатындығымен күшейтіледі. ІІМ хабарламасы куәгерлердің жазбаларымен, бейнежазбалармен, жергілікті тұрғындардың пікірлерімен және әлеуметтік желілердегі мәліметтермен салыстырылады. Мемлекеттік орган тегін көрсетпесе де, жарияланған мәліметтердің жиынтығы шын мәнінде жеке басын аша алады. Шағын елді мекенде адамның жеке басын анықтау үшін жасы, жұмыс орны, туыстық қатынасы, белгілі бір көше немесе әлеуметтік жағдайы туралы мәліметтер жиі жеткілікті.

Оқиғаға қоғамның мүддесі заңды болып табылады және мағыналы ресми ұстанымды талап етеді. Дегенмен, оны қылмыстық іске қатысушылардың жеке тарихына қызығушылықпен теңестіруге болмайды. Қоғам оқиғаның болған-болмағанын, сотқа дейінгі тергеп-тексерудің тіркелгенін, полицияның қандай шаралар қолданғанын және қауіпсіздікке қатер төніп тұрғанын білуге құқылы. Сонымен қатар, әлеуметтік маңыздылық әрқашан белгілі бір адамды анықтауға мүмкіндік беретін аты-жөнін, суретін, нақты мекен-жайын, отбасылық жағдайын немесе басқа ақпаратты ашуды талап ете бермейді.

Мақаланың негізгі мақсаты - ішкі істер органдарының өкілдеріне ресми хабарламаны жәбірленушінің, кәмелетке толмағанның немесе күдіктінің жеке басын анықтайтын дереккөзге айналдырмай, қоғамды уақтылы хабардар етуге мүмкіндік беретін резонансты қылмыстық істерді жария етуде құқық қолдану тәсілін әзірлеу. кінәлілік туралы мерзімінен бұрын қоғамдық қорытынды жасау.

Көрсетілген мақсаттың қолданбалы мазмұны бар. Әңгіме ресми ақпаратты барынша азайту туралы емес, мәтінді механикалық түрде иесіздендіру туралы емес, хабарламаның әлеуметтік қажетті өзегін анықтау туралы болып отыр. Ол халыққа оқиғаның сипатын түсінуге, полицияның әрекетіне көз жеткізуге және қазіргі қауіп-қатерді бағалауға мүмкіндік беруі керек, бірақ жеке өмірдің мән-жайын, процессуалдық дәлелдемелерді және қатысушыларды анықтауға болатын ақпаратты ашпауы керек.

Осы мақсатқа жету үшін қоғамға қажетті ақпараттың шекарасын анықтау қажет; тікелей және жанама сәйкестендірудің айырмашылықтарын ашып көрсету; жәбірленушіге, күдіктіге және кәмелетке толмаған балаға қатысты жеке стандарттарды тұжырымдау; оқиға болған жерде егжей-тегжейдің рұқсат етілген дәрежесін анықтау; жалған ақпаратты алғашқы хабарлау, кейіннен нақтылау және теріске шығару кезінде баспасөз қызметінің іс-қимыл тәртібін көрсету.

Зерттеу нысаны резонансты қылмыстық істер бойынша халықты ресми хабардар ету кезінде туындайтын қоғамдық қатынастар болып табылады. Зерттеу пәні ақпараттық және қылмыстық іс жүргізу заңнамасының нормаларынан, ішкі істер органдарының хабарламаларды дайындаудың ғылыми тәсілдері мен практикалық әдістерінен тұрады.

Зерттеудің әдіснамалық негізі формальды-құқықтық, жүйелік және салыстырмалы-құқықтық әдістерден, сондай-ақ әдеттегі қоғамдық жағдайларды талдаудан құралды. Мақаланың практикалық сипаты ішкі құжат айналымының техникалық сипаттамасын емес, нақты ақпараттық жағдайда халыққа қандай мазмұнды хабарлауға болатынын және хабарлау керектігін ашуды көздейді.

Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасы бір мезгілде қолданылатын бірнеше құқықтық режимдерді қалыптастырады. Ақпарат бостандығы мен жеке өмірге қол сұғылмаушылықтың конституциялық кепілдіктері "Бұқаралық ақпарат құралдары туралы", "Ақпаратқа қол жетімділік туралы", "Дербес деректер және оларды қорғау туралы", "Балаларды денсаулығына және дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы" заңдармен нақтыланған. , сондай-ақ Қылмыстық іс жүргізу кодексі [1; 2]. Сотқа дейінгі сатыдағы жариялылық шектері тергеу мәліметтерін жария етпеуді және қатысушылардың құқықтарының бұзылуын ескере отырып анықталады [6; 7].

Ғылыми әдебиеттер де мәселенің тергеу құпиясын формальды түрде сақтаумен шектелмейтінін көрсетеді. Т.С.Нұрышева кінәсіздік презумпциясының практикалық маңызын заңдылықты қамтамасыз етумен және адам құқықтарын қорғаумен байланыстырады, оны тек нормативтік қамтамасыз етуді ғана емес, нақты қолдану қажеттігін атап көрсетеді [12, 51-56 б.]. И.Ю.Мурашкин адамды кінәсін көпшілік алдында мойындаудан қорғау процессуалдық мәртебе ресми түрде берілгеннен кейін емес, нақты күдік туындағаннан және жария қылмыстық қудалау кезінен бастап пайда болуы керек деп негізді түрде атап көрсетеді [13, б. 42-45]. Бұл

тұжырым полицияның оқиғадан кейінгі алғашқы сағаттардағы ресми хабарламалары үшін өте маңызды.

А.С. Есина мен Е.В.Блинова алдын ала тергеу деректерінің мазмұнын және рұқсат етілген ақпаратты ашу шеңберін түсіндіруде жалғасып жатқан проблемаларды көрсетеді [14, 113-117 беттер]. О.А.Анопко заңсыз ақпаратты жария етуді қатысушылардың құқықтарын бұзу ретінде ғана емес, сонымен бірге тергеуге қарсылық тудыратын фактор ретінде де қарастырады [15, 76-83 беттер]. Бұл ұстанымдар қоғамдық коммуникацияны жеке тұлғаның құқықтары, кінәсіздік презумпциясы және тергеу мүдделері тұрғысынан бір уақытта бағалау керектігін растайды.

Негізгі бөлім

Құқық қолданудың бастапқы нүктесі қылмыс туралы ақпарат пен адам туралы ақпаратты ажырату болып табылады. Ресми хабарламада оқиға туралы әлеуметтік маңызы бар ақпарат болуы мүмкін: хабарламаның түскен уақыты, жалпы аумағы, қылмыстық істі тіркеу фактісі, іс жүргізу біліктілігі, қабылданған шаралар, халыққа төнетін қатердің болуы немесе болмауы. Жәбірленуші немесе күдікті туралы мәліметтер мүлдем басқа мағынаға ие: тегі, бейнесі, жасы, нақты мекен-жайы, кәсібі, оқу орны, туыстық қатынастары, денсаулығы, отбасылық жағдайы және басқа белгілері.

"Дербес деректер және оларды қорғау туралы" Қазақстан Республикасының Заңы, егер заңда өзгеше көзделмесе, субъектінің немесе оның заңды өкілінің келісімі болған жағдайда дербес деректерді таратуға рұқсат береді [4]. Сонымен бірге, мемлекеттік органның қызметінде мәселе тек келісімнің формальды болуымен ғана шектелмеуі керек. Ішкі істер министрлігінің өкілі мемлекеттік органның атынан әрекет етеді және ол таратқан ақпарат сенімді және ресми түрде расталған ретінде қабылданады. Сондықтан, келісілген жағдайда да, егер бұл ақпарат хабарламаның мақсатына шынымен сәйкес келсе, оның көлемі шамадан тыс болса және қауіпсіздікке немесе қайта жарақаттануға қауіп төндірсе, оны анықтау қажет.

Дербес деректерді жариялауға рұқсат етілмейді, себебі олар әлеуметтік желілерде бұрыннан пайда болған немесе туыстары деп аталған. Мәліметтердің ашық ақпараттық алаңда болу фактісі мемлекеттік органның оларды ресми түрде растауға құқылы екендігін білдірмейді. Ресми растау ақпараттың сапасын өзгертеді: болжам фактіге айналады, ал жергілікті белгілі ақпарат шектеусіз таратылады. Сондықтан баспасөз қызметі хабарламаның әрбір элементінің құқықтық негізі мен қажеттілігін дербес бағалауы керек.

Тікелей сәйкестендіру адамның аты-жөнін, фотосуретін, бейнежазбасын, мекен-жайын немесе басқа да нақты ақпаратты көрсеткен кезде жүзеге асырылады. Дегенмен, резонансты қылмыстық істерге жанама сәйкестендіру көбірек тән. Бұл жеке деректердің өзі адамды атамаған кезде пайда болады, бірақ олардың жиынтығы басқаларға оның жеке басын анықтауға мүмкіндік береді. Мұндай

деректерге жасы, жынысы, кәсібі, отбасылық жағдайы, қатысушылардың туыстық қатынасы, белгілі бір аула, мектеп, медициналық мекеме, жұмыс орны, шағын елді мекен және оқиғаның әдеттен тыс жағдайлары жатады.

Ғылыми тұрғыдан алғанда, ақпарат жеке хабарлама ретінде ғана емес, сонымен қатар бірнеше ақпаратты біріктіру нәтижесінде де құндылыққа ие. Ж.О. Құлжабаева мен Ю.С. Костяная ақпараттың құқықтық категория ретіндегі көп мағыналылығына және оның мазмұндық қасиеттерін ескеру қажеттілігіне назар аударады [16, 148-155 беттер]. Құқық қорғау органдары үшін бұл иесіздендіруді жойылғаннан кейін орындалды деп санауға болмайтынын білдіреді тегі. Адамды үшінші тұлғалар анықтайтын барлық контекст пен ықтималдылықты бағалау қажет.

"Жасыбай ауданының тұрғыны кәмелетке толмаған балаға қатысты сексуалдық сипаттағы зорлық-зомбылық әрекеттерін жасады деп күдіктелуде" деген гипотетикалық тұжырым көрсеткіш болып табылады. Бір қарағанда, онда тегі жоқ сияқты. Дегенмен, халық аз қоныстанған ауданда орын, іс-әрекет сипаты, жәбірленушінің жасы, ықтимал туыстық және оқиға уақытының үйлесімі екі қатысушыны да тануға мүмкіндік береді. Белгілі бір ауылдың немесе шағын ауданның тұрғындары үшін күдіктінің кәсібіне, жәбірленушінің мектебіне немесе отбасылық байланысына бір қосымша нұсқау жеткілікті болуы мүмкін.

Мұндай жағдайда Ішкі істер министрлігінің өкілі формальды түрде қанша мәліметтер жасырылғандығына емес, қалған мәліметтер жиынтығы бойынша жеке тұлғаны анықтауға болатындығына негізделуі керек. "Павлодар облысында кәмелетке толмаған баланың жыныстық тиіспеушілігіне қарсы қылмыстық құқық бұзушылық фактісі бойынша сотқа дейінгі тергеу тіркелді; күдікті анықталды, қажетті тергеу амалдары жүргізілуде" деген жалпы тұжырым заңды болады. Егер қауіп-қатердің алдын алу, іздестіру немесе жаппай таратылатын жалған ақпаратты теріске шығару үшін аумақты көрсету талап етілмесе, ол бастапқы хабарламаға енгізілмеуі керек.

Орналасқан жердің егжей-тегжейлі дәрежесі контекстке байланысты. Ірі қалада көршілес елді мекенді анықтау әдетте жеке басын анықтауға әкелмейді, дегенмен үйдің нақты мекенжайы, мектеп нөмірі, кәсіпорын атауы немесе белгілі бір отбасының сипаттамасы сәйкестендіру қаупін тудырады. Ауылдық жерлерде тіпті ауданның немесе елді мекеннің атауы шамадан тыс болуы мүмкін. Сондықтан географиялық дәлдік әдеттегі пресс-релиз үлгісімен емес, қоғамдық қауіпсіздік қажеттілігімен және қатысушыларды тану ықтималдығымен анықталуы керек.

Нақты орын, егер ол жалғасып жатқан қауіп-қатерге, іздестіруге, куәгерлерді табу қажеттілігіне, қозғалысты шектеуге немесе халықты ескертуге байланысты болса, ақталуы мүмкін. Мысалы, қарулы адамды іздестіру, баланың жоғалып кетуі немесе белгілі бір қоғамдық орынға қоқан-лоққы жасау кезінде орналасқан жері туралы ақпарат қорғаныс функциясын орындайды. Бірақ бұл жағдайда да жәбірленуші мен

отбасылық жағдай туралы мақсатқа жету үшін қажет емес мәліметтерді автоматты түрде қосу мүмкін емес.

Жәбірленуші туралы ақпаратты жариялау кезінде бастапқы ереже құпиялылық болуы керек. Жәбірленуші қылмыстық іске көпшілік алдында қатысуды таңдамайды, ал ақпаратты тарату қысымға, стигмаға, отбасындағы жанжалға, қоқан-лоққыларға және травматикалық жағдайлардың қайталануына әкелуі мүмкін. Неғұрлым қатаң тәсіл жыныстық тиіспеушілікке, отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа, балаларға қатысты қылмыстарға және денсаулық жағдайына байланысты әрекеттерге қарсы қылмыстар туралы істер бойынша қажет.

Ресми хабарламада жәбірленушінің аты-жөні, фотосуреті, мекен-жайы, байланыс деректері, оқу немесе жұмыс орны, медициналық мәліметтер, отбасылық жанжалдың егжей-тегжейлері және қоғамды хабардар ету үшін маңызы жоқ мән-жайлардың сипаттамасы болмауы керек. Сондай-ақ, жеке тарихты қалпына келтіруге мүмкіндік беретін түсініктемелер мен айғақтардың үзінділерін көбейтуге жол берілмейді. Қорғаныс дауысқа, силуэтке, үйдің интерьеріне, автокөлік нөміріне, әлеуметтік желідегі аккаунтқа және басқа да көрнекі белгілерге қолданылуы тиіс.

Жәбірленушінің өзі немесе оның туысы көпшілік алдында сөз сөйлеп, жеке мәліметтерін хабарлаған кезде жеке мәселе туындайды. Бұл жағдайда Ішкі істер министрлігі ресми лауазымға қажетті ақпаратты ғана растай алады. Азаматтың жеке басын өз бетінше ашуы тергеу материалдарының барлық жиынтығын ашық материалға айналдырмайды. Мемлекеттік орган мемлекеттік өкілеттіктерді жүзеге асыру кезінде белгілі болған деректерді қорғау жөніндегі міндеттерді орындауды жалғастыруда.

Кәмелетке толмаған балаға қатысты күшейтілген стандарт қолданылады. Балаларды қорғау туралы заңнама және баланың ең жақсы мүдделерінің халықаралық қағидасы ағымдағы басылымды ғана емес, сонымен бірге оның ұзақ мерзімді салдарын да бағалауды талап етеді [5; 10]. Сандық материал сақталады, көшіріледі және жылдар өткен соң табуға болады. Тіпті оң профилактикалық сюжет, егер ол арқылы мектеп, отбасы, тұрғылықты жері немесе құқық бұзушылықтың мән-жайы анықталса, зиян келтіруі мүмкін.

Заңды өкілдің келісімі кез келген жариялауға автоматты түрде рұқсат ретінде қарастырылмауы керек. Авторлардың пікірінше, Ішкі істер министрлігінің өкілі ақпаратты ашу баланың мүдделеріне сай келетін-келмейтінін өз бетінше бағалауға міндетті. Заңды өкіл эмоционалды күйде болуы, жанжалдың қатысушысы болуы немесе жариялылықтың салдарын жете бағаламауы мүмкін. Күмәнді жағдайда иесіздендірілген хабарламаға басымдық берілуі керек.

Кәмелетке толмаған жәбірленушіні күдікті туралы ақпарат арқылы анықтауға мүмкіндік беретін мәліметтерді хабарлау әсіресе қолайсыз. Егер шағын елді мекенде күдіктінің баланың әкесі, өгей әкесі, мұғалімі,

жаттықтырушысы немесе көршісі екендігі көрсетілсе, жәбірленушінің жеке басы анықталуы мүмкін. Сондықтан, қажеттілік болмаған жағдайда, туыстық және басқа да әлеуметтік байланыстар бейтарап тұжырымдармен ауыстырылуы керек: "жақын ортадан шыққан адам", "отбасының танысы" немесе мүлдем аталмауы керек.

Кәмелетке толмаған күдіктінің деректері де күшейтілген қорғауға жатады. Ресми хабарламада жасөспірімді анықтауға болатын мектеп, сынып, отбасы, тұрғылықты жері және мінездемелері туралы мәліметтер болмауы керек. Процесс аяқталғанға дейін қоғамдық стигма кәмелетке толмағандар істері жөніндегі сот төрелігінің тәрбиелік бағытына қайшы келеді және түпкілікті шешімге қарамастан ұзаққа созылатын салдарға әкелуі мүмкін.

Күдікті туралы мәліметтерді жариялау кезінде кінәсіздік презумпциясы басты назарда болады. Егер кінәлілік заңды күшіне енген үкіммен анықталмаса, мемлекеттік орган өкілінің "қылмыскер", "кінәлі", "қылмыс жасады" деген сөздерді қолдануға құқығы жоқ. Процессуалдық бейтарап сөздер дұрыс: "күдікті ұсталды", "қатысы тексерілуде", "адам күдікті деп танылды", "сотқа дейінгі тергеу жалғасуда".

И.Ю.Мурашкиннің кінәсіздік презумпциясы нақты қылмыстық қудалау кезінен бастап күшіне енеді деген тұжырымы алғашқы қоғамдық коммуникация үшін тікелей маңызды [13, 42-45 беттер]. Күдікті деп тану туралы қаулы шығарылғанға дейін ақпарат жолағында адамның аты-жөнінің пайда болуы сирек емес. Ресми тұлға осы кезеңде де өзінің қылмыс жасағаны туралы айыптаудан қалыс қалуы керек.

Ұстаудың өзі, кінәсін мойындау, кінәсін мойындап келу немесе таратылған бейнежазбаның өзі кінәлі деп тануға негіз бермейді. Мойындау туралы мәлімдемелер басқа дәлелдемелермен бірге тексерілуге жатады, ал бейнематериал толық контекстті көрсетпеуі мүмкін. Ресми хабарламада процестік әрекетті көрсетуге рұқсат етіледі, бірақ оны түпкілікті қорытындыға айналдыруға жол берілмейді.

Күдіктінің тегі мен бейнесін жариялау жеке құқықтық негізді және қоғамдық қажеттілікті талап етеді. Егер ол ресми түрде іздестірілсе, тікелей қоқан-лоққы жасалса, жәбірленушілерді немесе куәгерлерді анықтау қажет болса, сондай-ақ заңда тікелей көзделген басқа жағдайларда ақталуы мүмкін. Мақсатқа жеткеннен кейін мәліметтер жаңартылуы тиіс. Іздестіруді тоқтату немесе процестік мәртебені өзгерту туралы хабарлама бастапқы жарияланымнан кем емес көлемде таратылуға тиіс.

Егер күдіктінің есімін журналистер мен әлеуметтік желі қолданушылары жаппай атаған болса, баспасөз қызметі оны растауға міндетті емес. Ішкі істер министрлігінің өкіліне «тергеу және қатысушылардың құқықтарын қорғау мүддесі үшін жеке мәліметтер жария етілмейді» деп хабарлау керек. Сонымен бірге, полицияның іс-әрекеттері туралы жеткілікті ақпарат берілуі керек, сондықтан бас тарту қоғамдық маңызы бар мәселеден жалтару ретінде қабылданбауы керек.

Қоғамдық коммуникация тергеудің мүдделерін де ескеруі керек. Қазақстан Республикасы ҚІЖК-нің 201-бабы сотқа дейінгі тергеу мәліметтерін жариялауға жол берілмейтіндігін белгілейді [6]. Жоғарғы Соттың сот ісін жүргізудің жариялылығы туралы нормативтік қаулысы сотқа дейінгі сатыдағы жариялылық шектерін уәкілетті іс жүргізу субъектілері анықтайтындығына негізделген [7]. Бұл дегеніміз, баспасөз қызметі нұсқаларды, мазмұнды өз бетінше аша алмайды айғақтар, сараптама нәтижелері, тергеу әрекеттерінің тактикасы және дәлелдемелер туралы ақпарат.

А.С. Есина мен Е.В.Блинова алдын ала тергеу мәліметтеріне қандай мәліметтер жататынын анықтаудың екіұштылығын және субъектінің мәртебесі мен ақпараттың мазмұнын ескеру қажеттілігін атап өтеді [14, 113-117 беттер]. Ішкі істер министрлігінің қызметі үшін бұдан практикалық қорытынды шығады: хабарламаны сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын тұлғамен келісу мағыналы болуы керек. "Түсініктеме беруге" жалпы рұқсат алу жеткіліксіз; рұқсат етілген ақпараттың нақты көлемін анықтау қажет.

О.А. Анопко бұл ақпараттың тергеуге қарсылық білдіруге жағдай туғызуы мүмкін екенін дұрыс көрсетеді [15, 76-83 беттер]. Табылған іздер, жоспарланған сараптамалар, тексерілген нұсқалар және болжамды серіктестер туралы ақпаратты жариялау дәлелдемелердің жойылуына, дәлелдемелердің келісілуіне немесе қатысушыларға қысым көрсетуге әкелуі мүмкін. Демек, қоғамның мүддесі тергеудің ішкі логикасын ашуды ақтамайды.

Резонансты оқиға туралы бастапқы хабарлама қысқа болуы керек, бірақ ресми емес. Онда фактінің өзін растап, хабарламаның тіркелгенін көрсетіп, жалпы құқықтық біліктілік пен полиция қабылдаған шараларды көрсеткен жөн. Егер мәліметтер әлі де тексеріліп жатса, бұл тікелей көрсетілуі керек. "Мән-жайлар белгіленеді" формуласы ең аз мағыналы ақпаратпен бірге ғана қолайлы; әйтпесе, ол ақпараттық вакуумды күшейтеді.

Мән-жайлар анықталған жағдайда ІІМ нақтылауларды жариялауға құқылы. Дегенмен, әрбір келесі хабарлама жаңа бағалауды қажет етеді. Жеке тергеу әрекеті аяқталғаннан кейін рұқсат етілген ақпарат баланың жеке өміріне немесе мүдделеріне байланысты жабық күйінде қалуы мүмкін. Тергеуді аяқтау сонымен қатар жеке деректердің автоматты түрде ашылуын білдірмейді.

Брифинг барысында Ішкі істер министрлігінің өкілі түсініктеменің шекарасын алдын ала анықтауы керек. Журналистің сұрағы ашуға құқықтық негіз туғызбайды. Егер сұрақта болжамды тұлға, туысы, мектебі немесе нақты мекен-жайы көрсетілсе, лауазымды тұлға бұл мәліметтерді растамауы керек. Рұқсат етілген ақпаратқа оралу дұрыс болып табылады: іс жүргізу мәртебесі, қабылданған шаралар және тергеудің жалпы барысы.

«Пікір қалдыра алмаймыз» деген тіркес тек шын мәнінде қорғалған ақпарат бөлігіне қатысты қолданылуы керек. Егер иесіздендірілген ақпаратты хабарлау мүмкін болса, толық бас тарту ашықтық міндетіне қайшы келеді және қауесеттерге ықпал етеді. Неғұрлым кәсіби құрылым: "факт тіркелді; күдікті анықталды; басқа мәліметтер, оның ішінде қатысушылардың деректері мен тергеу әрекеттерінің мазмұны жария етілмейді".

Жалған ақпаратты жоққа шығарған кезде, орган есту қабілетін түзету үшін бұрын белгілі болғаннан көбірек ақпаратты ашатын парадоксты болдырмау керек. Қатысушылардың жеке басын растамай және сезімтал мәліметтерді қайталамай, нақты жалған фактіні жоққа шығару керек. Егер жалған ақпаратта кәмелетке толмаған баланың аты-жөні көрсетілсе, ресми хабарлама оны қайталамауы керек.

Фото- және бейнематериалдар жеке бағалауды талап етеді. Тіпті киім-кешек, дауыс, көлік, аула, кіреберіс, мектеп немесе жақын туыстары көрініп тұрса, беттің бұлыңғырлануы да жасырын болуға кепілдік бермейді. Жарияламас бұрын кадрдың негізгі нысанын ғана емес, сонымен қатар фонды, дыбысты, субтитрлерді, қолтаңбаны және метадеректерді бағалау қажет. Оқиға орнындағы материал эмоционалды түрде сенімді болғандықтан немесе ресми парақшаның қолжетімділігін арттыратындықтан ғана таратылмауы керек.

Ұстауды жариялау кезінде ерекше сақтық қажет. Кісенделген адамды, тұрғын үйді және жеке заттарды көрсету аудиторияда дәлелденген кінә туралы түсінік қалыптастырады және абыройын түсіруі мүмкін. Егер бейнематериал жалған мәліметтерді теріске шығару немесе полицияның іс—әрекетін растау үшін қажет болса, оны ең төменгі талап етілетін мөлшерге дейін азайту керек, ал егер адам мен басқа да жеке куәліктер, егер жариялауға заңды негіз болмаса, жасырылуы керек.

Жыныстық тиіспеушілікке қарсы қылмыстар туралы істер бойынша ресми хабарламаның мазмұны мүмкіндігінше бейтарап болуы керек. Әрекеттің нақты жасалу жолын, жәбірленушінің мінез-құлқын, танысу мән-жайларын және отбасы тарихын сипаттау талап етілмейді. Қоғамды ақпараттандыру үшін құқықтық категория, тергеу сатысы және қабылданған шаралар жеткілікті. Шамадан тыс егжей-тегжейлер хабарламаның заңды құндылығын арттырмайды, бірақ жәбірленушіні анықтау және қоғамдық айыптау қаупін арттырады.

Отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық туралы істер бойынша да осындай тәсіл қажет. Ерлі-зайыптылардың нақты мекен-жайын, кәсібін, балаларының санын, бұрынғы жанжалдарды және басқа да мәліметтерді көрсету отбасын танымал ете алады. Бұл ретте мемлекеттік орган ден қою шаралары мен қорғаудың қолжетімді тәсілдері туралы хабардар етуге міндетті. Мазмұн жеке мәліметтерден полицияның әрекеттеріне, қорғаныс шараларына және профилактикалық ақпаратқа ауысуы керек.

Қазақстандық авторлардың жәбірленушілерді қорғау жөніндегі ғылыми еңбектері мемлекеттің бастамашыл рөлінің қажеттілігін растайды.

Р.К. Сарпеков пен Д.А. Финк жәбірленуші әйелдер мен куәгерлерді мемлекеттік қорғау шараларын қауіп-қатердің алдын алу мен қауіпсіздікті қамтамасыз етуді көздейтін жүйе ретінде қарастырады [17, 100-113 беттер]. Қоғамдық құпиялылық мұндай қорғаудың ұйымдастырушылық шараларының бірі ретінде қарастырылуы керек, өйткені жеке басын анықтау жаңа тәуекелдерді тудыруы мүмкін.

Статистика мен жинақталған ақпаратты жариялау кезінде сәйкестендіру қаупі әдетте төмен болады, бірақ толығымен жойылмайды. Егер біз шағын елді мекендегі бір іс туралы айтатын болсақ, қылмыстың кезеңін, жасын және түрін біріктіру белгілі бір отбасын ашуы мүмкін. Сондықтан біріктіру нақты болуы керек: бірнеше аумақтар, жеткілікті кезең және бірегей белгілердің болмауы.

Бірыңғай тәжірибе үшін мемлекеттік позицияны дайындаудың техникалық емес, мазмұнды тәртібін белгілеу қажет. Тергеу бөлімшесі қандай фактілер тексерілгенін және қандай мәліметтер тергеуге нұқсан келтіруі мүмкін екенін анықтауы керек. Баспасөз қызметі тұжырымдардың түсініктілігін және тікелей немесе жанама сәйкестендіру тәуекелін бағалауы керек. Заң бөлімшесі қиын жағдайда дербес деректер, бұқаралық ақпарат құралдары және балаларды қорғау туралы заңнаманың сақталуын тексереді.

Қорытынды хабарлама бірнеше мағыналы сұрақтарға жауап беруі керек: расталған шамада не болды; қандай шаралар қабылданды; нақты қауіп бар ма; процессуалдық мәртебе қандай; қандай мәліметтер ашылмайды және неге. Мұндай құрылым формальды алгоритм емес, мемлекеттік органның қоғамға қосымша зиян келтірместен пайдалы ақпарат беру міндетін көрсетеді.

ІІМ өкілдеріне ережеге сүйенген жөн: адам неғұрлым осал болса және қауымдастық неғұрлым аз болса, рұқсат етілген мәліметтер соғұрлым аз болады. Балаларға, зорлық-зомбылықтан зардап шеккендерге және шағын елді мекендердің тұрғындарына қатысты істер бойынша иесіздендірудің күшейтілген стандарты қолданылуы тиіс. Ауданның атауы, жасы және туыстық байланыстары тегінен кем емес сәйкестендіруші болуы мүмкін.

Сондай-ақ, оқиғаға деген қызығушылық пен болжамды кінәліге деген қызығушылықты ажырату қажет. Үздіксіз қоқан-лоққы немесе іздестіру кезінде адам туралы ақпаратты ашу қоғамды қорғауы мүмкін. Ұсталғаннан кейін және қауіп жойылғаннан кейін кескінді одан әрі тарату үшін негіздеме қайта қаралуы керек. Ресми интернет-ресурстар жарияланымдарды жаңартып отыруға және ескірген мәртебенің сақталуын болдырмауға тиіс.

Құқық қорғау органдарының қателігі көбінесе мүмкіндігінше егжей-тегжейлі жауап беруге ұмтылудан туындайды. Дегенмен, ресми коммуникацияның сапасы егжей-тегжейлердің санымен емес, таңдаудың дәлдігімен анықталады. Мазмұнды хабарлама, егер ол полицияның іс-әрекетін түсіндірсе және апелляцияның тіркелгеніне және тергеу жүргізіліп жатқанына күмән келтірмесе, қысқа болуы мүмкін. Артық жеке

мәліметтер сенімділікті арттырмайды, керісінше заңды және беделді тәуекелдерді тудырады.

Қатенің екінші түрі — шамадан тыс жабылу. Сотқа дейінгі тергеудің құпиясына сілтеме, егер бұл тергеуге және қатысушылардың құқықтарына қауіп төндірмесе, оқиғаның нақты фактісін, полиция шараларын және жалпы процессуалдық ақпаратты беруден бас тарту үшін пайдаланылмауы тиіс. Заңды теңгерім қоғамдық қажетті өзекті ашудан және жекелендіруші және дәлелдеуші бөлікті қорғаудан тұрады.

Ведомстволық әдістемелік ұсыныстарда жиынтық сәйкестілік ұғымын бекіту ұсынылады. Бұл тұлғаны бір жарияланған реквизит бойынша емес, ресми хабарламаны жалпыға қолжетімді ақпаратпен байланыстыру арқылы анықтау мүмкіндігі деп түсіну керек. Бағалау кезінде елді мекеннің көлемі, мән-жайлардың бірегейлігі, хабардар адамдардың шеңбері, бұқаралық ақпарат құралдарының назарының қарқындылығы және куәгерлердің жарияланымдарының болуы ескерілуі тиіс.

Әдістемелік материалдарда рұқсат етілмеген және артықшылықты тұжырымдардың мысалдарын бөлек бекіткен жөн. "N ауылындағы мектептердің бірінің 35 жастағы мұғалімі өз оқушысына қатысты қылмыс жасады деген күдікке ілінді" деген хабардың орнына "облыста кәмелетке толмаған балаға қатысты құқыққа қайшы әрекеттер бойынша қылмыстық іс тергелуде; күдікті анықталып, ұсталды". Бірінші тұжырым іс жүзінде екі қатысушыны да ашады, екіншісі полицияның әрекеті туралы қажетті мәліметтерді хабарлайды.

"Х көшесіндегі үйдің тұрғыны көршісіне шабуыл жасады" дегеннің орнына, тұрғындарға ешқандай қауіп төнбесе, "қалада зорлық-зомбылық фактісі бойынша қылмыстық іс тіркелді; күдікті ұсталды". Егер орын куәгерлерді іздеу үшін маңызды болса, ол жауап беруді сұрай отырып, бірақ жәбірленушінің деректерінсіз және оның жеке басын анықтайтын мәліметтерсіз бөлек аталуы мүмкін.

"Ер адам қылмыс жасағанын мойындады" дегеннің орнына "күдікті айғақтар берді, олар белгіленген тәртіппен тексеріледі" деп хабарлау керек. "Қылмыскер ұсталды" дегеннің орнына "күдікті ұсталды". "Кінәлі — ұйымның қызметкері" дегеннің орнына - "ұйым қызметкерінің қатысуы тексеріледі", егер жұмыс орны туралы нақты айту қажет болса.

Бұл айырмашылықтар редакциялық болып көрінуі мүмкін, бірақ іс жүзінде олар ақпараттың құқықтық мәртебесін көрсетеді. Нақты процедуралық лексика кінәсіздік презумпциясын қорғайды, артық идентификаторлардан бас тарту жеке өмірді қорғайды, ал дәлелдемелік мәліметтерді шектеу тергеу мүдделерін қамтамасыз етеді.

Осылайша, ішкі істер органдарының заңды қоғамдық қарым-қатынасы өзара байланысты үш бағдарға негізделуі керек. **Біріншісі** — қоғам мемлекеттің оқиғалары мен іс-әрекеттері туралы уақтылы ақпарат алады. **Екіншісі** — қылмыстық процеске қатысушылар негізсіз жария ету объектісіне айналмайды. **Үшіншісі** — ресми хабарлама кінәні алдын ала анықтамайды және тергеуге кедергі келтірмейді.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеу резонансты қылмыстық істі жария етуді әдеттегі іс ретінде қарастыруға болмайтынын көрсетті ақпараттық жарияланымды. Бұл құқық қолдану шешімі, оның салдары қоғамның ақпаратқа, жеке өмірге, жеке мәліметтерге, кінәсіздік презумпциясына, кәмелетке толмағандардың мүдделеріне және тергеудің тиімділігіне құқығына әсер етеді.

Ішкі істер министрлігінің ресми коммуникациясының негізгі мақсаты ақпараттың барынша толық көлемін қамтамасыз ету емес, қоғамға қажетті мазмұнды ашу болып табылады. Тұрғындар оқиға, полиция қызметі, іс жүргізу сатысы және тиісті қауіпсіздік туралы расталған ақпаратты алуы керек. Жеке және дәлелдемелік мәліметтер нақты заңды мақсат болған жағдайда ғана ашылады.

Фамилияны ресми түрде алып тастау иесіздендіруді қамтамасыз етпейді. Жиынтық сәйкестікті бағалау қажет: адамды орналасқан жері, жасы, кәсібі, туыстық қатынасы, оқу орны, бейнесі, дауысы және басқа контексттік белгілері бойынша анықтау мүмкіндігі. Әсіресе, шағын елді мекендерде және қазірдің өзінде кеңінен талқыланып жатқан істерде жоғары тәуекел бар.

Жәбірленушіге қатысты бастапқы ереже құпиялылық болуы керек. Зорлық-зомбылық, жыныстық тиіспеушілікке қарсы қылмыстар және отбасылық-тұрмыстық жанжалдар туралы істер бойынша стигматизацияға және қайталап виктимизацияға әкеп соғуы мүмкін мәліметтерге жол берілмейді. Жәбірленушінің көпшілік алдында сөйлеуі органды тергеу материалдарын қорғау міндетінен босатпайды.

Кәмелетке толмаған балаға қатысты жоғары стандарт қолданылады. Тіпті заңды өкілдің келісімі де баланың мүдделерін тәуелсіз бағалауды жоққа шығармауы керек. Мектепті, отбасын, нақты орналасқан жерін, отбасылық байланыстарын және сәйкестендіруге мүмкіндік беретін басқа да мәліметтерді жариялау мүмкін емес.

Күдікті туралы мәліметтерді жариялау кезінде іс жүргізу терминологиясын және кінәсіздік презумпциясын қатаң қолдану қажет. Үкім заңды күшіне енгенге дейін адамды қылмыскер деп атауға немесе оның кінәсін анықталғандай етіп көрсетуге жол берілмейді. Аты мен суреті белгілі бір заңды негіздер мен нақты қоғамдық қажеттілік болған жағдайда ғана жариялануы мүмкін.

Оқиғаның нақты орны туралы мәліметтер сараланған бағалауға жатады. Шағын елді мекенде көршілес елді мекеннің атауы қатысушыларды аша алады, ал халықты қорғау немесе куәгерлерді іздеу үшін географиялық ақпарат қажет болуы мүмкін. Таңдау үлгімен емес, сәйкестендірудің мақсаты мен тәуекелімен анықталады.

Тергеу бөлімі мен баспасөз қызметі арасындағы мазмұнды үйлестіру іс жүзінде негізделген: біріншісі фактілерді тексеруді және өндіріс мүдделерін анықтайды, екіншісі қоғамдық түсініктілік пен сәйкестендіру

тәуекелін бағалайды. Күрделі жағдайларда баланың дербес деректері мен мүдделерін құқықтық бағалау талап етіледі.

Ведомстволық әдістемелік ұсыныстарда жиынтық сәйкестендіру тұжырымдамасы, рұқсат етілген тұжырымдамалардың мысалдары және жәбірленушілерге, күдіктілерге және кәмелетке толмағандарға арналған жеке стандарттар бекітілуі керек. Бұл ситуациялық тәжірибеден мемлекеттің ашықтығы жеке тұлғаның қадір-қасиетін құрметтеумен және қылмыстық процестің талаптарымен үйлесетін бірыңғай тәсілге көшуге мүмкіндік береді.

Түпкілікті құқық қолдану нұсқаулығын былайша тұжырымдауға болады: Ішкі істер министрлігінің өкілдері қоғамға оқиғаны түсіну, мемлекеттің іс-әрекетін бағалау және қауіпсіздікті қамтамасыз ету үшін не қажет екенін хабарлауы керек, бірақ бұл тек қызығушылықты қанағаттандыратын және қылмыстық іске қатысушыны танымал ететін нәрсе емес. Дәл осы тәсіл заңдылықты, полицияға деген сенімділікті және адам құқықтарының нақты қорғалуын қамтамасыз етеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы: 2026 жылғы 15 наурызда республикалық референдумда қабылданды.
2. Масс-медиа туралы: Қазақстан Республикасының 2024 жылғы 19 маусымдағы № 93-VIII ҚРЗ Заңы.
3. Ақпаратқа қол жеткізу туралы: Қазақстан Республикасының Заңы 2015 жылғы 16 қарашадағы № 401-V ҚРЗ.
4. Дербес деректер және оларды қорғау туралы: Қазақстан Республикасының 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы.
5. Балаларды денсаулығы мен дамуына зардабын тигізетін ақпараттан қорғау туралы: Қазақстан Республикасының Заңы 2018 жылғы 2 шілдедегі № 169-VI ҚРЗ.
6. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі: Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 4 шілдедегі № 231-V ҚРЗ.
7. Қылмыстық істер бойынша сот ісін жүргізудің жариялылық қағидатын сақтау туралы: Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2002 жылғы 6 желтоқсандағы № 25 нормативтік қаулысы.
8. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі: Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ.
9. Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт: 1966 жылы 16 желтоқсанда БҰҰ Бас Ассамблеясының 2200 А (XXI) қарарымен қабылданды.
10. Бала құқықтары туралы конвенция: БҰҰ Бас Ассамблеясының 44/25 қарарымен 1989 жылы 20 қарашада қабылданды.
11. **Бачило И.Л.** Информационное право: учебник. — Москва: Юрайт, 2021.
12. **Нурышева Т.С.** Вопросы практического применения презумпции невиновности как конституционного принципа правосудия // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2020. — № 3 (61). — С. 51–56.
13. **Мурашкин И.Ю.** Начало действия принципа презумпции невиновности // Вестник Омской юридической академии. — 2016. — № 2 (31). — С. 42–45.
14. **Есина А.С., Блинова Е.В.** Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 3. — С. 113–117.
15. **Анопко О.А.** Разглашение тайны предварительного расследования как проявление противодействия расследованию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 1 (88). — С. 76–83.

16. **Кулжабаева Ж.О., Костяная Ю.С.** К вопросу о понятии информации // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2020. — № 3 (61). — С. 148–155.
17. **Сарпеков Р.К., Финк Д.А.** Система мер государственной защиты и мер безопасности в отношении женщин-потерпевших и свидетелей при досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2020. — № 3 (61). — С. 100–113.

Автор туралы мәлімет

Хакимов Ержан Маратович *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясының Ғылыми-зерттеу академиясы бастығының орынбасары, (PhD) философия докторы, полиция подполковнигі.*

Хакимов Ержан Маратович *— Заместитель начальника Научно-исследовательского института Академии управления МВД Республики Казахстан, доктор философии (PhD), подполковник полиции.*

Khakimov Yerzhan Maratovich *— Deputy Head of the Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, doctor of Philosophy (PhD), Police lieutenant colonel,* ***kh_erzhan@mail.ru.***

Базарбаева Томирис Рахимқызы *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы ғылыми-зерттеу институтының аға ғылыми қызметкері, құқықтану магистрі, полиция майоры.*

Базарбаева Томирис Рахимовна *— Старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Академии управления МВД Республики Казахстан, магистр юриспруденции, майор полиции.*

Bazarbayeva Tomiris Rakhimkyzy *— Senior Researcher at the Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Master of Jurisprudence, Police Major.*

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ҚЫЗМЕТІНДЕГІ БАСҚАРУ СТРАТЕГИЯСЫ

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

MANAGEMENT STRATEGY IN LAW ENFORCEMENT

УДК *34:004.8.,* ***МРНТИ*** *10.71.01; 10.19.25*

БАЙТУРСЫНОВ Г.С.
Вице-министр
искусственного интеллекта и цифрового развития
Республики Казахстан, Астана, Казахстан

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье исследуется правовое обеспечение применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности Республики Казахстан. Рассматриваются действующее законодательство, регулирование персональных данных, национальные стандарты управления рисками и практика интеллектуального видеонаблюдения, распознавания лиц и аналитики криминальных рисков. Выявлены проблемы биометрического наблюдения, алгоритмической дискриминации, непрозрачности моделей, распределения ответственности и процессуальной проверяемости результатов ИИ. На основе сопоставления с международными подходами обосновываются специальный режим высокорискового правоохранительного ИИ, оценка воздействия на права человека, алгоритмический аудит, человеческий контроль и процессуальная воспроизводимость результатов. Предлагаемый подход направлен на сочетание технологической эффективности с гарантиями законности, пропорциональности и защиты основных прав.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; правоохранительные органы; правовое регулирование; биометрическая идентификация; персональные данные; алгоритмическое профилирование; уголовный процесс; цифровые доказательства; алгоритмическая дискриминация; человеческий контроль*

Құқық қорғау қызметінде жасанды интеллектіні қолдануды құқықтық қамтамасыз ету: қазіргі жай-күйі және даму перспективалары

Мақалада Қазақстан Республикасының құқық қорғау қызметінде жасанды интеллектіні қолдануды құқықтық қамтамасыз ету

мәселелері зерттеледі. Қолданыстағы заңнама, дербес деректерді қорғау тетіктері, тәуекелдерді басқарудың ұлттық стандарттары, интеллектуалдық бейнебақылау, тұлғаны тану және криминалдық тәуекелдерді талдау практикасы қарастырылады. Биометриялық бақылауға, алгоритмдік кемсітушілікке, модельдердің ашық еместігіне, жауапкершілікті бөлуге және ЖИ нәтижелерінің процестік тексерілуіне байланысты проблемалар айқындалады. Халықаралық тәсілдермен салыстыру негізінде жоғары тәуекелді құқық қорғау ЖИ үшін арнайы режим, адам құқықтарына әсерді бағалау, алгоритмдік аудит, адамның бақылауы және нәтижелердің процестік қайта өндірілуі ұсынылады. Ұсынылған тәсіл технологиялық тиімділікті заңдылық, пропорционалдық және негізгі құқықтарды қорғау кепілдіктерімен ұштастыруға бағытталған.

Кілтті сөздер: *жасанды интеллект; құқық қорғау органдары; құқықтық реттеу; биометриялық сәйкестендіру; дербес деректер; алгоритмдік профильдеу; қылмыстық процесс; цифрлық дәлелдемелер; алгоритмдік кемсітушілік; адамның бақылауы*

Legal framework for the use of artificial intelligence in law enforcement: current state and development prospects

The article examines the legal framework for the use of artificial intelligence in law enforcement in the Republic of Kazakhstan. It considers current legislation, personal data regulation, national AI risk-management standards, and practices involving intelligent video surveillance, facial recognition, and criminal-risk analytics. The study identifies problems of biometric surveillance, algorithmic discrimination, model opacity, allocation of responsibility, and procedural verifiability of AI-generated results. Based on comparison with international approaches, it argues for a special regime for high-risk law-enforcement AI, fundamental-rights impact assessment, algorithmic audit, meaningful human control, and procedural reproducibility of results.

Keywords: *artificial intelligence; law enforcement agencies; legal regulation; biometric identification; personal data; algorithmic profiling; criminal procedure; digital evidence; algorithmic discrimination; human control*

Введение

Искусственный интеллект (далее - ИИ) становится качественно новым элементом правоохранительной деятельности. Его значение определяется не только возможностью ускорить поиск информации либо автоматизировать технические операции. Алгоритмическая система способна определить совпадение лица с разыскной базой, выявить связь между событиями и лицами, ранжировать массив данных по степени предполагаемого риска, выделить аномальную операцию, распознать

объект в видеопотоке либо сформировать аналитическую гипотезу. В такой среде вопрос эффективности технологии непосредственно соединяется с вопросом допустимой интенсивности государственного вмешательства в права человека.

Постановка проблемы. Особенность правоохранительного применения ИИ заключается в возможности его влияния на решения, связанные с государственным принуждением. Ошибка рекомендательной системы интернет-магазина и ошибочное алгоритмическое отнесение человека к разыскиваемому лицу имеют принципиально различную юридическую природу. Во втором случае затрагиваются право на частную жизнь, свободу передвижения, равенство перед законом, процессуальные гарантии, а в определенных обстоятельствах презумпция невиновности и право на эффективную защиту. Именно поэтому требования к правоохранительному ИИ должны быть выше общего стандарта информационной системы. Аналогичный риск-ориентированный подход лежит в основе Регламента Европейского союза об искусственном интеллекте и документов Совета Европы [1].

Актуальность темы особенно возрастает в условиях ускоренной цифровой трансформации Казахстана. Указом Президента Республики Казахстан от 9 июня 2026 года № 1311 утверждена Общенациональная стратегия масштабной цифровизации и тотального внедрения технологий искусственного интеллекта «Цифровой Казахстан» до 2029 года. Стратегия рассматривает цифровизацию и ИИ как системный инструмент развития государства, экономики и публичной инфраструктуры [2]. Одновременно в 2026 году Казахстан приступил к реализации Методологии ЮНЕСКО по оценке готовности к искусственному интеллекту, что свидетельствует о включении национальной ИИ-политики в международную повестку человекоцентричного управления технологиями [3].

Цель исследования заключается в определении достаточности действующей правовой архитектуры для законного, необходимого, пропорционального, недискриминационного и проверяемого применения ИИ правоохранительными органами, а также в разработке предложений по ее совершенствованию.

Основная часть

Современное регулирование применения ИИ в правоохранительной деятельности Республики Казахстан представляет собой многоуровневую систему, включающую Конституцию Республики Казахстан, Закон «Об искусственном интеллекте», Цифровой кодекс, законодательство о персональных данных, отраслевые акты о правоохранительной и оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуальное законодательство, а также технические стандарты и подзаконные акты. Таким образом, речь идет не о правовом вакууме, а о сформированном общем правовом режиме, который применительно к

правоохранительной сфере нуждается в дальнейшей отраслевой конкретизации.

Конституция Республики Казахстан закрепляет гарантии неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных, что применительно к правоохранительному ИИ означает необходимость наличия надлежащего правового основания для обработки биометрических и иных персональных данных [4].

Базовое регулирование установлено Законом Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте», закрепляющим принципы законности, справедливости, прозрачности, объяснимости, ответственности, подконтрольности, защиты данных, безопасности и надежности ИИ-систем, а также требования к управлению рисками и эксплуатации высокорисковых систем. Вместе с тем, установленная Законом классификация риска в значительной степени ориентирована на последствия нарушения или прекращения функционирования системы [5]. Для правоохранительной деятельности такого подхода недостаточно, поскольку ИИ-система может функционировать технически исправно, но при этом создавать существенные риски для прав человека, например при массовом дистанционном распознавании лиц. В этой связи применительно к правоохранительному ИИ уровень риска целесообразно определять также исходя из назначения системы, масштаба наблюдения, характера обрабатываемых данных и юридических последствий ее применения. Такой подход корреспондирует риск-ориентированной модели, закрепленной в законодательстве Европейского союза об искусственном интеллекте [1].

Дополнительные гарантии предусмотрены Цифровым кодексом Республики Казахстан, закрепляющим принципы цифровой этики, недискриминации, прозрачности и ответственности, а также право лица в предусмотренных законодательством случаях знать о применении алгоритмической системы, получить объяснение факторов, повлиявших на решение, и требовать его пересмотра человеком [6]. Следовательно, проблема заключается не в отсутствии в казахстанском законодательстве механизмов объяснимости и человеческого контроля, а в недостаточной процессуальной детализации их реализации в уголовном судопроизводстве [7], оперативно-розыскной деятельности [8], биометрической идентификации и алгоритмическом профилировании. В частности, требуют нормативной конкретизации объем сведений об алгоритме, доступных стороне защиты, требования к проверке ошибочного биометрического совпадения, порядок сохранения версии системы и журналов ее работы, а также соотношение права на объяснение с режимами государственной, следственной, оперативной и коммерческой тайны.

Законодательство о персональных данных устанавливает требования законности, конфиденциальности и безопасности обработки

информации и специальные гарантии при автоматизированном принятии решений, затрагивающих права и законные интересы граждан [9]. Одновременно законодательными изменениями в сфере искусственного интеллекта и цифровизации предусмотрена возможность применения в общественных местах технических средств сбора биометрических данных и идентификации лиц в установленных законом целях, в том числе связанных с охраной общественного порядка [10]. Вместе с тем, наличие общего правового основания не разрешает ряд специальных вопросов правоохранительного применения: порядка формирования списков сравнения, сроков хранения данных, допустимости постоянного биометрического поиска по принципу «один ко многим», территориальных ограничений и процедуры подтверждения машинного совпадения.

Закон Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан», Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан формируют общую отраслевую правовую основу деятельности правоохранительных органов. Вместе с тем, указанные акты не образуют самостоятельного комплексного режима применения алгоритмического профилирования, систем распознавания лиц, машинной обработки доказательственной информации и генеративного ИИ в уголовном производстве. Тем самым, ключевой задачей дальнейшего развития законодательства является не создание правового режима «с нуля», а конкретизация уже существующих гарантий применительно к высокорисковым правоохранительным ИИ-системам.

Технической и организационной основой такого регулирования могут выступать утвержденные в 2026 году критерии отнесения объектов информатизации к системам искусственного интеллекта [11] а также национальные стандарты СТ РК ISO/IEC 42001-2025 [12] и СТ РК ISO/IEC 23894-2025 [13]. Для правоохранительной сферы предусмотренные ими подходы целесообразно дополнить специальными требованиями к точности биометрических систем, журналированию операций, воспроизводимости результатов, защите от целенаправленного воздействия на алгоритмы и независимой технической проверке.

Наиболее развитое и публично документированное направление - интеллектуальное видеонаблюдение. МВД в июне 2026 года указывало на наличие около двух миллионов камер, из которых порядка 44 тыс. являются интеллектуальными. Системы способны распознавать лица, выявлять оружие, бесхозные объекты, скопления людей и признаки дыма; сообщалось почти о двух тысячах установленных лиц, включая разыскиваемых [14].

Ранее МВД сообщало, что системы видеоаналитики с распознаванием лиц в Астане способствовали установлению и задержанию 46 разыскиваемых, а в Алматы - 30. В Западно-Казахстанской области наряду со стационарной видеоаналитикой сообщалось об эксплуатации порядка 800 интеллектуальных нагрудных

устройств, в том числе с функцией распознавания лиц [15]. Последняя технология в правовом аспекте чувствительнее обычной видеозаписи: носимая камера превращает биометрический поиск из привязанной к конкретному объекту инфраструктуры в мобильный инструмент повседневного полицейского контакта.

Отдельный пример масштаба инфраструктуры дает Алматы. Городские органы сообщали, что в 2025 году по уведомлениям видеоаналитики задержаны 174 разыскиваемых лица, а городская цифровая платформа интегрирует значительные массивы данных и различные функции видеоаналитики [16]. Эти показатели демонстрируют практическую полезность технологий, но одновременно подчеркивают необходимость стандартизировать правила ее применения: статистическая эффективность не заменяет проверки законности каждого конкретного способа обработки биометрии.

Второй блок составляет аналитика криминальных рисков. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры развивает Targeting Center и иные цифровые проекты для раннего выявления рисков; цифровизация уголовного производства достигла уровня, при котором более 95 % уголовных дел расследуется электронно [17]. При этом необходимо строго отличать классическую статистическую аналитику, цифровой поиск и собственно ИИ-систему в смысле Закона № 230-VIII, так как правовой статус должен определяться по функциональным критериям, а не по маркетинговому названию продукта.

Научно и юридически принципиально различать пространственное прогнозирование события и индивидуальное прогнозирование поведения человека. Модель, прогнозирующая увеличение числа происшествий в определенном районе для распределения патрулей, не тождественна алгоритму, утверждающему, что конкретное лицо имеет повышенную вероятность совершить преступление. Последний вывод непосредственно затрагивает индивидуальный статус лица и несет значительно более высокий риск стигматизации и предвзятого вмешательства.

Международная практика не выработала единой модели правового регулирования ИИ в правоохранительной сфере. Вместе с тем, прослеживается сближение подходов вокруг риск-ориентированного регулирования, оценки воздействия на права человека, содержательного человеческого контроля, прозрачности и возможности оспаривания алгоритмических решений, документирования жизненного цикла ИИ-систем и независимой оценки их надежности.

Наиболее детализированная обязательная модель закреплена в Регламенте Европейского союза об искусственном интеллекте. Для отдельных высокорисковых систем, используемых государственными органами, предусмотрена предварительная оценка воздействия на основные права. Особые ограничения установлены для дистанционной биометрической идентификации в реальном времени в публичных

пространствах. Ее применение в правоохранительных целях допускается только при соблюдении специальных условий и, как правило, при наличии предварительного разрешения судебного либо независимого административного органа [1]. Для Казахстана принципиальное значение имеет сам подход, согласно которому интенсивность правового контроля должна возрастать пропорционально масштабу вмешательства ИИ-системы в права человека.

Сходная правозащитная направленность характерна для документов ОЭСР и Совета Европы. Принципы ОЭСР ориентируют государства на соблюдение верховенства права, недискриминации, защиты частной жизни, прозрачности и человеческого контроля на протяжении жизненного цикла ИИ [18]. Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права закрепляет технологически нейтральный и риск-ориентированный подход [19], а разработанная Советом Европы методология оценки рисков и воздействия ИИ на права человека, демократию и верховенство права может использоваться как методологическая основа для оценки высокорисковых правоохранительных систем до их введения в эксплуатацию [20].

Аналогичные ориентиры сформированы на уровне ООН и ЮНЕСКО. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/78/265 подчеркивает необходимость разработки и применения безопасных, защищенных и заслуживающих доверия ИИ-систем с соблюдением международных стандартов в области прав человека [21]. Рекомендация ЮНЕСКО об этике искусственного интеллекта закрепляет требования прозрачности, подотчетности, защиты частной жизни, оценки воздействия и человеческого контроля [22]. Практическое значение для Казахстана имеет начатое применение Методологии ЮНЕСКО по оценке готовности к искусственному интеллекту, которая позволяет оценить зрелость национальных механизмов управления ИИ и включить в такую оценку правоохранительный сектор [3].

Специальное значение для правоохранительной деятельности имеет разработанный Интерполом и ЮНИКРИ Инструментарий по ответственному внедрению инноваций в области искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности, объединяющий вопросы организационной готовности, управления рисками, прав человека, этики и технической надежности ИИ-систем [23]. Техническую основу риск-ориентированного подхода дополняет Рамочная система управления рисками ИИ Национального института стандартов и технологий США (NIST AI RMF), предусматривающая непрерывное выявление, измерение и управление рисками в течение всего жизненного цикла системы [24]. Исследования NIST в области распознавания лиц также подтверждают наличие различий в точности алгоритмов применительно к отдельным демографическим группам [25]. Следовательно, для правоохранительного применения недостаточно

общей декларации высокой точности системы. Ее характеристики должны оцениваться применительно к конкретному сценарию использования, составу данных и возможным последствиям ошибочной идентификации.

Рассмотренные международные подходы позволяют выделить общий вектор регулирования: объем правовых гарантий должен определяться не только техническими характеристиками ИИ-системы, но и характером ее воздействия на права человека. С учетом этого дальнейший анализ целесообразно сосредоточить на ключевых правовых рисках применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности Республики Казахстан.

Ключевая проблема применения искусственного интеллекта в правоохранительной сфере связана с несовпадением технологического и правового риска. Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» предусматривает риск-ориентированный подход, однако для правоохранительных систем риск не ограничивается вероятностью технического отказа [5]. Технически исправная система распознавания лиц способна создавать чрезмерное вмешательство в частную жизнь, а алгоритм с высокой общей точностью - демонстрировать различную результативность применительно к отдельным демографическим группам. Поэтому отнесение правоохранительных ИИ-систем к высокорисковым целесообразно осуществлять не только исходя из надежности их функционирования, но и по назначению, характеру обрабатываемых данных и возможным последствиям для прав человека. Такой подход соответствует модели специального регулирования дистанционной биометрической идентификации в Европейском союзе [1] и результатам исследований NIST в области распознавания лиц [25].

Особую группу рисков образуют биометрическое наблюдение, дискриминация и алгоритмическое профилирование. Автоматический биометрический поиск по принципу «один ко многим» предполагает машинное сравнение изображения каждого попавшего в поле зрения лица с соответствующей базой, что существенно отличается от обычной видеозаписи. В связи с этим, необходимы специальные требования к целям и пределам такой обработки, срокам хранения данных, точности идентификации и обязательной проверке машинного совпадения человеком. Не менее чувствительным является индивидуальное прогнозирование противоправного поведения. Использование аналитики для определения криминогенных территорий не тождественно присвоению конкретному человеку повышенного уровня криминального риска. Исследования прогнозной полицейской деятельности также показывают возможность возникновения «петель обратной связи», когда усиленное внимание полиции к определенной территории увеличивает объем зарегистрированных там событий, а полученные данные впоследствии вновь используются для подтверждения ее повышенной рискованности [26, 160–171].

Самостоятельную проблему составляет прозрачность и уголовно-процессуальная проверяемость результатов ИИ. Цифровой кодекс закрепляет право на получение информации об использовании алгоритмической системы, объяснение факторов, повлиявших на решение, и его пересмотр человеком. Однако в уголовном судопроизводстве данные гарантии требуют дополнительной конкретизации. Для проверки алгоритмического результата должны быть доступны сведения о примененной системе, версии модели, исходных данных, параметрах обработки, пороговом значении совпадения и результатах человеческой проверки. При этом, результат работы ИИ нецелесообразно признавать самостоятельным видом доказательства. Алгоритм должен рассматриваться как техническое средство поиска, обработки и анализа информации, тогда как доказательственное значение сохраняется за надлежащим образом полученным первичным объектом, процессуальным действием и выводом компетентного должностного лица. Соответственно, биометрическое совпадение является основанием для последующей проверки, но не презумпцией тождества личности. Аналогичный подход необходим при использовании генеративного ИИ, т.е. автоматически сформированное резюме, вывод или описание обстоятельств не должны включаться в процессуальный документ без проверки по первоисточнику [27].

Наконец, применение правоохранительного ИИ связано с рисками диффузии ответственности и кибербезопасности. Участие разработчика, поставщика, владельца системы, администратора данных, оператора и должностного лица не должно приводить к размыванию публично-правовой ответственности государственного органа за принятое решение. Одновременно безопасность правоохранительной ИИ-системы должна охватывать весь жизненный цикл модели: защиту обучающих и входных данных от преднамеренного искажения, контроль обновлений, сохранение версий и параметров алгоритма, журналирование действий и возможность воспроизведения ранее полученного результата. Методологическую основу для такого подхода составляют Рамочная система управления рисками искусственного интеллекта NIST и СТ РК ISO/IEC 23894-2025.

Выявленные риски показывают, что дальнейшее развитие правоохранительного ИИ требует не только технического совершенствования применяемых систем, но и формирования специальных юридических гарантий, соразмерных степени их воздействия на права человека. В этой связи, представляется целесообразным перейти от применения исключительно общих норм об ИИ к их отраслевой конкретизации применительно к правоохранительной деятельности.

Оптимальным представляется не принятие отдельного закона о применении ИИ полицией, а формирование межотраслевого пакета законодательных изменений, охватывающего Закон «Об искусственном

интеллекте», законодательство о персональных данных, оперативно-розыскной деятельности, органах внутренних дел, уголовно-процессуальное законодательство и техническое регулирование. Такой подход позволит сохранить единство национальной системы регулирования ИИ и одновременно установить повышенные гарантии для случаев, когда алгоритмическая система используется в сфере публичного принуждения.

Прежде всего, целесообразно дополнить законодательство категорией «система искусственного интеллекта высокой степени риска по назначению». К ней следует относить правоохранительные системы, применение которых способно непосредственно затрагивать правовой статус человека: дистанционную биометрическую идентификацию, индивидуальное криминальное профилирование, оценку риска совершения правонарушения, алгоритмическую обработку доказательственной информации и иные системы, результаты которых могут учитываться при применении мер государственного принуждения. Подобная классификация по назначению соответствует риск-ориентированному подходу, реализованному в Регламенте Европейского союза об искусственном интеллекте [1], и позволяет дополнить действующую модель управления рисками, предусмотренную Законом Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте».

Для таких систем следует установить обязательную предварительную оценку воздействия на права человека до начала промышленной эксплуатации и после существенного изменения алгоритма. Она должна охватывать правовое основание и цель использования системы, категории затрагиваемых лиц, характер и происхождение данных, показатели точности и ошибок, возможные дискриминационные последствия, порядок человеческого контроля, сроки хранения информации, механизм оспаривания и меры информационной безопасности. Методологической основой такой процедуры могут служить действующие требования Закона «Об искусственном интеллекте», СТ РК ISO/IEC 23894-2025, Рамочная система управления рисками ИИ NIST и методология Совета Европы по оценке воздействия ИИ на права человека, демократию и верховенство права.

Особой регламентации требует биометрическая идентификация. Необходимо разграничивать верификацию конкретного лица, ретроспективный поиск по ранее полученной записи и дистанционную идентификацию в реальном времени в публичном пространстве. Для последнего режима, учитывая массовый характер обработки данных непричастных лиц, целесообразно установить наиболее высокий уровень гарантий: определенную законом цель, ограниченный перечень лиц для сравнения, временные и территориальные пределы применения, оценку необходимости и соразмерности, а в наиболее чувствительных случаях предварительное независимое разрешение. Возможность построения

подобного дифференцированного режима подтверждается европейским регулированием [1].

Одновременно УПК Республики Казахстан целесообразно дополнить правилами использования алгоритмически полученной информации. Результат работы ИИ не должен образовывать самостоятельный вид доказательства. При его использовании необходимо обеспечивать сохранность исходного цифрового материала, сведений о примененной системе и версии модели, времени и параметрах обработки, базе сравнения, полученном результате и последующей человеческой проверке. Основным процессуальным принципом должно стать положение, согласно которому результат, полученный посредством системы искусственного интеллекта, не может являться единственным достаточным основанием для вывода о виновности либо применения меры процессуального принуждения без его подтверждения иными проверяемыми сведениями и оценки уполномоченного лица. Такой подход соответствует действующей конструкции доказывания, в которой юридическую оценку доказательствам дает компетентный субъект уголовного процесса.

Для обеспечения прозрачности высокорисковых систем целесообразно создать государственный реестр правоохранительных ИИ-систем с открытой и закрытой частями. Публично могут раскрываться назначение системы, государственный орган-пользователь, категории обрабатываемых данных, уровень риска, сведения о проведенной оценке воздействия и аудите. Технические параметры, связанные с оперативными методами и информационной безопасностью, должны сохраняться в закрытом сегменте. Одновременно необходимо закрепить обязательность независимого тестирования систем. Для биометрических решений такая проверка должна проводиться применительно к конкретному сценарию использования, поскольку исследования NIST показывают зависимость результатов распознавания лиц от характеристик алгоритма, качества изображения и демографических факторов [25].

Наконец, законодательная модель должна четко разграничивать ответственность участников жизненного цикла ИИ. Государственный орган должен отвечать за законность цели и основания применения системы, организацию контроля и итоговое публично-властное решение; поставщик - за заявленные технические характеристики и дефекты продукта; оператор - за соблюдение установленного режима эксплуатации. Коммерческая тайна разработчика при этом не должна препятствовать судебной, экспертной или аудиторской проверке системы, если ее результат используется для ограничения прав человека. Дополнительно целесообразно нормативно закрепить понятие алгоритмического инцидента, охватывающего массовую ошибочную идентификацию, существенное дискриминационное отклонение, компрометацию данных, несанкционированное изменение модели либо

утрату воспроизводимости ее результатов. При критических инцидентах должна предусматриваться возможность временного приостановления эксплуатации системы до устранения риска.

Заключение

Таким образом, предлагаемая модель не предполагает ограничения технологического развития правоохранительных органов. Ее назначение состоит в формировании режима контролируемого применения высокорискового ИИ, при котором интенсивность юридических гарантий возрастает пропорционально влиянию алгоритмической системы на права человека и применение государственного принуждения.

В концентрированном виде предлагаемая правовая доктрина может быть выражена следующим образом: «Искусственный интеллект вправе усиливать аналитические способности правоохранительного органа, но не снижать стандарт доказанности и законности, необходимый государству для ограничения прав человека. Чем выше влияние алгоритма на публично-властное решение, тем выше должны быть требования к законному основанию, проверяемости, человеческому контролю и ответственности».

Такой подход позволяет совместить две задачи, которые ошибочно представлять взаимоисключающими: технологическую модернизацию правоохранительной системы и сохранение принципов правового государства. Доверие общества к ИИ возникает вследствие уверенности в том, что даже самая сложная технология действует в пределах закона, ее результат может быть проверен, ошибка исправлена, а ответственное за решение лицо установлено.

Список использованной литературы

1. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Официальная база законодательства Европейского союза. — 2024. — URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj
2. Об утверждении Общенациональной стратегии масштабной цифровизации и тотального внедрения технологий искусственного интеллекта «Digital Qazaqstan» до 2029 года : Указ Президента Республики Казахстан от 9 июня 2026 года № 1311 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2600001311
3. ЮНЕСКО. Казахстан запускает Методологию ЮНЕСКО по оценке готовности к искусственному интеллекту [Электронный ресурс]. — 23 мая 2026 г. — URL: https://www.unesco.org/ru/articles/kazakhstan-zapuskaet-metodologiyu-yunesko-po-ocenke-gotovnosti-k-iskusstvennomu-intellektu-ram
4. Конституция Республики Казахстан : принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000
5. Об искусственном интеллекте : Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230
6. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231
8. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-XIII [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_
9. О персональных данных и их защите: Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094
10. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам искусственного интеллекта и цифровизации: Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 231-VIII ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000231
11. Об утверждении критериев отнесения объектов информатизации к системам искусственного интеллекта: приказ Заместителя Премьер-Министра — Министра искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан от 1 апреля 2026 года № 171/НҚ; зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 2 апреля 2026 года № 38288 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2600038288
12. СТ РК ISO/IEC 42001-2025. Информационные технологии. Искусственный интеллект. Система менеджмента. — Введ. 01.01.2026. — Астана: РГП «Казахстанский институт стандартизации и метрологии», 2025. — 121 с.
13. СТ РК ISO/IEC 23894-2025. Информационные технологии. Искусственный интеллект. Руководство по управлению рисками. — Введ. 01.01.2026. — Астана: РГП «Казахстанский институт стандартизации и метрологии», 2025. — 74 с.
14. Любые предпосылки для человеческого горя нужно искоренять: Ержан Саденов о лихачах на дорогах [Электронный ресурс] // POLISIA.KZ : информационный медиа-портал Министерства внутренних дел Республики Казахстан. — 2026. — 23 июня. — URL: https://polisia.kz/ru/lyubye-predposylki-dlya-chelovecheskogo-gorya-nuzhno-iskorenyat-erzhan-sadenov-o-lihachah-na-dorogah/
15. Закон и порядок: система распознавания лиц начала работать в двух мегаполисах Казахстана [Электронный ресурс] // POLISIA.KZ : информационный медиа-портал Министерства внутренних дел Республики Казахстан. — 2024. — 20 ноября. — URL: https://polisia.kz/ru/zakon-i-poryadok-sistema-raspoznavaniya-lits-nachala-rabotat-v-dvuh-megapolisah-kazahstana/
16. Информация об итогах деятельности Управления цифровизации города Алматы за 2025 год [Электронный ресурс] // Официальный интернет-ресурс города Алматы. — 2026. — 30 января. — URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/almaty/press/article/details/224279
17. Комитете Генеральной прокуратуры подвели итоги работы за 1-е полугодие 2026 года [Электронный ресурс] // Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан : официальный интернет-ресурс. — 2026. — 20 июля. — URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/press/news/details/1260851?lang=ru
18. ОЭСР. Рекомендация Совета по искусственному интеллекту: человекоцентричные ценности и справедливость [Электронный ресурс] // ОЭСР. Искусственный интеллект. — URL: https://oecd.ai/en/dashboards/ai-principles/P6
19. Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права. CETS № 225. — Страсбург, 2024 [Электронный ресурс]. — URL: https://book.coe.int/en/texts-of-council-of-europe-treaties/12225-council-of-europe-framework-convention-on-artificial-intelligence-and-human-rights-democracy-and-the-rule-of-law-cets-no-225.html
20. Совет Европы. Оценка воздействия искусственного интеллекта на права человека, демократию и верховенство права (HUDERIA) [Электронный ресурс] // Совет Европы. — URL: https://www.coe.int/en/web/civil-society/artificial-intelligence1
21. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Использование возможностей безопасных, защищенных и заслуживающих доверия систем искусственного интеллекта для устойчивого развития: резолюция A/RES/78/265 от 21 марта 2024 года [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций. — URL: https://digitallibrary.un.org/record/4043244

22. ЮНЕСКО. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. — Париж: ЮНЕСКО, 2021 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unesco.org/en/articles/unesco-adopts-first-global-standard-ethics-artificial-intelligence
23. Интерпол; ЮНИКРИ. Инструментарий по ответственному внедрению инноваций в области искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности. Переработанное издание. — 2024 [Электронный ресурс] // Интерпол. — URL: https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2024/Revised-toolkit-empowers-law-enforcement-with-responsible-AI-practices
24. **Табасси Э.** Рамочная система управления рисками искусственного интеллекта (AI RMF 1.0). NIST AI 100-1. — Гейтерсберг: Национальный институт стандартов и технологий США, 2023. — DOI: 10.6028/NIST.AI.100-1. — URL: https://www.nist.gov/publications/artificial-intelligence-risk-management-framework-ai-rmf-10
25. **Гротер П., Нган М., Ханаока К.** Испытание алгоритмов распознавания лиц поставщиков. Часть 3: демографические различия. NISTIR 8280. — Гейтерсберг: Национальный институт стандартов и технологий США, 2019. — DOI: 10.6028/NIST.IR.8280. — URL: https://www.nist.gov/publications/face-recognition-vendor-test-part-3-demographic-effects
26. **Энсайн Д., Фридлер С.А., Невилл С., Шайдеггер К., Венкатасубраманиан С.** Петли неконтролируемой обратной связи в прогнозной полицейской деятельности [Электронный ресурс] // Proceedings of Machine Learning Research. — 2018. — Т. 81. — С. 160–171. — URL: https://proceedings.mlr.press/v81/ensign18a.html
27. Национальный институт стандартов и технологий США. Рамочная система управления рисками искусственного интеллекта: профиль для генеративного искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. — Гейтерсберг: NIST, 2024. — URL: https://www.nist.gov/publications/artificial-intelligence-risk-management-framework-generative-artificial-intelligence

Сведения об авторах

Байтурсынов Гиззат Сейдахметович *— Вице-министр искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан Астана, Республика Казахстан.*

Байтурсынов Гиззат Сейдахметович *— Қазақстан Республикасының жасанды интеллект және цифрлық даму вице-министрі, Астана, Қазақстан Республикасы.*

Gizzat Seidakhmetovich Baitursynov — *Vice Minister of Artificial Intelligence and Digital Development of the Republic of Kazakhstan Astana, Republic of Kazakhstan.*

***УДК** 34.001., **МРНТИ** 10.71.01*

КУСАИНОВ Ж.Ш.
Академия управления МВД Республики Казахстан,
г.Астана, Казахстан

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье рассматриваются актуальные вопросы цифровой трансформации научно-исследовательской деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан. Проведен анализ современного состояния ведомственной науки и выявлены основные организационные проблемы, препятствующие эффективному использованию научного потенциала в интересах правоохранительной деятельности. Предложена концептуальная модель цифровой экосистемы управления научно-исследовательской деятельностью, обеспечивающая интеграцию процессов планирования научных исследований, управления научным фондом, оценки научного потенциала, аналитического сопровождения и административного управления в рамках единого информационного пространства. Обоснована практическая значимость внедрения цифровой экосистемы для повышения эффективности управленческих решений и совершенствования научного обеспечения деятельности правоохранительных органов.

***Ключевые слова:** цифровая трансформация, ведомственная наука, научно-исследовательская деятельность, цифровая экосистема, правоохранительные органы, управление знаниями, научный потенциал, аналитика данных, научный фонд, управленческие решения.*

Қазақстан Республикасы құқық қорғау органдарының ғылыми-зерттеу қызметін басқарудың цифрлық экожүйесінің тұжырымдамалық моделі

Мақалада Қазақстан Республикасы құқық қорғау органдарының ғылыми-зерттеу қызметін цифрлық трансформациялаудың өзекті мәселелері қаралады. Ведомстволық ғылымның қазіргі жай-күйіне талдау жүргізілді және құқық қорғау қызметі мүддесінде ғылыми

әлеуетті тиімді пайдалануға кедергі келтіретін негізгі ұйымдастырушылық проблемалар анықталды. Бірыңғай ақпараттық кеңістік шеңберінде ғылыми зерттеулерді жоспарлау, ғылыми қорды басқару, ғылыми әлеуетті бағалау, талдамалық сүйемелдеу және әкімшілік басқару процестерін интеграциялауды қамтамасыз ететін ғылыми-зерттеу қызметін басқарудың цифрлық экожүйесінің тұжырымдамалық моделі ұсынылды. Басқару шешімдерінің тиімділігін арттыру және құқық қорғау органдарының қызметін ғылыми қамтамасыз етуді жетілдіру үшін цифрлық экожүйені енгізудің практикалық маңыздылығы негізделген.

Кілтті сөздер: *цифрлық трансформация, ведомстволық ғылым, ғылыми-зерттеу қызметі, цифрлық экожүйе, құқық қорғау органдары, білімді басқару, ғылыми әлеует, деректерді талдау, ғылыми қор, басқару шешімдері.*

Conceptual Model of the Digital Ecosystem for Managing Research Activities in Law Enforcement Agencies of the Republic of Kazakhstan

The article examines topical issues of the digital transformation of research and development activities within the law enforcement agencies of the Republic of Kazakhstan. An analysis of the current state of departmental science is carried out, and the main organizational problems hindering the effective utilization of scientific potential in the interests of law enforcement are identified. A conceptual model of a digital ecosystem for managing research activities is proposed, ensuring the integration of research planning processes, research fund management, scientific potential assessment, analytical support, and administrative management within a single information space. The practical significance of implementing the digital ecosystem is substantiated in terms of enhancing the efficiency of managerial decision-making and improving the scientific support for the activities of law enforcement agencies.

Keywords: *digital transformation, departmental science, research and development activities, digital ecosystem, law enforcement agencies, knowledge management, scientific potential, data analytics, research fund, managerial decisions.*

Введение

Современные процессы цифровой трансформации государственного управления оказывают существенное влияние на развитие всех сфер общественной деятельности, включая науку, образование и систему обеспечения общественной безопасности. В условиях формирования цифрового государства особое значение приобретает способность государственных органов использовать научные знания и современные информационные технологии для повышения эффективности

принимаемых решений, совершенствования управленческих процессов и обеспечения устойчивого развития.

В Республике Казахстан вопросы цифровизации государственного управления определены одним из приоритетных направлений государственной политики. В Национальном плане развития Республики Казахстан до 2029 года особое внимание уделяется внедрению цифровых технологий, развитию интеллектуальных систем управления и формированию эффективной цифровой инфраструктуры государственного сектора [1]. В свою очередь, Концепция развития высшего образования и науки Республики Казахстан на 2023–2029 годы предусматривает создание цифровой экосистемы науки, направленной на повышение эффективности научной деятельности и развитие механизмов управления знаниями [2].

Для правоохранительных органов вопросы научного обеспечения приобретают особую актуальность в связи с постоянным усложнением криминогенной обстановки, развитием цифровых технологий и появлением новых угроз общественному порядку и общественной безопасности. В современных условиях эффективность деятельности правоохранительных органов во многом зависит от качества научного сопровождения, своевременности внедрения результатов исследований в практику и способности ведомственной науки оперативно реагировать на возникающие вызовы.

Научно-исследовательская деятельность в системе правоохранительных органов выполняет комплекс взаимосвязанных функций, включающих научное сопровождение правоприменительной практики, совершенствование нормативно-правового регулирования, разработку методических рекомендаций, подготовку научных кадров и формирование интеллектуального потенциала ведомства. Вместе с тем существующая система организации научной деятельности в значительной степени сохраняет традиционные подходы к управлению научными процессами, что ограничивает возможности эффективного использования результатов исследований в интересах правоохранительной деятельности.

Анализ современного состояния ведомственной науки показывает, что информация о научных проектах, результатах исследований, публикациях, актах внедрения и научных кадрах зачастую хранится в различных информационных массивах и базах данных. Отсутствие единой информационной среды затрудняет доступ к научным ресурсам, усложняет процессы мониторинга и оценки результативности научной деятельности, а также ограничивает возможности аналитического сопровождения управленческих решений.

В мировой практике одним из наиболее перспективных направлений решения указанных проблем является создание цифровых экосистем управления научной деятельностью, основанных на интеграции процессов планирования исследований, управления знаниями, оценки

результативности и аналитической поддержки руководства. Подобные решения позволяют обеспечить прозрачность научных процессов, повысить эффективность использования научного потенциала и создать условия для принятия управленческих решений на основе объективных данных.

В этой связи особую актуальность приобретает разработка концептуальных подходов к формированию цифровой экосистемы управления научно-исследовательской деятельностью правоохранительных органов Республики Казахстан.

Постановка проблемы

Несмотря на проводимую государством работу по развитию науки и цифровизации управленческих процессов, организация научно-исследовательской деятельности в правоохранительной сфере продолжает сталкиваться с рядом системных проблем.

Во-первых, сохраняется высокая степень фрагментарности научных ресурсов. Результаты научных исследований, научные публикации, диссертационные работы, аналитические материалы и акты внедрения аккумулируются в различных информационных системах либо хранятся в локальных архивах отдельных организаций. Подобная ситуация затрудняет поиск научной информации, способствует дублированию исследований и снижает эффективность использования накопленных научных знаний.

Во-вторых, отсутствуют единые механизмы комплексной оценки научной деятельности. В большинстве случаев результативность научных исследований оценивается посредством количественных показателей публикационной активности, что не позволяет объективно определить степень влияния научных разработок на совершенствование правоохранительной практики и развитие ведомственной науки.

В-третьих, значительная часть процессов управления научной деятельностью остается недостаточно автоматизированной. Подготовка отчетности, согласование документов, контроль исполнения научных проектов и формирование аналитической информации зачастую требуют значительных временных затрат и использования бумажного документооборота.

В-четвертых, ограничены возможности использования современных аналитических инструментов для поддержки принятия управленческих решений. Руководители научных подразделений и образовательных организаций не всегда располагают актуальной и достоверной информацией о состоянии научного потенциала, эффективности научных исследований и перспективах развития научных направлений.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости формирования принципиально нового подхода к организации научно-исследовательской деятельности, основанного на интеграции цифровых

технологий, инструментов управления знаниями и механизмов аналитического сопровождения управленческих процессов.

Целью настоящего исследования является разработка концептуальной модели цифровой экосистемы управления научно-исследовательской деятельностью правоохранительных органов Республики Казахстан, обеспечивающей интеграцию процессов планирования научных исследований, управления научными знаниями, оценки научного потенциала и поддержки управленческих решений в едином цифровом пространстве.

Основная часть

Теоретические основы цифровой трансформации научно-исследовательской деятельности

Современные тенденции развития государственного управления характеризуются переходом к модели управления, основанной на данных (Data Driven Management), предполагающей использование объективной информации и аналитических инструментов при разработке и реализации управленческих решений [3]. В рамках данной концепции особое значение приобретают механизмы накопления, обработки и использования знаний как стратегического ресурса организации.

Теоретической основой цифровой трансформации научной деятельности выступает концепция управления знаниями (Knowledge Management), получившая широкое распространение в конце XX века. Согласно исследованиям И.Нонаки и Х.Такеучи, эффективность современной организации во многом определяется ее способностью создавать, систематизировать и использовать знания для достижения стратегических целей [4].

Развитие информационных технологий способствовало появлению цифровых экосистем, представляющих собой совокупность взаимосвязанных информационных ресурсов, процессов и участников деятельности, объединенных единым цифровым пространством. В научной сфере цифровые экосистемы обеспечивают интеграцию исследовательских процессов, научных данных, кадрового потенциала и аналитических инструментов, формируя условия для более эффективного управления научной деятельностью [5].

Для правоохранительных органов внедрение цифровых экосистем приобретает особую актуальность в связи с необходимостью обеспечения оперативного доступа к научным знаниям, повышения эффективности использования результатов исследований и развития научно-аналитического сопровождения управленческих решений.

Концептуальная модель цифровой экосистемы управления научно-исследовательской деятельностью

На основе проведенного анализа предлагается концептуальная модель цифровой экосистемы управления научно-исследовательской деятельностью правоохранительных органов.

Ключевым принципом предлагаемой модели является обеспечение полного цифрового сопровождения жизненного цикла научного исследования — от формирования научного запроса до оценки эффективности внедрения полученных результатов в практическую деятельность.

В структуре цифровой экосистемы предлагается выделить пять взаимосвязанных функциональных подсистем.

Первой подсистемой является «План НИД». Ее основное назначение заключается в автоматизации процессов планирования научно-исследовательской деятельности. Подсистема обеспечивает формирование перспективных и годовых планов научных исследований, контроль сроков исполнения, распределение задач между исполнителями и мониторинг реализации научных проектов. Использование цифровых механизмов планирования позволяет повысить прозрачность научной деятельности и минимизировать риски несвоевременного исполнения исследований.

Второй подсистемой выступает «Научный фонд», представляющий собой единый цифровой репозиторий научных знаний. В его структуре аккумулируются отчеты по научно-исследовательским работам, диссертационные исследования, научные статьи, учебные и методические материалы, акты внедрения и иные результаты научной деятельности. Формирование централизованного научного фонда обеспечивает сохранность научных результатов, предотвращает дублирование исследований и способствует более широкому использованию научных разработок в практической деятельности.

Третьей подсистемой является «Научный потенциал». Ее основная задача заключается в формировании цифрового профиля исследователя. Подсистема аккумулирует сведения об образовании, научной квалификации, публикационной активности, участии в научных проектах, результатах внедрения и иных показателях научной деятельности сотрудников. Использование цифровых профилей позволяет осуществлять объективную оценку научного потенциала организации и формировать исследовательские коллективы на основе компетентностного подхода.

Четвертая подсистема — «Наукометрическая аналитика и оценка результативности». Ее назначение состоит в автоматизированном расчете показателей научной деятельности, формировании рейтингов, аналитических отчетов и прогнозных моделей развития научных направлений. Использование инструментов аналитики позволяет руководству получать объективную информацию о состоянии научной деятельности и принимать обоснованные управленческие решения.

Пятая подсистема представлена административным модулем. Он обеспечивает цифровое сопровождение управленческих процессов, включая постановку задач, контроль исполнительской дисциплины, электронное согласование документов, мониторинг выполнения

поручений и формирование отчетности. Интеграция административного модуля с другими подсистемами обеспечивает сквозное управление научно-исследовательской деятельностью.

Предлагаемая концептуальная модель представлена ***на рисунке 1.***

Рисунок 1 – Концептуальная модель цифровой экосистемы управления научно-исследовательской деятельностью правоохранительных органов Республики Казахстан (разработано автором).

Научная новизна предлагаемой модели заключается в интеграции процессов планирования научных исследований, управления научным фондом, оценки научного потенциала, наукометрического анализа и административного сопровождения в рамках единого цифрового контура управления, ориентированного на поддержку принятия управленческих решений.

Практическое значение предлагаемой модели

Практическая значимость предлагаемой цифровой экосистемы заключается в возможности комплексной модернизации процессов управления научно-исследовательской деятельностью правоохранительных органов.

Во-первых, внедрение цифровой экосистемы позволит обеспечить централизованный учет и хранение результатов научной деятельности. Создание единого научного фонда повысит доступность научных знаний и будет способствовать их более широкому использованию в образовательной и практической деятельности.

Во-вторых, автоматизация процессов управления научными исследованиями позволит существенно сократить административную нагрузку на научные подразделения и снизить объем бумажного документооборота.

В-третьих, внедрение аналитических инструментов создаст условия для объективной оценки эффективности научной деятельности, что будет способствовать повышению качества научных исследований и рациональному распределению ресурсов.

В-четвертых, использование механизмов мониторинга научного потенциала позволит формировать кадровый резерв научных подразделений, планировать подготовку научных кадров и повышать эффективность использования интеллектуального потенциала ведомства.

В-пятых, интеграция всех процессов в рамках единого цифрового пространства позволит перейти к модели управления научной деятельностью на основе данных, обеспечивая принятие более обоснованных и своевременных управленческих решений.

Выводы

Проведенное исследование позволило установить, что современное состояние научно-исследовательской деятельности правоохранительных органов характеризуется наличием ряда системных проблем, связанных с фрагментарностью научных ресурсов, недостаточным уровнем цифровизации управленческих процессов и ограниченными возможностями аналитического сопровождения управленческих решений.

Установлено, что дальнейшее развитие ведомственной науки требует внедрения современных инструментов управления знаниями, цифровых технологий и аналитических механизмов поддержки управленческой деятельности.

В результате исследования разработана концептуальная модель цифровой экосистемы управления научно-исследовательской деятельностью правоохранительных органов, включающая подсистемы планирования научных исследований, управления научным фондом, оценки научного потенциала, наукометрической аналитики и административного сопровождения.

Предлагаемая модель обеспечивает комплексную цифровизацию научно-исследовательской деятельности, способствует повышению эффективности использования научного потенциала и создает условия для принятия управленческих решений на основе объективных данных.

Практическая реализация предложенной модели позволит обеспечить качественно новый уровень организации научной деятельности в системе правоохранительных органов Республики Казахстан и будет способствовать дальнейшему развитию научного обеспечения правоохранительной деятельности в условиях цифровой трансформации государственного управления.

Список использованной литературы

1. Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года: Указ Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 года № 611.
2. Концепция развития высшего образования и науки Республики Казахстан на 2023–2029 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 248.
3. OECD Digital Government Review 2023. Paris: OECD Publishing, 2023.
4. **Nonaka I., Takeuchi H.** The Knowledge-Creating Company. New York: Oxford University Press, 1995. – 304 p.
5. **Davenport T., Prusak L.** Working Knowledge: How Organizations Manage What They Know. Boston: Harvard Business School Press, 1998. – 224 p.
6. **Drucker P.F.** Management Challenges for the 21st Century. New York: Harper Business, 1999. – 224 p.
7. **Janssen M., Kuk G.** Big and Open Linked Data in Government: A Challenge to Transparency and Privacy // Government Information Quarterly. – 2016. – Vol. 33. – № 4. – P. 363–368.
8. **Mergel I., Edelmann N., Haug N.** Defining Digital Transformation: Results from Expert Interviews // Government Information Quarterly. – 2019. – Vol. 36. – № 4.
9. Закон Республики Казахстан «О науке и технологической политике» от 1 июля 2024 года № 103-VIII.
10. Концепция обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024–2028 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2023 года № 1233.
11. Программа повышения научного потенциала и совершенствования системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в организациях образования МВД Республики Казахстан на 2024–2028 годы.
12. План действий по развитию системы ведомственного образования правоохранительных органов Республики Казахстан на 2026–2028 годы.
13. **Тоффлер Э.** Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 784 с.

Сведения об авторе

***Кусаинов Жанат Шыныбекович** — начальник Отдела организации научно-исследовательской и редакционно-издательской работы Академии управления МВД Республики Казахстан, м.ю.н., полковник полиции.*

***Кусаинов Жанат Шыныбекович** — Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы Ғылыми-зерттеу және редакциялық-баспа жұмысын ұйымдастыру бөлімінің бастығы, з.ғ.м., полиция полковнигі.*

Zhanat Shynybekovich Kusainov** — Head of the Department for the Organization of Research, Editorial and Publishing Work at the Academy of Law Enforcement Agencies or Academy of Management of the MIA of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, Police Colonel, **e-mail: Dahar0001@bk.ru.

КОМПАРАТИВТІК ҚҰҚЫҚТАНУ

КОМПАРАТИВНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

ӘОЖ *343.123.,* ***МҒТАР*** *10.77.35*

ЖАНХАН Н.
Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы
Астана қ-сы, Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА СОТҚА ДЕЙІНГІ ТЕРГЕП-ТЕКСЕРУДІ БАСТАУ ТӘРТІБІН ОҢТАЙЛАНДЫРУ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕДЕН ҰЛТТЫҚ МОДЕЛЬГЕ

Бұл мақала жаңа қабылданған Конституция ережелерін іске асыру жағдайында Қазақстан Республикасы қылмыстық процесінің бастапқы кезеңін оңтайландырудың өзекті мәселесіне арналған. Статистикалық деректер мен құқық қолдану практикасы негізінде Сотқа дейінгі тергеп-тексерулердің бірыңғай тізілімінде (СДТБТ) өтініштерді жаппай автоматты түрде тіркеудің қолданыстағы жүйесіне сыни көзқарастар, сондай-ақ азаматтар мен бизнесті қылмыстық ортаға негізсіз тартуға әкелетін теріс салдарлары талданады. Автор қылмыстық іс жүргізуді бастаудың халықаралық модельдерін, оның ішінде посткеңестік мемлекеттердегі реформалар тәжірибесін егжей-тегжейлі салыстырмалы талдауды жүзеге асырады. Жеке тұлға құқықтары мен құқық қорғау жүйесінің тиімді теңгерімін қамтамасыз етуге бағытталған «АЕК – Құқықтық сүзгі – СДТБТ» үш құрамдас бөліктерден тұратын гибридті модель ұсынылған.

Кілтті сөздер: *сотқа дейінгі тергеп-тексеру, СДТБТ, Ақпаратты есепке алу кітабы, құқықтық сүзгі, халықаралық тәжірибе, континенттік модель, англо-саксондық модель, қылмыстық процесс, кәсіпкерлердің құқықтары, конституциялық кепілдіктер.*

Оптимизация порядка начала досудебного расследования в Республике Казахстан: от международного опыта к национальной модели

Статья посвящена актуальной проблеме оптимизации начального этапа уголовного процесса Республики Казахстан в условиях реализации положений новой Конституции. На основе статистических данных и правоприменительной практики анализируются критические взгляды на действующую систему сплошной автоматической регистрации заявлений в Едином реестре досудебных расследований (ЕРДР), а также негативные последствия, приводящие к

необоснованному вовлечению граждан и бизнеса в уголовную орбиту. Автор осуществляет детальный сравнительный анализ международных моделей начала уголовного производства, включая опыт реформ в ряде постсоветских государств. Предложена трехкомпонентная гибридная модель «КУИ – Правовой фильтр – ЕРДР», направленная на обеспечение эффективного баланса прав личности и правоохранительной системы.

Ключевые слова: *досудебное расследование, ЕРДР, Книга учета информации, правовой фильтр, международный опыт, континентальная модель, англо-саксонская модель, уголовный процесс, права предпринимателей, конституционные гарантии.*

Optimization of the procedure for launching a pre-trial investigation in the republic of Kazakhstan: from international experience to a national model

The article addresses the urgent issue of optimizing the initial stage of the criminal procedure in the Republic of Kazakhstan under the implementation of the New Constitution. Based on statistical data and law enforcement practice, the paper analyzes critical views on the current system of continuous automatic registration of applications in the Unified Register of Pre-trial Investigations (ERDR), alongside its negative consequences leading to the unjustified involvement of citizens and business in the criminal orbit. The author conducts a detailed comparative analysis of international models for the initiation of criminal proceedings, including the experience of reforms implemented in a number of post-Soviet states. A three-component hybrid model "ILB – Legal Filter – ERDR" is proposed, aimed at ensuring an effective balance between individual rights and law enforcement system efficiency.

Keywords: *pre-trial investigation, ERDR, Information Log Book, legal filter, international experience, continental model, Anglo-Saxon model, criminal procedure, entrepreneurs' rights, constitutional guarantees.*

Кіріспе

Қазіргі кезеңде Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік заңнамасын жаңғырту елдің жаңа Конституциясының ережелерін іске асыру қажеттілігімен айқындалады. Адам құқықтары мен бостандықтарын қорғаудың, жеке меншікке қол сұғылмаушылықтың және адал кәсіпкерлікті мемлекеттік қолдаудың сөзсіз басымдығын жариялаған жоғары конституциялық құндылықтар қылмыстық әділет институттарын түбегейлі қайта қарауды талап етеді [1]. Қылмыстық процестің ең осал әрі стратегиялық тұрғыдан маңызды сатыларының бірі – қылмыстық құқық бұзушылық туралы ақпаратты қабылдау, оны тіркеу және қылмыстық қудалаудың басталу кезеңі. Дәл осы бастапқы шепте әділ сот төрелігінің

негізі қаланады және сонымен бірге азаматтардың конституциялық құқықтарын негізсіз шектеудің негізгі тәуекелдері қалыптасады.

2015 жылғы қылмыстық-процестік реформаның нәтижесінде қылмыстық істі қозғаудың дәстүрлі сатысы жойылып, оның орнына қылмыстық құқық бұзушылық туралы барлық арызды, хабарды немесе баянатты Сотқа дейінгі тергеп-тексерулердің бірыңғай тізілімінде *(ара қарай - СДТБТ)* міндетті әрі автоматты түрде қабылдау және тіркеу жүйесі енгізілді [2]. Бұл өзгерістер қылмыстарды есепке алудың ашықтығын қамтамасыз етеді, қылмыстардың жасырындылығын толығымен жояды, арыздарды қабылдау кезіндегі сыбайлас жемқорлық факторын жояды, азаматтардың құқықтарын тиімді қорғайды және азаматтардың сот төрелігіне жедел қол жеткізуін қамтамасыз етеді деп болжанған болатын. Алайда, бұл модельдің он жылдам астам уақыт кезеңіндегі қолданылу тәжірибесі оның елеулі теориялық және практикалық қайшылықтарын көрсетті. Қазіргі уақытта бұл қайшылықтар құқық қолдану тәжірибесіндегі жүйелі мәселелер мен кемшіліктердің туындауына себеп болып отыр. Адал азаматтар мен заңды қызмет жүргізетін субъектілерді қылмыстық қудалауға негізсіз тартудан қорғайтын және сонымен қатар нақты қылмыстарды жасыруға жол бермейтін оңтайлы құқықтық тетікті қалыптастыру мәселесі бүгінгі күні қылмыстық саясат үшін басым міндеттердің біріне айналып отыр.

Мәселенің қойылуы

Қазақстан Республикасында сотқа дейінгі тергеп-тексеруді бастаудың қолданыстағы тәртібі СДТБТ-ға мәліметтерді енгізу сәтімен қатаң байланыстырылғандықтан, қылмыстық әділет жүйесінің бүкіл құрылымында елеулі теңгерімсіздіктің қалыптасуына алып келді. СДТБТ-ның жұмыс істеу тетігін кешенді ғылыми зерттеудің бастапқы кезеңдерінде алынған нәтижелер көрсеткендей, қылмыстық процесті бастауға негіз болатын мән-жайларға алдын ала құқықтық баға беру институтының жойылуы екі маңызды сыни салдарға әкелді.

Біріншіден, ішкі істер органдарының тергеу және анықтау қызмет бөлімшелеріне шамадан тыс жүктеме түсті. Орташа статистикалық көрсеткіштер ішкі істер органдары тергеушілерінің қызметтік жүктемесі белгіленген нормативтен 1,7 есе, ал анықтаушылардың жүктемесі 2,3 есе артық екенін көрсетеді. Уақыт және кадрлық ресурстардың мұндай тапшылығы нақты ауыр жалпы қылмыстық құқық бұзушылықтарды тергеп-тексеру сапасы мен тиімділігінің төмендеуіне сөзсіз алып келеді. Процессуалдық тұрғыдан жеткілікті негізі жоқ немесе қылмыстық-құқықтық сипатқа жатпайтын материалдардың орасан көлемін рәсімдеуге мәжбүр болған тергеуші (анықтаушы) қылмыспен күресте назарын негізгі бағыттарға толық аудара алмайды.

Екіншіден, азаматтар мен жеке кәсіпкерлік субъектілерін қылмыстық қудалау саласына қылмыстық-құқықтық сипаты жоқ негіздер бойынша негізсіз тартудың тұрақты тәжірибесі қалыптасты. Статистикалық деректерге сәйкес, СДТБТ-да тіркелген қылмыстық істердің 41%-ға жуығы

кейіннен қылмыстық құқық бұзушылық құрамының немесе оқиғасының болмауына байланысты тоқтатылады [3]. Бұл көрсеткіштердің артында адал кәсіпкерлік субъектілерінің мүлкіне тыйым салу, тінту жүргізу, жауап алу, құжаттарды алу және банк шоттарын бұғаттау сияқты процестік әрекеттер тұр. Алдын ала құқықтық сүзгінің болмауынан теріс пиғылды серіктестер мен қылмыстық орта өкілдері СДТБТ тетіктерін (әсіресе алаяқтық және экономикалық құқық бұзушылықтар бойынша) азаматтық-құқықтық және коммерциялық дауларда қысым көрсету құралы ретінде пайдаланудың заңды мүмкіндігіне ие болды.

Бұл ретте, Қазақстан Республикасының 1997 жылғы ескі Қылмыстық іс жүргізу кодексімен реттелген кеңестік үлгідегі қылмыстық құқық бұзушылық туралы алдын ала тексеру жүйесіне жай ғана қайта оралу мүмкін емес әрі жол берілмейді. Ғылымда дәлелденгендей, мұндай қадам есепке алудан қылмыстарды жасыру тәжірибесінің қайта жануына, процестік әрекеттердің қайталануына, іс жүргізу мерзімдерінің жасанды түрде созылуына және қылмыстық істі қозғағанға дейін жиналған дәлелдемелердің жарамдылығына қатысты елеулі мәселелердің туындауына бірден алып келеді.

Демек, Қазақстандағы сотқа дейінгі тергеп-тексеруді бастау тетігін жаңаша, гибридті форматта қалыптастыру қажеттілігі – заманауи басты ғылыми және практикалық түйткілдердің бірі. Аталған модельде қылмыстық құқық бұзушылық туралы ақпараттық себеп (оқиға туралы сигнал) қылмыстық қудалау тетіктерін қолдануға негіз болатын материалдық-құқықтық алғышарттардан қатаң түрде ажыратылуы қажет. Бұл тетік құқық қорғау органдары тарапынан заңсыз қысым көрсетуден қоғам мен бизнесті жан-жақты қорғауды қамтамасыз ете отырып, қылмыстық құқық бұзушылық белгілері бар кез келген хабарламаның дер кезінде тіркелуіне ешқандай тосқауыл жасамауы тиіс.

Негізгі бөлім

Кез келген мемлекетте қылмыстық процестің бастапқы кезеңін реформалау азаматтардың сот төрелігіне қол жеткізу құқығын қамтамасыз ету, құқық қорғау органдарына шамадан тыс жүктеме түсуіне жол бермеу, сондай-ақ адамдардың қылмыстық қудалау аясына негізсіз тартылуын болдырмау арасындағы оңтайлы тепе-теңдікті табу қажеттілігімен байланысты. Қазақстан үшін оңтайлы нормативтік-ұйымдастырушылық шешім қалыптастыру мақсатында әлемдік құқықтық жүйедегі екі негізгі макромодельге — континенттік және англосаксондық модельдерге жүйелі салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізу, сондай-ақ бұрынғы Кеңес Одағы құрамында болған мемлекеттерде жүзеге асырылған түбегейлі қылмыстық-процестік реформалардың нәтижелерін жинақтап қорыту қажеттілігі туындайды.

Аталған тәжірибені зерделеудің Қазақстан Республикасы үшін маңызды мәні бар, өйткені ол Қазақстан Республикасы Конституциясының қағидаттарына сәйкес келетін әрі азаматтар мен бизнесті сотқа дейінгі тергеп-тексерудің негізсіз басталуынан қорғайтын

қылмыстық процестің бастапқы кезеңіндегі тиімді «құқықтық сүзгіні» қалыптастыруға бағытталған оңтайлы нормативтік-ұйымдастырушылық шешім әзірлеуге мүмкіндік береді.

Континенттік макромодель (Германия мен Австрия мысалында)

Германияның қылмыстық-процестік заңнамасында жүргізілген реформалар қазіргі уақытқа дейін заңдылық қағидаты *(Legalitätsprinzip)* қылмыстық сот ісін жүргізудің негізгі қағидаттарының бірі болып қалатынын көрсетеді. Аталған қағидат прокуратура және полиция органдарын қылмыстық іс-әрекеттердің жасалғаны туралы күдік туындаған жағдайда оларды тергеп-тексеруді дереу бастауға міндеттейді [4].

Неміс заң шығарушысы ақпараттық (сигналды алу) және процестік кезеңді нақты ажыратады. Германия Федеративтік Республикасының қылмыстық іс жүргізу құқығында ресми тергеп-тексеруді бастау үшін қылмыстық қудалау органдарының қолында заңмен белгіленген жеткілікті құқықтық негіздің болуы талап етіледі. Мұндай негіз ретінде Германия Федеративтік Республикасының Қылмыстық іс жүргізу кодексінің (§ 152, 2-бөлігі) нормасында бекітілген «бастапқы күдік» *(Anfangsverdacht)* институты танылады [5]. Аталған өлшем қылмыстық іс жүргізуді қозғаудың материалдық-құқықтық алғышарты болып табылады және нақты фактілерге сүйене отырып, қылмыстық құқық бұзушылықтың жасалуы мүмкін екендігін көрсететін объективті деректердің болуын көздейді. Осылайша, бастапқы күдіктің болуы құқық қорғау органдарына ресми тергеп-тексеруді бастауға заңды негіз береді әрі қылмыстық процестің одан әрі дамуы үшін қажетті бастапқы құқықтық шекті айқындайды.

Германдық модельдің практикалық алгоритмі үш сатылы схема бойынша жұмыс істейді:

1. Азаматтың арызы, мемлекеттік органның хабарламасы немесе полицияның қылмыстық құқықбұзушылық белгілерін тікелей анықтауы ақпараттық *(процестік емес)* деректер базасында тіркеледі.

2. Құқық қорғау органдары алынған мәліметтерге бастапқы жүйелі-қисынды және құқықтық талдау *(«Сүзгі»)* жүргізеді. Бұл кезеңде полицияға ақпараттық сипаттағы жасырын тексеру әрекеттерін жүзеге асыруға рұқсат етіледі: куәгерлермен ерікті түрде сұхбат жүргізу *(мәжбүрлеусіз және процестік мәртебе бермей)*, ашық деректерді сұрату, жалпыға қолжетімді орындарға тексеру жүргізу. Алайда, бастапқы күдікті анықтау кезеңінде процестік мәжбүрлеу шараларын (тінту, ұстау, мүлікке тыйым салу) қолдануға қатаң тыйым салынады.

3. Егер бастапқы деректер тек азаматтық-құқықтық дауды *(мысалы, сатып алу-сату шартының орындалмауы)* немесе әкімшілік құқықбұзушылықты көрсетсе, онда қылмыстық іс жүргізуді бастауға негіз жоқ екендігі туралы уәжді шешім қабылданады. Материалдар есептік тіркеуден шығарылады немесе тиісті құзыретті органдарға жолданады. Егер бастапқы күдік расталса, қылмыстық іс қозғалған болып есептеледі

және процесс сотқа дейінгі тергеп-тексеру сатысына өтеді, бұл кезеңде тұлғаның құқықтарын шектейтін тергеу әрекеттерін жүргізуге жол беріледі.

Сотқа дейінгі тергеп-тексеруді бастаудың австриялық моделі тұжырымдамалық тұрғыдан германдық модельмен ұқсас. Ол да заңдылық қағидатына негізделген, прокуратура органдарына басты рөл береді және толыққанды тергеп-тексеру басталғанға дейін келіп түскен ақпараттың жарамдылығын міндетті түрде алдын ала бағалауды көздейді.

Германия *(Австрия)* тәжірибесі қылмыстық іс қозғауға негіздерді бағалау сатысында материалдық сүзгінің айрықша маңызын көрсетеді. Қазақстан тәжірибесіндегі ақпаратты есепке алу кітабы *(АЕК)* мен сотқа дейінгі тергеп-тексерудің бірыңғай тізілімінің *(СДТБТ)* біртұтас жүйеге келтірілуі тергеушіні іс жүзінде кез келген арызды (оның ішінде алаяқтық ретінде рәсімделетін жасырын азаматтық-құқықтық талаптарды да) СДТБТ-ға тіркеуге міндеттейді, ал неміс моделі құқық қорғау жүйесін шамадан тыс жүктемеден арыздарды құқықтық іріктеу арқылы қорғайды, яғни қылмыстық қудалауды бастамас бұрын қылмыстық құқықбұзушылықтың бастапқы белгілерінің бар екенін дәлелдеуді талап етеді.

Бұл модель элементтерін Қазақстанда енгізу қылмыстық істі қозғаудың кеңестік кезеңдегі күрделі әрі сыбайлас жемқорлыққа бейім институтына қайта оралуды талап етпейді. Мәселе, АЕК немесе СДТБТ-ның ақпарат алмасу тетігіне материалдық-құқықтық бағалау функциясын жүктеу туралы болып отыр, яғни СДТБТ нөмірін бере отырып істі тіркеу қылмыстық құқық бұзушылық құрамының бастапқы белгілері анықталғаннан кейін ғана жүзеге асырылады. Бұл ереже Қазақстан Республикасының жаңа Конституциясында бекітілген азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын негізсіз шектеуге жол бермеу және кәсіпкерлік қызметке қылмыстық-құқықтық мәжбүрлеу органдары тарапынан заңсыз араласуды болдырмау туралы талаптарға толық сәйкес келеді.

Англо-саксондық макромодель (Ұлыбритания мен АҚШ мысалында)

Ұлыбританияда *(Англия мен Уэльс)* және АҚШ-та қолданылатын англо-саксондық қылмыстық іс жүргізу моделі түбегейлі өзгеше тұжырымдамалық негіздерге сүйенеді. Бұл модельде мемлекеттік органдардың шешім қабылдаудағы мақсаттылық қағидаты *(discretionary principle)* басымдыққа ие және есепке алу-статистикалық қызмет пен қылмыстық қудалауды жүзеге асыру функциялары бір-бірінен нақты ажыратылған.

Ұлыбританияда тіркеу тәртібі Ішкі істер министрлігі *(Home Office)* әзірлеген қылмыстарды тіркеудің Ұлттық стандарттарымен *(National Crime Recording Standard — NCRS)* қатаң түрде реттеледі [6].

Осы модель шеңберінде процесс екі дербес кезеңге бөлінеді:

1. Кез келген азаматтың өтініші (телефон қоңырауы, онлайн-нысан немесе жеке жүгіну) полиция тарапынан «оқиға *(Incident)*» ретінде тіркеледі. Егер өтініш мазмұнынан кем дегенде ең төменгі деңгейде

қылмыстық сипат байқалса, мұндай оқиға қылмыс ретінде *(Recorded Crime)* тіркеледі.

Бұл тіркеу тек әкімшілік-статистикалық сипатқа ие. Оқиғаның қылмыстарды тіркеу дерекқорына енгізілуі полицияға автоматты түрде толыққанды процестік тергеп-тексеру жүргізу міндетін жүктемейді және арызданушы көрсеткен тұлға үшін қандай да бір қылмыстық-процестік салдарын туындатпайды.

2. Толыққанды тергеп-тексеруді бастау және құқықтық шектеулерді қолдану істің мақсаттылығы мен болашағына берілген бағасына байланысты. Корольдік прокурорлық қызметтің кодексін *(Code for Crown Prosecutors)* басшылыққа ала отырып, полиция прокурормен бірлесіп істі екі тест бойынша бағалайды:

Дәлелдемелік тесті (*Evidential Stage*): Жиналған дәлелдемелер сотты адамның кінәлі екендігіне жоғары ықтималдық деңгейінде сендіруге жеткілікті ме? Бұл ретте дәлелдемелердің заңдылығы, жол берілетіндігі және айыптауды қолдау үшін олардың жеткіліктілігі бағаланады.

Қоғамдық мүдде тұрғысынан бағалау тесті (*Public Interest Stage*): Осы нақты жағдайда қоғамдық мүдде қылмыстық қудалауды талап ете ме (әлде дауды азаматтық сот тәртібімен шешу не айыппұл салумен шектелу анағұрлым тиімді ме)? Бағалау кезінде құқық бұзушылықтың ауырлығы, жәбірленушінің мүдделері және қудалаудың қоғам үшін ықтимал салдары назарға алынады.

Егер іс коммерциялық немесе азаматтық сипатта болса, Ұлыбритания полициясы бастапқы кезеңде-ақ «No Further Action» *(NFA — Әрі қарай әрекетсіз қалдыру)* шешімін шығарады және тараптарға азаматтық сотқа жүгінуге кеңес береді. Бұл ретте қылмыстың статистикалық карточкасы қылмыстық ахуалдың жалпы көрінісін қалыптастыру мақсатында дерекқорда сақталуы мүмкін, алайда сотқа дейінгі тергеп-тексеру басталмайды [7].

АҚШ-тың да қылмыстық процестік тәжірибесі англо-саксондық модель шеңберінде қалыптасып, прокурордың және полицияның ықтияр шешімінің жоғары деңгейімен сипатталады. Қылмыстық процестің бастамасы көбіне полиция мен прокурордың іс бойынша дәлелдемелердің жеткіліктілігін және қоғамдық мүддені бағалауына тәуелді болады; осы бағалау нәтижесіне қарай іс сотқа жіберіледі немесе «No Further Action» *(NFA — Әрі қарай әрекетсіз қалдыру)* қағидатына ұқсас тәртіппен тоқтатылады. АҚШ федералдық құқықтық жүйесінде прокурорлар қылмыстық қудалауды бастау, одан бас тарту, айыптау көлемін айқындау және кінәні мойындау туралы келісімдер жасау мәселелерінде өз қалауы бойынша шешім қабылдау өкілеттіктеріне ие. Бұл ретте істердің елеулі бөлігі сотқа дейінгі келісімдер арқылы шешіледі. АҚШ Әділет министрлігінің мәліметтері бойынша, қылмыстық істердің шамамен 90–95%-ы кінәні мойындау туралы келісіммен аяқталады. Мұндай тетік прокурорларға ресурстарын неғұрлым маңызды істерге шоғырландыруға мүмкіндік береді. Осылайша, АҚШ моделінде

қылмыстық қудалау автоматизмнен гөрі мақсаттылық, тиімділік және процессуалдық үнемділік қағидаттарына негізделеді [8].

Қазақстан үшін бұл тәжірибе маңызды теориялық мәнге ие, өйткені ол ықтимал құқық бұзушылықтар туралы ақпаратты есепке алу мен қылмыстық қудалауды бастауды өзара қайшылықсыз ажыратудың мүмкін екенін көрсетеді. Бастапқы кезеңде мемлекет келіп түскен барлық хабарламаларды, олардың шынайылығы әлі толық расталмаған жағдайда да тіркеуге алады, ал кейіннен толыққанды сотқа дейінгі тергеп-тексеруді бастауға жеткілікті негіздердің бар-жоғын бағалайды. Осы тұрғыдан алғанда, арызды немесе хабарды тіркеу өздігінен қылмыстық процесті бастауды, белсенді тергеп-тексеру әрекеттерін жүргізуді не қылмыстық-процестік мәжбүрлеу шараларын қолдануды автоматты түрде білдірмеуге тиіс. Мұндай тәсіл, бір жағынан, азаматтар мен ұйымдардың құқықтары мен заңды мүдделерін тиімді қорғауды қамтамасыз етсе, екінші жағынан, азаматтар мен кәсіпкерлік субъектілерін қылмыстық процеске жеткілікті негіздерсіз тарту тәуекелін азайтуға мүмкіндік береді. Нәтижесінде қылмыстық әділет жүйесінің тиімділігі артып, мемлекеттік ресурстарды ұтымды пайдалану мен жеке тұлғалардың құқықтарын сақтау арасындағы теңгерім қамтамасыз етіледі.

Бірқатар посткеңестік мемлекеттердегі жаппай (тұтас) тіркеу жүйелерін реформалау тәжірибесі

Зерттеуіміз тұрғысынан Қазақстандағы СДТБТ-ға ұқсас сотқа дейінгі өндірісті толық тіркеу жүйесін енгізген посткеңестік мемлекеттердің (Грузия, Молдова, Украина, Қырғыз Республикасы) құқықтық реформаларын зерделеу ерекше мәнге ие. Бұл елдердің тәжірибесі «жаппай тіркеу» қағидатына негізделген жүйенің құқық қолдану тәжірибесінде туындайтын жүйелік тәуекелдерін айқын көрсетіп қана қоймай, сондай-ақ осы тәуекелдердің салдарын азайту және құқықтық жүйенің тұрақты жұмысын қамтамасыз ету мақсатында қабылданған құқықтық шешімдерді де көрсетеді.

Грузияның Қылмыстық-процестік кодексі (2009 ж. ҚПК) реформалау аясында қылмыстар туралы барлық хабарламаларды міндетті түрде ерте тіркеу және оларды процестік рәсімдеуге алу қағидаты күшейтіліп, әрбір өтініштің тіркелуі және іс жүргізу мәртебесін алуы көзделген «өтпелі есепке алу» моделіне жақын жүйе қалыптастырылды [9]. Бұл тәсіл полиция деңгейінде бейресми іріктеуді азайтып, қылмыстарды есепке алудың ашықтығын арттырғанымен, практикада маңызы төмен хабарламалардың да жаппай өндіріске түсуі салдарынан тергеу органдарына шамадан тыс жүктеме туындап, бастапқы бағалаусыз автоматты тіркеудің тиімсіздігі және тіркеу сапасының қызметкерлердің біліктілігіне тәуелділігі айқындалды, нәтижесінде Грузия барлық хабарламаларды міндетті тіркеу қағидатын сақтай отырып, бірақ бастапқы кезеңде істердің болашағын алдын ала бағалауға мүмкіндік беретін бастапқы процестік сүзгілеу тетіктерін енгізу арқылы жүйені теңгерімдеуге мәжбүр болды.

Молдованың Қылмыстық-процестік кодексі (2003 ж. ҚПК) аясында қылмыстық істерді тіркеу жүйесі сотқа дейінгі сатыда ресми есепке алуды күшейту және арыздарды процестік тәртібімен рәсімдеуге көшу арқылы дамыды [10]. Бұл барлық қылмыс туралы хабарламаларды міндетті түрде ресми есепке енгізуді қамтамасыз етіп, ашықтық пен прокурорлық бақылауды арттырды; сонымен бірге мұндай тәсіл дәлелдемелік болашағы төмен материалдардың да көбеюіне және тергеу органдарына шамадан тыс жүктеменің қалыптасуына алып келді, сондай-ақ әрбір хабарламаны процестік нысанда рәсімдеу қажеттілігі салдарынан бастапқы тексеру мерзімдерінің ұзаруына әсер етті, осыған байланысты кейіннен қылмыстық іс қозғау үшін жеткілікті негіздерді нақтылау және келіп түскен хабарламаларды бастапқы кезеңде сараланған бағалау тетіктерін енгізу арқылы жүйе ішінара түзетіліп, барлық арыздарды міндетті есепке алу қағидатын сақтай отырып, көрінеу болашағы жоқ немесе жеткіліксіз негізделген материалдарды ертерек іріктеуге мүмкіндік беретін неғұрлым икемді модель қалыптастырылды.

2012 жылғы реформалар аясында Украинада сотқа дейінгі тергеп-тексерудің бірыңғай тізілімінің енгізілуі қылмыс туралы барлық арыздар мен хабарламаларды алдын ала тексерусіз міндетті түрде тіркеу қағидатын бекітіп, есепке алудың ашықтығы мен ресмилендіруін күшейтті [11]. Алайда бұл тәжірибеде қылмыстық құқық бұзушылық белгілері әлсіз немесе күмәнді материалдардың да жаппай тіркелуіне байланысты «шамадан тыс тіркеу» құбылысын туындатып, тергеу органдарына жүктеме түсірді; соның нәтижесінде сотқа дейінгі іс жүргізуде, әсіресе сот бақылауының рөлі күшейіп, жекелеген іс жүргізу шешімдерінің заңдылығын тексеру арқылы жүйенің тепе-теңдігін қамтамасыз етуге ықпал етті, сондай-ақ бастапқы кезеңде іс жүргізу сүзгілерін нақтылау арқылы болашағы бар істерді жеткіліксіз негізделген материалдардан ажырату тетіктері жетілдіріліп, жүйе міндетті тіркеу қағидатын сақтай отырып, тергеудің басқарылуы мен тиімділігін арттыруға бағытталған неғұрлым теңгерімді модельге қарай дамыды.

Қырғыз Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі (2021 ж. ҚПК) аясында сотқа дейінгі іс жүргізуді бірыңғай есепке алу жүйесінің элементтері Қазақстанның СДТБТ тәжірибесіне сүйене отырып енгізіліп, қылмыстар туралы барлық хабарламаларды міндетті тіркеу қағидатын бекітті [12]. Бұл құқық қорғау органдары қызметінің ашықтығын арттырып, азаматтардың өтініштерін есепке алмау тәуекелдерін азайтқанымен, практикада маңызды емес немесе жеткіліксіз негізделген материалдардың да жаппай тіркелуіне байланысты тергеу органдарына шамадан тыс жүктеме қалыптасып, бастапқы сүзгілеу тетіктерінің әлсіздігі мен өңірлік деңгейдегі техникалық-ұйымдастырушылық кемшіліктер тіркеу жүйесінің тиімділігін төмендетті, нәтижесінде сотқа дейінгі іс жүргізуді бастау критерийлерін нақтылау және ақпаратты бастапқы кезеңде саралау рәсімдерін жетілдіру қажеттілігі туындап, жүйе міндетті тіркеу

қағидатын сақтай отырып, басқарушылық тиімділік пен жүктемені оңтайландыру арасындағы теңгерімді іздеуге бағытталды.

Қорытынды

Жүргізілген салыстырмалы-құқықтық талдау нәтижелерін және халықаралық қылмыстық процесс тәжірибесін ескере отырып, сотқа дейінгі тергеп-тексеруді бастау тәртібін оңтайландыру мақсатында «АЕК – құқықтық сүзгі – СДТБТ» үш сатылы гибридті моделді енгізу орынды деп қорытынды жасауға болады; бұл модель барлық арыздарды толық цифрлық тіркеуді сақтай отырып, қылмыстық-құқықтық сипаты жоқ дауларды бастапқы кезеңде құқықтық бағалау арқылы іріктеуге мүмкіндік береді және тек нақты қылмыстық құқық бұзушылық белгілері айқындалған жағдайда ғана сотқа дейінгі тергеп-тексеруді бастауға жағдай жасайды, нәтижесінде тергеу органдарының жүктемесі оңтайландырылады, азаматтық-құқықтық қатынастарды қылмыстық процесс аясында негізсіз криминализациялау тәуекелі төмендейді және жалпы алғанда қылмыстық сот төрелігінің тиімділігі мен әділеттілігі артады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1.Қазақстан Республикасының Конституциясы. Конституция 2026 жылы 15 наурызда республикалық референдумда қабылданды. // «Әділет» Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі. Электронды ресурс: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2600000000 (жүгінген күні 31.05.2026 ж.). Рұқсат режимі – еркін.

2.Қазақстан Республикасы Бас прокурорының 2014 жылғы 19 қыркүйектегі «Қылмыстық құқық бұзушылықтар туралы арызды, хабарды немесе баянатты қабылдау және тіркеу, сондай-ақ Сотқа дейінгі тергеп-тексерулердің бірыңғай тізілімін жүргізу қағидаларын бекіту туралы» № 89 Бұйрығы. // «Әділет» Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі. Электронды ресурс: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V14W0009744 (жүгінген күні 31.05.2026 ж.). Рұқсат режимі – еркін.

3.«Восстановление института доследственной проверки: преимущества и риски»: материалы круглого стола//Астана: Следственный департамент МВД Республики Казахстан, 2025. — 29 с.

4.**Худайбергенов Б.** Сравнительный анализ первоначальной стадии уголовного процесса некоторых зарубежных стран // Междисциплинарный электронный научный журнал «Общество и инновации». Август, 2022. 3(7/S):138-144 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/363034139_Sravnitelnyj_analiz_pervonacalnoj_stadii_ugolovnogo_processa_nekotoryh_zarubeznyh_stran

5.Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия - Strafprozessordnung (StPO) - : Научно-практический комментарий и перевод текста закона ; со вступительной статьей профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/?utm_source=chatgpt.com

6.Руководство «Правила регистрации преступлений, разработанные Министерством внутренних дел, для сотрудников правоохранительных органов». [Электронный ресурс]. https://www.gov.uk/government/publications/counting-rules-for-recorded-crime

7.Кодекс для королевских прокуроров (Кодекс Англии и Уэльса). издан Генеральным прокурором (ГП) в соответствии со статьей 10 Закона о судебном преследовании за преступления 1985 года. [Электронный ресурс]. https://www.cps.gov.uk/publication/code-crown-prosecutors?utm_source=chatgpt.com

8.Принципы федерального уголовного преследования. [Электронды ресурс]. https://www.justice.gov/jm/jm-9-27000-principles-federal-prosecution?utm_source=chatgpt.com
9. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 года № 1772-IIc (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.10.2025 г.). [Электронный ресурс]. https://prg.kz/document/?doc_id=37807676
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.02.2026 г.). [Электронный ресурс]. https://prg.kz/document/?doc_id=30397729
11. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2025 г.). [Электронный ресурс]. https://prg.kz/document/?doc_id=31197178
12. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.). [Электронный ресурс]. https://prg.kz/document/?doc_id=36639004

Автор туралы мәлімет

Жанханұлы Нұрбақыт *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясының Ғылыми – зерттеу институтының Тергеу және анықтау мәселелерін зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының магистрі, полиция подполковнигі, Астана, Қазақстан;*

Жанхан Нурбахыт *— старший научный сотрудник Центра по исследованию проблем следствия и дознания Научно-исследовательского института Академии управления МВД Республики Казахстан, магистр юридических наук, подполковник полиции, Астана, Казахстан;*

Zhankhan Nurbakhyt *— Senior Researcher, Center for the Study of Investigation and Inquiry Problems, Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Master of Laws, Police Lieutenant Colonel, Astana, Kazakhstan.*

UDC 343.14;343.985., IRSTI 10.85.51

PHAN THANH DONG
People's Police University, Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam, Ho Chi Minh City, Vietnam
MUSSIN A.
Academy of Management of the MIA of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

EXAMINATION OF AN EXPERT AS A MEANS OF VERIFYING THE EVIDENTIARY VALUE OF EXPERT OPINIONS: A COMPARATIVE STUDY OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM, THE RUSSIAN FEDERATION, AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

This article examines issues related to the examination of an expert in criminal proceedings of the Socialist Republic of Vietnam. It provides a comparative analysis of the procedural regulation governing this procedural action in the Socialist Republic of Vietnam, the Russian Federation, and the Republic of Kazakhstan. The study analyzes the legal regulation of the stages and objectives of expert examination, the evidentiary value of expert testimony, the relationship between the record of the forensic examination and the expert opinion, as well as the institutional framework of forensic expert activity in the three jurisdictions. Based on an analysis of the shortcomings in the legal regulation of expert examination in Vietnam, the author proposes recommendations for improving this procedural institution, drawing upon the experience of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Keywords: *examination of an expert; expert; expert opinion; expert testimony; specialist; evidence; forensic examination; criminal proceedings.*

Сарапшыны жауап алу оның қорытындысының дәлелдемелік маңызын тексеру құралы ретінде: Вьетнам Социалистік Республикасының, Ресей Федерациясының және Қазақстан Республикасының қылмыстық сот ісін жүргізуіндегі салыстырмалы-құқықтық талдау

Мақалада Вьетнам Социалистік Республикасының қылмыстық сот ісін жүргізуіндегі сарапшыны жауап алуға байланысты мәселелер

қарастырылады. Сарапшыны жауап алу тәртібінің ерекшеліктеріне Вьетнам Социалистік Республикасының, Ресей Федерациясының және Қазақстан Республикасының қылмыстық іс жүргізу заңнамасы аясында салыстырмалы талдау жүргізілген. Сарапшыны жауап алудың жүргізілу сатылары мен мақсаттарының құқықтық регламенттелуі, сарапшы айғақтарының дәлелдемелік маңызы, сараптамалық зерттеу хаттамасы мен сарапшы қорытындысының арақатынасы, сондай-ақ аталған үш мемлекеттегі сот-сараптамалық қызметтің институционалдық моделі талданады. Вьетнамдағы сарапшыны жауап алу институтының құқықтық реттелуіндегі проблемаларды зерделей отырып, автор Ресей мен Қазақстан тәжірибесін ескере отырып, осы институтты жетілдіру жөнінде ұсынымдар береді.

Кілтті сөздер: *жауап алу, сарапшы, сарапшының қорытындысы, сарапшының айғақтары, маман, дәлелдеме, сот сараптамасы, қылмыстық сот ісін жүргізу.*

Допрос эксперта как средство проверки доказательного значения его заключения в уголовном судопроизводстве в Социалистической Республике Вьетнам, Российской Федерации и Республике Казахстан

В статье рассматриваются вопросы, связанные с допросом эксперта в уголовном судопроизводстве в Социалистической Республике Вьетнам. Проводится сравнение особенностей проведения данного процессуального действия в Социалистической Республике Вьетнам, Российской Федерации и Республике Казахстан. Анализируется регламентация стадий и целей допроса, доказательственное значение показаний эксперта, соотношение протокола экспертного исследования и заключения эксперта, институциональная модель судебно-экспертной деятельности в трех странах. Анализируя проблемы в допросе эксперта во Вьетнаме, автор предлагает рекомендации по совершенствованию данного института с учетом опыта России и Казахстана.

Ключевые слова: *допрос, эксперт, заключение, показания эксперта, специалист, доказательство, судебная экспертиза, уголовное судопроизводство.*

Introduction

It is well established that the investigation and detection of any criminal offence require the application of specialized knowledge, one of the principal procedural forms of which is forensic examination. In addition to this procedural form, specialized knowledge is also applied during the questioning of an expert following the completion of the forensic examination.

In the Socialist Republic of Vietnam (hereinafter referred to as Vietnam), the questioning of an expert constitutes a procedural action. For the purpose of clarifying the expert's competence and explaining the expert opinion, the court or the investigator is authorized to question the expert in accordance with the procedure established by criminal procedure legislation. At the same time, although Vietnamese criminal procedure legislation regulates the questioning of experts, it leaves three groups of issues unresolved. First, there are no national standards or unified terminology for describing objects of forensic examination, which undermines the consistency of expert opinions. Second, expert testimony obtained during the questioning of an expert is not formally recognized as a separate source of evidence, despite being used in the process of proving. Third, the course of the forensic examination is documented in a separate examination record, which is retained by the forensic institution rather than being submitted to the investigator or the court, thereby depriving the authority conducting the proceedings of the opportunity to assess the scientific validity of the expert opinion without conducting additional questioning of the expert.

Addressing these issues requires consideration of the experience of jurisdictions in which the questioning of an expert is regulated in greater detail. A comparative analysis of the Vietnamese legal framework with those of the Russian Federation (hereinafter referred to as Russia) and the Republic of Kazakhstan (hereinafter referred to as Kazakhstan) makes it possible to identify legislative solutions that may contribute to improving the criminal procedure legislation of Vietnam.

Main Body

In the Russian Federation, questioning is one of the principal investigative actions aimed at obtaining testimony from a person possessing information relevant to the detection and investigation of criminal, civil, and administrative cases. Questioning is understood as the process of communicating information concerning the event under investigation, as well as the circumstances and persons associated with it [1, p. 574].

Pursuant to Article 205 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF) [2], where the investigator has questions concerning an expert opinion, the investigator may, either on his or her own initiative or upon the motion of other participants in the criminal proceedings, question the expert for the purpose of clarifying the opinion previously issued. In addition, pursuant to Part 1 of Article 282 of the CPC RF, Part 1 of Article 187 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation [3], Part 3 of Article 86 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation [4], and Paragraph 1 of Part 2 of Article 25.9 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation [5], the court may, either on its own initiative or upon the motion of the parties, summon and question an expert who prepared an expert opinion during the pre-trial investigation in order to clarify or supplement that opinion. Accordingly, under Russian law an expert may be questioned both

during the pre-trial investigation by the investigator and during the trial by the court.

The legal regulation in the Republic of Kazakhstan is structured in a similar manner. At the pre-trial stage, the questioning of an expert or a specialist is governed by Article 285 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (CPC RK) [6]. Such questioning is conducted to clarify issues material to the case that arise from the expert opinion and do not require additional examinations; to clarify the methods and terminology applied by the expert; to obtain information concerning facts and circumstances not reflected in the expert opinion but related to the expert's participation in the pre-trial proceedings; and to establish the expert's qualifications. Part 3 of Article 285 of the CPC RK prohibits the questioning of an expert before the expert opinion has been issued, which corresponds to Part 1 of Article 205 of the CPC RF [2]. During the trial stage, Articles 373 and 374 of the CPC RK [6] apply. The expert first presents the written expert opinion, after which questioning is conducted initially by the party upon whose motion the forensic examination was ordered. Where the examination was ordered by agreement of the parties or on the court's own initiative, the prosecution questions the expert first, followed by the defence. The court is entitled to question the expert at any stage. Where an expert who issued an expert opinion during the pre-trial investigation is summoned to testify at trial and the parties do not object to that opinion, the court may refrain from ordering a new forensic examination and instead limit itself to questioning the expert (Part 11 of Article 373 of the CPC RK). A similar procedure is established by Article 94 of the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan [7]. An essentially identical provision governing the questioning of a forensic expert is also contained in Article 41 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Forensic Expert Activity" [8], thereby ensuring uniform regulation of this procedural action across all forms of judicial proceedings. Thus, like the CPC RF, the CPC RK permits the questioning of an expert at both the pre-trial and trial stages, bringing the Kazakhstani model closer to the Russian approach and distinguishing it from the Vietnamese one.

Unlike the Russian and Kazakhstani models, under the procedural legislation of the Socialist Republic of Vietnam an expert may be called upon to clarify an expert opinion only by the court during the trial stage. Pursuant to Article 294 of the Criminal Procedure Code of Vietnam [9] and Article 230 of the Civil Procedure Code of Vietnam [10], an expert must appear before the court upon its summons. Failure of the expert to appear may result in the adjournment of the hearing. Under Part 2 of Article 307 of the Criminal Procedure Code of Vietnam [9] and Part 1 of Article 257 of the Civil Procedure Code of Vietnam [10], an expert may be questioned only on matters relating to the forensic examination performed. It therefore follows that, under Vietnamese criminal procedure law, the questioning of an expert does not constitute an investigative action.

Pursuant to Article 316 of the Criminal Procedure Code of Vietnam [9] and Part 2 of Article 257 of the Civil Procedure Code of Vietnam [10], during the questioning of an expert at trial, the prosecutor, defence counsel, and other participants in the criminal proceedings are entitled to evaluate the expert opinion, ask the expert questions concerning aspects of the opinion that require clarification, and question the expert regarding circumstances that are inconsistent with other evidence in the case in order to obtain appropriate explanations.

As noted above, the primary purpose of questioning an expert is to obtain explanations not only concerning the meaning of specialized terminology, particular formulations, and the necessity of using specific methodologies, instruments, or equipment during the forensic examination, but also regarding matters relating to the expert's competence and impartiality, the reasons for discrepancies between the questions submitted for examination and the answers provided, inconsistencies between the analytical section of the expert opinion and its conclusions, differences of opinion among members of an expert panel, and other relevant issues. Among the three legal systems examined in this study, the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan provides the most comprehensive statutory enumeration of the objectives of questioning an expert, expressly setting them out in Part 1 of Article 285 of the CPC RK [6].

O.A. Sokolova observes that, in Russian investigative and judicial practice, one of the reasons for questioning an expert may be the failure to comply with standardized forensic terminology when examining specific objects. For example, in a forensic examination involving a cold weapon, the expert used terminology in the descriptive section of the expert opinion to identify the components of the knife that did not conform to the requirements established by the relevant State Standard (GOST) [11].

It should be noted that, in the Socialist Republic of Vietnam, there are no national standards governing the language used by forensic experts, particularly with respect to standardized terminology. Nor are there comprehensive reference materials or manuals for describing certain categories of forensic objects, such as firearms. Consequently, forensic experts in Vietnam, especially those working in provincial forensic institutions, frequently employ local terminology in the descriptive section of their expert opinions. In the authors' view, the lack of standardized forensic terminology represents a significant issue within the Vietnamese forensic system and warrants separate, more detailed examination in future research.

In the Republic of Kazakhstan, the problem of standardizing forensic terminology and methodologies has been addressed through a nationwide registry system. Pursuant to Part 2 of Article 10 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Forensic Expert Activity" [8], forensic experts are required to apply only those methodologies included in the State Register of Methodologies for Forensic Examinations of the Republic of Kazakhstan, while the use of other methodologies is permitted only under the conditions

prescribed by law. The purpose of the Register is to systematize and maintain records of forensic methodologies and to provide investigative authorities, investigating judges, courts, and forensic experts with reliable information regarding approved forensic methodologies (Article 55 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Forensic Expert Activity"). The existence of this centralized Register effectively addresses a number of the problems identified above with respect to Vietnam, where unified standards and reference materials for describing forensic objects are not available.

Nguyen Van Ky provides a detailed analysis of issues relating to the questioning of an expert. According to the author, when questioned at trial, an expert must defend the scientific validity of the expert opinion by presenting arguments grounded in specialized knowledge. Nguyen Van Ky further argues that the defence of an expert opinion consists of two distinct stages: a preparatory stage and an operational stage [12, pp. 2–3].

At the preparatory stage, the expert should contact the court to obtain information regarding the criminal trial, particularly the date, time, and venue of the hearing, as well as the technical equipment required to explain the expert opinion. If the necessary equipment is unavailable at the court, the expert should prepare and provide it independently. In addition, the expert should familiarize himself or herself with the legal provisions governing the expert's rights, duties, and procedure for participating in the trial. According to Nguyen Van Ky, the most important task at this stage is to re-examine the case file and the expert opinion, paying particular attention to the circumstances of the case, the questions submitted for examination, the methods and techniques applied during the forensic examination, and the conclusions reached.

The operational stage takes place directly during the court hearing. At the outset, the expert is required to present his or her forensic expert identification and comply with the rules governing courtroom proceedings. As a rule, before giving testimony, the expert is informed of his or her rights and duties, including criminal liability for knowingly giving false testimony or issuing a false expert opinion. Such liability is established under Article 382 of the Criminal Code of the Socialist Republic of Vietnam [13], Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation [14], and Article 420 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan [15]. Under the Kazakhstani Criminal Code, Part 1 of Article 420 provides for restriction of liberty or imprisonment for up to six years, while Part 2 establishes imprisonment for a term of five to ten years where the offence is committed in connection with a corruption offence, a serious or especially serious crime, or is motivated by personal gain. This sanction is more severe than the basic sanction prescribed by Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation [14]. Nguyen Van Ky further argues that an expert should refrain from disclosing professional secrets or providing information beyond the scope of his or her specialized knowledge. Under no circumstances should the expert permit other participants in the proceedings to copy or photograph the materials used

to substantiate the expert opinion. Where several experts participate in a panel forensic examination, they should discuss and allocate their respective responsibilities in advance.

It should be noted that, in the Russian Federation, forensic experts may be classified as state experts, non-state experts, private experts, or individuals possessing the necessary specialized knowledge. Non-state experts are employed by non-state forensic institutions, whereas private experts are not affiliated with any forensic institution and perform forensic examinations as their principal professional activity and primary source of income. Individuals possessing the necessary specialized knowledge are persons who are appointed as experts on a one-time basis to assist the investigative authorities or the court in resolving specific issues [16, p. 17]. In the Socialist Republic of Vietnam, three categories of forensic experts are recognized: state experts, non-state experts, and experts appointed for a particular case. Accordingly, parties to criminal, civil, and commercial proceedings may invite non-state experts to participate in court hearings and put questions to the expert.

The institutional framework of forensic expert activity in the Republic of Kazakhstan differs from both the Russian and Vietnamese models. The Law of the Republic of Kazakhstan "On Forensic Expert Activity" does not distinguish between state, non-state, and private experts. Instead, a forensic expert is defined as a person who has no interest in the outcome of the case, possesses specialized scientific knowledge, and is entered into the State Register of Forensic Experts of the Republic of Kazakhstan (Article 1(12) and Article 15 of the Law) [8], regardless of whether the person is employed by a forensic institution, which is a state legal entity (Article 1(11) of the Law), or conducts forensic expert activities on the basis of a licence issued to an individual (Article 13 of the Law). Thus, instead of the categorical classification adopted in the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam, Kazakhstan applies a unified licensing and registration model governing admission to forensic expert practice.

As a general rule, an expert may be questioned only after the forensic examination has been completed, the expert opinion has been prepared, and the opinion has been submitted to the investigator or the court. Accordingly, only after reviewing the expert opinion may the investigator or the court question the expert. N.P. Maylis notes that an expert opinion is the product of research conducted on the basis of specialized knowledge and, for that reason, its evaluation presents certain difficulties, since the person assessing the opinion ordinarily does not possess such knowledge [17, p. 96]. Consequently, a specialist is often involved to assist in evaluating the expert opinion and formulating questions to be put to the expert.

Pursuant to Part 1 of Article 58 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF) [2], a specialist is a person possessing specialized knowledge who is engaged to participate in procedural actions in accordance with the procedure established by the CPC RF, including

assisting in the detection, preservation, and seizure of objects and documents, the application of technical means in examining the materials of a criminal case, formulating questions for an expert, and providing explanations to the parties and the court on matters within his or her professional competence. Accordingly, the rights and duties of a specialist, as well as the procedure governing the specialist's participation in procedural actions, are regulated directly by the CPC RF. In the Republic of Kazakhstan, the legal status of a specialist is defined by Article 80 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (CPC RK) [6] and is generally similar to the Russian approach. A distinctive procedural feature of the Kazakhstani model is that the questioning of both an expert and a specialist is governed by a single provision—Article 285 of the CPC RK—whereas the CPC RF and the Criminal Procedure Code of Vietnam regulate the questioning of experts and specialists under separate provisions.

To perform effectively in this field, a forensic expert must possess not only specialized knowledge relating to a particular type of forensic examination but also a range of professional qualities developed through education and practical experience. O.A. Sokolova identifies such qualities as rhetorical skills, a sound understanding of communication psychology, and knowledge of criminal procedure legislation, all of which enable an expert to present and defend the results of a forensic examination effectively before the court [11].

Following the questioning of an expert, the court assesses the evidentiary value of the expert opinion and, where necessary, decides whether to order a repeated or an additional forensic examination.

It should be noted that the result of questioning an expert takes the form of expert testimony, which, pursuant to Article 74 of the CPC RF [2], constitutes an independent source of evidence. Expert testimony consists of information provided by the expert when questioned by the investigator or the court after the expert opinion has been submitted [18, pp. 324–325]. By contrast, under the criminal procedure legislation of the Socialist Republic of Vietnam, expert testimony is not recognized as evidence, although the information obtained during the questioning of an expert is used in the process of proving. Accordingly, we propose amending Article 87 of the Criminal Procedure Code of Vietnam [9] to include expert testimony as an independent source of evidence. We concur with Nguyen Thi Ngoc Yen, who proposed supplementing Part 5 of Article 100 ("Expert Opinion") of the Criminal Procedure Code of Vietnam with a provision defining expert testimony as information provided by an expert when questioned after the submission of the expert opinion [19, p. 73].

The Kazakhstani approach occupies an intermediate position between the Russian and Vietnamese models. Part 2 of Article 111 of the CPC RK [6] expressly includes the testimony of experts and specialists among the categories of factual data capable of establishing the circumstances of a case, alongside the testimony of suspects, victims, and witnesses, while

distinguishing such testimony from expert and specialist opinions. Article 116 of the CPC RK further develops this approach. Part 1 defines an expert opinion as a document reflecting both the course and the results of the forensic examination, whereas Part 4 separately defines expert testimony as information communicated by an expert when questioned after the submission of the expert opinion for the purpose of clarifying or supplementing that opinion. The only limitation is established by Part 2 of the same article, which provides that oral explanations given by an expert constitute evidence only insofar as they clarify the previously issued expert opinion and therefore may not extend beyond the scope of the forensic examination. In substance, the Kazakhstani model already embodies the legislative solution proposed by Nguyen Thi Ngoc Yen for Part 5 of Article 100 of the Criminal Procedure Code of Vietnam [9]: a separate statutory provision expressly recognizing expert testimony as an independent source of evidence and defining it as information communicated when an expert is questioned after the submission of the expert opinion. The wording of Part 4 of Article 116 of the CPC RK [6] may therefore serve as an appropriate legislative model for the proposed amendments to Article 87 and Part 5 of Article 100 of the Criminal Procedure Code of Vietnam [9]. An essentially identical provision is also contained in Article 41 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Forensic Expert Activity" [8], thereby ensuring uniform regulation of this procedural institution across all forms of judicial proceedings, rather than only criminal proceedings.

In the Socialist Republic of Vietnam, in addition to preparing an expert opinion, a forensic expert also prepares a record of the forensic examination that documents the course of the examination. Upon completion of the forensic examination, this record is retained by the forensic institution rather than being submitted to the investigator or the court. By contrast, the expert opinion forwarded to the investigator or the court contains only the principal findings of the forensic examination. As a result, neither the investigator nor the court is able to assess the scientific validity of the expert opinion without questioning the expert. To address this issue, we propose combining the record of the forensic examination and the expert opinion into a single procedural document.

Notably, the legislation of the Republic of Kazakhstan has already implemented this approach. Pursuant to Part 1 of Article 116 of the CPC RK [6], an expert opinion is defined as a document reflecting both the course and the results of the forensic examination; unlike Vietnamese law, the CPC RK does not provide for a separate record of the forensic examination. This demonstrates the practical feasibility of combining the record of the forensic examination and the expert opinion into a single procedural document within the legal framework of the Socialist Republic of Vietnam.

Conclusions

The comparative analysis of the legislation of the Socialist Republic of Vietnam, the Russian Federation, and the Republic of Kazakhstan demonstrates that, in all three legal systems, the questioning of an expert

serves the same fundamental purpose, namely, to verify the evidentiary value of an expert opinion. At the same time, the scope and degree of detail of the legal regulation governing this procedural action differ considerably, while the Kazakhstani model provides several legislative solutions that may serve as useful guidance for improving Vietnamese criminal procedure legislation.

First, these differences concern the procedural stages at which an expert may be questioned. Like the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF) [2], the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (CPC RK) [6] permits the questioning of an expert both during the pre-trial investigation and at trial, with a clear allocation of authority between the investigator and the court. By contrast, the Vietnamese model limits the questioning of an expert exclusively to the trial stage [9], thereby reducing the opportunity to clarify ambiguities in an expert opinion before the case is referred to the court. Extending this procedural action to the pre-trial stage, following the model established by Article 285 of the CPC RK [6], could improve the effectiveness of verifying expert opinions at an earlier stage of the proceedings.

Another important area for improvement concerns the standardization of forensic terminology and methodologies. The absence of national standards governing the description of forensic objects in Vietnam results in inconsistencies in the terminology used in expert opinions and consequently increases the need to question experts in order to clarify ambiguities. The Kazakhstani experience of establishing the State Register of Methodologies for Forensic Examinations [8] demonstrates a systematic solution to this problem: the mandatory use of registered methodologies eliminates many issues that would otherwise require clarification through the questioning of an expert.

The institutional organization of forensic expert activity has evolved differently in the three jurisdictions, ranging from the categorical classification of experts into state, non-state, and private experts [16, p. 17] to the unified licensing and registration model adopted in Kazakhstan [8]. The latter reduces the risk of involving experts who do not satisfy uniform qualification requirements and therefore merits careful consideration in future reforms of the Vietnamese system of forensic expert activity.

A central issue addressed in this study is the evidentiary value of expert testimony. The Russian model recognizes expert testimony as an independent source of evidence [18, pp. 324–325], whereas Vietnamese legislation does not accord it such status [9]. The Kazakhstani approach, reflected in Part 4 of Article 116 of the CPC RK [6], occupies an intermediate and, in our view, more balanced position. Under this provision, expert testimony constitutes evidence only insofar as it serves to clarify a previously issued expert opinion. This approach avoids the risk of substituting expert testimony for the expert opinion itself while simultaneously addressing the legislative gap rightly identified by Nguyen Thi Ngoc Yen [19, p. 73]. We therefore consider it appropriate to amend Article 87 and Part 5 of Article 100

of the Criminal Procedure Code of Vietnam [9] by incorporating a provision of similar content.

Finally, Kazakhstani legislation has already implemented another proposal advanced in this article, namely, the consolidation of both the course and the results of a forensic examination within a single procedural document. Since Part 1 of Article 116 of the CPC RK [6] defines an expert opinion as a document reflecting both the course and the results of the forensic examination, there is no need for a separate record of the forensic examination of the kind required under Vietnamese law [9]. This legislative approach confirms the practical feasibility of combining the record of the forensic examination and the expert opinion into a single procedural document within the legal framework of the Socialist Republic of Vietnam.

In conclusion, enhancing the effectiveness of questioning an expert as a procedural mechanism for verifying the evidentiary value of an expert opinion in Vietnamese criminal proceedings requires more than the adoption of isolated legislative provisions. Rather, it calls for a coherent implementation of the principles underlying the Russian and Kazakhstani models, including extending the questioning of an expert to the pre-trial stage, standardizing forensic methodologies, recognizing the evidentiary value of expert testimony within the limits of clarifying the expert opinion, and consolidating the record of the forensic examination and the expert opinion into a single procedural document.

Statement on the Use of Artificial Intelligence

In preparing this article, the authors used the generative artificial intelligence model Gemini 3 solely for technical language editing. The authors assume full responsibility for the content of this work.

References

1. **Averyanova, T.V., Belkin, R.S., Korukhov, Yu.G., & Rossinskaya, E.R. (2007). Criminalistics: A** Textbook for Higher Education Institutions (3rd rev. ed.). Moscow: Norma. 994 p.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of 18 December 2001 (as amended on 10 June 2026). ConsultantPlus Legal Information System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed 29 July 2026).
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of 14 November 2002 (as amended on 23 March 2026, with amendments of 31 March 2026). ConsultantPlus Legal Information System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (accessed 29 July 2026).
4. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ of 24 July 2002 (as amended on 15 December 2025, effective from 1 January 2026). ConsultantPlus Legal Information System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (accessed 29 July 2026).
5. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of 30 December 2001 (as amended on 7 July 2026). ConsultantPlus Legal Information System.
6. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan No. 231-V of 4 July 2014. Adilet Legal Information System. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (accessed 29 July 2026).
7. Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan No. 377-V of 31 October 2015. Adilet Legal Information System. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377 (accessed 29 July 2026).

8. Law of the Republic of Kazakhstan No. 44-VI of 10 February 2017 "On Forensic Expert Activity." Adilet Legal Information System. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000044 (accessed 29 July 2026).
9. Criminal Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam No. 101/2015/QH13 of 27 November 2015 (as amended by Law No. 99/2025/QH15 of 27 June 2025). National Database of Legal Documents (vbpl.vn). Available at: https://vbpl.vn/botuphap/Pages/vbpq-toanvan.aspx?ItemID=96172 (accessed 29 July 2026).
10. Civil Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam No. 92/2015/QH13 of 25 November 2015 (as amended by Law No. 85/2025/QH15 of 25 June 2025). National Database of Legal Documents (vbpl.vn). Available at: https://vbpl.vn/TW/Pages/vbpq-van-ban-goc.aspx?ItemID=96115 (accessed 29 July 2026).
11. **Sokolova, O.A.** (2017). Adversarial Aspects of Forensic Experts' Participation during Trial Proceedings. In: Theory and Practice of Forensic Examination: International Experience, Challenges and Prospects. Proceedings of the First International Forum (7–8 June 2017). Moscow: V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 316–322.
12. **Nguyen Van Ky.** (2014). Defending an Expert Opinion in Court: Training Materials for Forensic Experts. Hanoi: Institute of Criminalistics.
13. Criminal Code of the Socialist Republic of Vietnam No. 100/2015/QH13 of 27 November 2015 (as amended by Law No. 12/2017/QH14 of 20 June 2017). National Database of Legal Documents (vbpl.vn). Available at: https://vbpl.vn/TW/Pages/vbpq-van-ban-goc.aspx?ItemID=96122 (accessed 29 July 2026).
14. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13 June 1996 (as amended on 10 June 2026, with amendments of 29 June 2026). ConsultantPlus Legal Information System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 29 July 2026).
15. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V of 3 July 2014. Adilet Legal Information System. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (accessed 29 July 2026).
16. **Moiseeva, T.F.** (2016). Fundamentals of Forensic Expert Activity: Lecture Notes. Moscow: Russian State University of Justice. 189 p. Available at: http://op.raj.ru/pdf/moiseeva_osnovy.pdf (accessed 29 July 2026).
17. **Maylis, N.P.** (2015). Theory and Practice of Forensic Examination in Evidence: Special Course. Textbook for Law Students. Moscow: UNITY-DANA; Zakon i Pravo. 263 p.
18. **Rossinskaya, E.R., Galyashina, E.I., & Zinin, A.M. (**2011). Theory of Forensic Examination. E.R. Rossinskaya (Ed.). Moscow: Norma; INFRA-M. 384 p.
19. **Nguyen Thi Ngoc Yen.** (2018). Evidence and Proof in the Criminal Procedure of the Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation: A Comparative Legal Study. PhD Dissertation in Law (Specialty 12.00.09). Moscow: V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 228 p.

Author Information/
Автор туралы мәлімет/
Сведения об авторах

Phan Thanh Dong *— PhD, Police Major, Lecturer, Department of Criminalistic Techniques, People's Police University, Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam, Ho Chi Minh City, Vietnam.*

Фан Тхан Донг *— Вьетнам Социалистік Республикасының Қоғамдық қауіпсіздік министрлігі Халық полициясы университетінің криминалистикалық техника кафедрасының оқытушысы, PhD, полиция майоры, Хошимин қаласы, Вьетнам.*

Фан Тхань Донг *— Преподаватель кафедры криминалистической техники Университета Народной полиции Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, PhD, майор полиции, г. Хошимин, Вьетнам.*

Мусин Айдар Булатович *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы Ғылыми-зерттеу институтының ІІО ЖІҚ проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, (PhD) философия докторы полиция майоры;*

Мусин Айдар Булатович *— старший научный сотрудник Центра по исследованию проблем ОРД ОВД Научно-исследовательского института Академии управления МВД Республики Казахстан, доктор философии (PhD), майор полиции;*

Mussin Aidar Bulatovich *— Senior Research Fellow of the Center for Research of Operational-Search Activity Problems of the Research Institute of the Academy of Management of the MIA RK, PhD, Police Major, Email: mussin.mail@gmail.com.*

УДК 343.9:343.721:004.738.5., МРНТИ 10.81.93.29

АЙТУАРОВА А.Б.,
УСЕМБАЕВ Е.Е.
Академия управления МВД Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан

ПРОФИЛАКТИКА ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВА И ДРОППЕРСТВА ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье рассматриваются криминологические и административно-правовые проблемы противодействия интернет-мошенничеству и дропперству в Республике Казахстан. Автор анализирует как статистический парадокс расхождение между снижением общей преступности (на 32 % за пять лет) и ростом мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (с 22 560 фактов в 2024 году до 27 892 в 2025 году): корыстная преступность не сократилась, а сменила среду, в которой традиционные меры профилактики теряют результативность. Исследуются статья 232-1 Уголовного кодекса Республики Казахстан и Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года №245-VIII «О профилактике правонарушений». На основе сравнения с опытом Российской Федерации, Сингапура, Швеции и Германии формулируются конкретные законодательные предложения: замена соединительного оборота «а также» на разделительный союз «либо» в примечании к статье 232-1, дополнение статей 15 и 34 Закона №245-VIII, а также введение института «предписания о финансовой защите» по образцу сингапурского Restriction Order.

Ключевые слова: *профилактика правонарушений, интернет-мошенничество, дропперство, органы внутренних дел, виктимологическая профилактика, антифрод, сравнительное правоведение, цифровая криминология.*

Қазақстан Республикасының ішкі істер органдары тарапынан интернет-алаяқтық пен дроппершілікті профилактикалау: криминологиялық талдау және салыстырмалы-құқықтық зерттеу

Мақалада Қазақстан Республикасында интернет-алаяқтыққа және дроппершілікке қарсы іс-қимылдың криминологиялық және әкімшілік-құқықтық мәселелері қарастырылады. Автор жалпы қылмыстылықтың төмендеуі (соңғы бес жылда 32 пайызға) мен ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалана отырып жасалатын алаяқтықтың өсуі (2024 жылғы 22 560 деректен 2025 жылы 27 892 дерекке дейін) арасындағы қайшылықты статистикалық парадокс ретінде талдайды: қылмыстылық жойылған жоқ, ол цифрлық ортаға көшті. Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 232-1-бабы және 2025 жылғы 30 желтоқсандағы №245-VIII «Құқық бұзушылықтардың профилактикасы туралы» Заңы талданады. Ресей Федерациясының, Сингапурдың, Швецияның және Германияның тәжірибесімен салыстыру негізінде нақты заңнамалық ұсыныстар тұжырымдалады: 232-1-баптың ескертпесіндегі «сондай-ақ» жалғаулығын «не» жалғаулығына ауыстыру, №245-VIII Заңның 15 және 34-баптарын толықтыру, сондай-ақ Сингапурдың Restriction Order институтының үлгісі бойынша «қаржылық қорғау нұсқамасы» институтын енгізу.

Кілтті сөздер: *құқық бұзушылықтардың профилактикасы, интернет-алаяқтық, дроппершілік, ішкі істер органдары, виктимологиялық профилактика, антифрод, салыстырмалы құқықтану, цифрлық криминология.*

Prevention of Internet Fraud and Money Muling by the Internal Affairs Bodies of the Republic of Kazakhstan: a Criminological and Comparative Legal Study

The article examines the criminological and administrative-legal problems of countering internet fraud and money muling in the Republic of Kazakhstan. The author analyses as a statistical paradox the divergence between the decline in overall crime (by 32 % over five years) and the growth of fraud committed through information and communication technologies (from 22,560 recorded offences in 2024 to 27,892 in 2025): acquisitive crime has not decreased but has changed its environment, one in which traditional prevention measures lose their effectiveness. Article 232-1 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and Law No. 245-VIII of 30 December 2025 'On the Prevention of Offences' are examined. Drawing on a comparison with the experience of the Russian Federation, Singapore, Sweden and Germany, specific legislative proposals are formulated: replacing the cumulative conjunction with a disjunctive one in the note to Article 232-1; supplementing Articles 15 and 34 of Law No. 245-VIII; and introducing a 'financial protection order' modelled on the Singaporean Restriction Order.

Keywords: *crime prevention, internet fraud, money muling, internal affairs bodies, victimological prevention, anti-fraud, comparative law, digital criminology.*

Введение

Противодействие правонарушениям в цифровой среде получило в Казахстане отчетливое политическое оформление. На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Глава государства К.-Ж. Токаев обозначил профилактику как приоритет правоохранительной системы, а на расширенном заседании правоохранительных органов отдельно указал на недостаточность усилий государства по защите граждан от киберпреступников. Линия закреплена институционально: утверждена Концепция по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025-2030 годы, ориентированная не на ужесточение репрессии, а на укрепление доверия к правоохранительным органам, вовлечение местных сообществ и повышение правовой культуры [1].

Фундаментальные положения теории предупреждения преступности разработаны в трудах Е.И. Каиржанова и И.Ш. Борчашвили применительно к традиционным, «уличным» формам [2; 3]. Перенос этих положений в цифровую среду не механичен: с исчезновением физического пространства деяния теряют смысл и основанные на нем инструменты — патрулирование, участковый обход, техническая укрепленность объектов. Цель статьи — выявить структурные дефекты системы профилактики интернет-мошенничества и дропперства и сформулировать конкретные, проверяемые предложения; от рекомендаций общего характера («усилить», «укрепить») автор отказывается, поскольку они не создают правовых последствий.

Эмпирическую базу составили данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан за 2020-2026 годы, сообщения Министерства внутренних дел и Национального Банка, отчеты правоохранительных ведомств Сингапура, Германии и Швеции; использованы сравнительно-правовой, формально-юридический и статистический методы. Теоретической рамкой избрана теория рутинной деятельности Л. Коэна и М. Фелсона: преступление совершается при совпадении мотивированного правонарушителя, подходящей цели и отсутствия дееспособного «опекуна» (capable guardian) [4], применимость теории к киберпреступности обоснована М. Яром [5], В.А. Номоконовым и Т.Л. Тропиной [6].

Официальная динамика преступности выглядит благополучно. Число зарегистрированных уголовных правонарушений сократилось со 140 272 в 2023 году до 132 778 в 2024 году, то есть на 5,3 %; за пятилетний период снижение составило 32 %, а за первые два месяца 2026 года — еще 8 %. Кражи сократились на 28,3 %, в том числе квартирные - на 33,5 %, автотранспорта - на 42,2 %, сотовых телефонов - на 30,9 %.

Эти цифры сами по себе не имеют объяснительной силы: констатация того, что квартирных краж стало на треть меньше, не отвечает на главный криминологический вопрос — исчезло ли корыстное посягательство или изменилась его форма. Ответ дает встречный ряд данных. За десять месяцев 2025 года число правонарушений в сфере

киберпреступности выросло на 86,1 % к аналогичному периоду 2024 года; количество интернет-мошенничеств увеличилось с 22 560 фактов в 2024 году до 27 892 в 2025 году. Ущерб за январь–ноябрь 2025 года составил 11,2 млрд тенге, тогда как экспертные оценки реальных потерь с учетом латентных эпизодов достигают 29–30 млрд тенге.

Отсюда основной тезис работы: снижение общей преступности носит структурный, а не абсолютный характер - корыстная преступность не сократилась, а сменила среду. Квартирная кража требовала физического присутствия, преодоления преград и сбыта похищенного, то есть цепочки действий, каждое звено которой создавало точку приложения профилактики и следообразования. Дистанционное хищение эти звенья исключает: посягательство совершается из другой юрисдикции, предметом выступают безналичные средства, а сбыт заменяется мгновенным транзитом через счета подставных лиц.

В терминах теории рутинной деятельности правонарушитель получил неограниченный доступ к целям при исчезновении дееспособного «опекуна». Его роль в физическом пространстве выполняли участковый инспектор полиции, консьерж, охранная сигнализация; в цифровом пространстве функционально эквивалентным «опекуном» является банк, оператор связи и цифровая платформа. Однако система профилактики построена вокруг органов внутренних дел и лишь фрагментарно вовлекает субъектов, реально контролирующих цифровую среду. В этом несоответствии и состоит корень проблемы: наращивание санкций не меняет соотношения выгод и издержек для организаторов, находящихся вне юрисдикции Республики Казахстан, и воздействует лишь на дропперов, зачастую самих являющихся жертвами обмана (по данным британской организации Cifas, 65 % денежных мулов — лица моложе 30 лет [7]).

Дистанционное хищение - технологическая цепочка из четырех звеньев: получение данных о жертве, психологическое воздействие, перевод средств и их обналичивание. Первые два звена локализованы за пределами Республики Казахстан и практически недосягаемы для национальной юрисдикции, третье контролируется банками второго уровня, четвертое реализуется через дропперов, физически находящихся в стране. Именно оно — единственный элемент схемы, полностью доступный для профилактического и уголовно-правового воздействия: разрушение канала обналичивания делает всю схему экономически бессмысленной независимо от местонахождения организаторов. В теории ситуационного предупреждения Р. Кларка это соответствует стратегии удаления выгоды (removing the rewards) [8].

До 2025 года законодательство не содержало основания для привлечения дропперов к уголовной ответственности: они проходили по делам как свидетели, а при доказанности умысла - как соучастники мошенничества. Доказывание умысла в отношении лица, формально лишь передавшего карту, было затруднено, что делало это звено

безнаказанным и потому дешевым для организаторов. Законом по вопросам оптимизации уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Уголовный кодекс дополнен статьей 232-1 «Незаконное предоставление, передача и приобретение доступа к банковскому счету, платежному инструменту или идентификационному средству, а также незаконное осуществление платежей и переводов денег», введенной в действие с 16 сентября 2025 года. Санкция дифференцирована по функциональной роли: за предоставление доступа к собственному счету - до трех лет лишения свободы, за осуществление платежей в интересах третьих лиц - до пяти лет, для «дроповодов» - до семи лет с конфискацией имущества; за базовый состав альтернативен штраф до 160 месячных расчетных показателей (629 120 тенге). Такая дифференциация позволяет разграничить студента, передавшего карту за пять тысяч тенге, и организатора сети из сотен счетов.

Примечание к статье 232-1 устанавливает, что лицо, впервые совершившее предусмотренное данной статьей правонарушение, добровольно заявившее об этом, а также активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого правонарушения, освобождается от уголовной ответственности. Ключевое значение имеет соединительный оборот «а также»: он придает условиям кумулятивный характер, требуя одновременного наличия и заявления, и активного способствования. Между тем криминологический портрет рядового дроппера делает второе условие объективно невыполнимым. Дроппер низового уровня вербуется через мессенджер или объявление о подработке и не знает ни личности организатора, ни структуры сети, ни конечных получателей средств; коммуникация ведется через анонимные аккаунты, удаляемые сразу после использования. Такое лицо способно лишь явиться и заявить о содеянном; активно способствовать раскрытию оно не может не в силу нежелания, а в силу отсутствия информации.

Правовое последствие дефекта противоположно цели нормы. Лицо, осознавшее вовлеченность в схему, не имеет рационального мотива для явки с повинной: заявление не гарантирует освобождения, но гарантированно создает доказательственную базу против него самого. Законодатель, стремившийся создать канал добровольного выхода, фактически его закрыл, чем сохранил устойчивую базу рекрутирования. Кумулятивная формулировка порождает и разночтения в правоприменении: суд оценивает «активное способствование» без нормативных критериев, вследствие чего в одних случаях достаточным признается сообщение номера телефона вербовщика, в других требуется установление личности организатора, что от подсудимого не зависит. Показательно, что в Российской Федерации механизм освобождения обсуждался именно в контексте необходимости стимулировать добровольный выход участников низового звена.

Рассмотрим опыт зарубежных государств.

Сингапур - единственная из рассматриваемых юрисдикций, добившаяся незамедления роста, а абсолютного сокращения показателей: в 2025 году число случаев мошенничества и киберпреступлений снизилось на 24,8 % и составило 41 974, а совокупные потери сократились с 1,1 млрд сингапурских долларов до 913,1 млн. Причина не в ужесточении наказаний, а в изменении точки приложения профилактики. С 1 июля 2025 года действует Protection from Scams Act, наделивший полицию правом выносить ограничительные предписания (Restriction Orders), адресованные банку и блокирующие расходные операции лица, в отношении которого имеются основания полагать, что оно переводит средства мошенникам. *Новизна конструкции в том, что* предписание выносится в отношении жертвы, а не правонарушителя, и вопреки ее воле, поскольку лицо под психологическим воздействием действует несвободно. Организационным дополнением служит Anti-Scam Command, объединяющее полицию и банки в режиме реального времени: в 2025 году возвращено свыше 117 млн долларов США и предотвращены потери не менее чем на 348 млн долларов.

Российская модель делает ставку на автоматизированные ограничения в платежной инфраструктуре: закон о противодействии кибермошенничеству вступил в силу 1 июня 2025 года, а его центральный элемент - «период охлаждения», при котором банк на 48 часов ограничивает переводы суммой 50 тысяч рублей в сутки. Ценность опыта в том, что временной интервал выступает самостоятельным профилактическим ресурсом: социальная инженерия основана на искусственном дефиците времени, и принудительная пауза разрушает этот механизм.

Шведский опыт ценен как предостережение: в стране, где наличные вытеснены, идентификация BankID используется более чем восемью миллионами граждан, а переводы через Swish мгновенны и необратимы, число зарегистрированных мошенничеств в 2025 году превысило 200 тысяч. Универсальность BankID делает его единственной мишенью, компрометация которой открывает доступ ко всем сервисам сразу; в ответ банки получили право исключать отдельных лиц из Swish и BankID. Вывод для Казахстана: скорость и необратимость расчетов, рассматриваемые как достижение, одновременно являются криминогенным фактором.

Согласно Bundeslagebild Cybercrime 2025 Федерального ведомства уголовной полиции, в Германии зарегистрировано около 335 тысяч киберпреступлений в узком смысле, из которых две трети (207 888) совершены из-за рубежа либо с неустановленного места; ущерб оценен в 202,4 млрд евро, или около 4,5 % валового внутреннего продукта. Доля трансграничных посягательств подтверждает недостижимость организаторов средствами национальной юрисдикции, а

соотнесение ущерба с внутренним продуктом дает инструмент оценки, которого казахстанская отчетность лишена.

Таблица 1. *Сравнительная характеристика моделей профилактики дистанционного мошенничества (2025 год)*

Государство	Ключевой правовой инструмент	Основной субъект воздействия	Результат 2025 года
Республика Казахстан	*Ст. 232-1 УК РК; Закон № 245-VIII; Антифрод-центр Национального Банка*	Органы внутренних дел	Рост с 22 560 до 27 892 фактов; ущерб 11,2 млрд тенге
Сингапур	*Protection from Scams Act 2025; ограничительные предписания (Restriction Orders)*	Полиция во взаимодействии с банками (Anti-Scam Command)	Снижение на 24,8 % (41 974); потери с 1,1 млрд до 913,1 млн синг. долл.
Российская Федерация	*Закон о противодействии кибермошенничеству (с 01.06.2025); «период охлаждения» 48 часов*	Банки и операторы связи	Ограничение переводов до 50 тыс. руб. в сутки на 48 часов
Швеция	*Исключение лиц из систем Swish и BankID по решению банка*	Банки	Свыше 200 тыс. мошенничеств; рост на 6,52 % в I квартале
Германия	*§ 261 Уголовного уложения (отмывание, в том числе неосторожное); превентивное информирование*	Полиция и организации по защите прав потребителей	335 тыс. киберпреступлений; ущерб 202,4 млрд евро (≈ 4,5 % ВВП)

Примечание — составлено автором по данным официальной статистики указанных государств.

Закономерность очевидна: наилучшего результата достигла юрисдикция, переместившая профилактическое воздействие в момент совершения платежа и наделившая полицию правом прямого предписания финансовой организации, тогда как государства, ограничившиеся усилением ответственности и информированием, показывают рост. Казахстан располагает технологической основой сингапурской модели - Антифрод-центр Национального Банка заблокировал подозрительные операции на 2,8 млрд тенге, — но не располагает ее правовым инструментарием.

Проведя анализ Закона Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» можно обратить внимание на некоторые пробелы.

Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года № 245-VIII расширил круг субъектов профилактики и систематизировал меры воздействия. Глава об особенностях профилактики отдельных видов правонарушений включает статьи о бытовом насилии (статья 72), рецидивной преступности (статья 73), правонарушениях, совершаемых в состоянии опьянения (статья 74) и в общественных местах (статья 75), а также об экономических правонарушениях (статья 76). Самостоятельная статья о профилактике правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, отсутствует, хотя именно эта категория растет наиболее интенсивно, тогда как правонарушения в общественных местах и в состоянии опьянения устойчиво снижаются: структура закона воспроизводит криминологическую картину предшествующего периода.

Второй пробел касается распределения компетенции. Статья 13 наделяет органы внутренних дел перечнем полномочий более чем из двадцати подпунктов, включая вынесение официального предостережения, защитного предписания и ограничение доступа правонарушителя в жилище. Компетенция уполномоченного органа по регулированию финансового рынка (статья 34) ограничена двумя подпунктами, из которых содержателен лишь первый - ведение разъяснительной работы. Возникает структурное несоответствие: субъект с наибольшим объемом полномочий не имеет доступа к среде, где совершается посягательство, а субъект, контролирующий эту среду, наделен единственной содержательной обязанностью. Третий пробел терминологический: статья 15, определяющая компетенцию органов юстиции, содержит три подпункта, второй из которых предусматривает юридическую экспертизу проектов нормативных правовых актов в целях предупреждения принятия норм, способствующих совершению правонарушений. Формулировка описывает криминологическую экспертизу, но не называет ее таковой и не устанавливает ни методики, ни обязательности учета выводов, вследствие чего институт остается декларативным. Наконец, статья 71 предусматривает меры виктимологической профилактики, для дистанционного мошенничества первостепенные, поскольку деяние совершается руками самой потерпевшей стороны; однако механизма, позволяющего прервать перевод в момент его совершения, закон не содержит.

Выводы и предложения

Снижение общей преступности в Республике Казахстан носит структурный характер и объясняется в том числе миграцией корыстных посягательств в цифровую среду. Система профилактики, закрепленная Законом № 245-VIII, воспроизводит модель, ориентированную на физическое пространство, и не дает органам внутренних дел инструментов воздействия в момент совершения платежа. Введение

статьи 232-1 Уголовного кодекса обоснованно, однако кумулятивная конструкция примечания блокирует профилактический потенциал нормы. Предлагается следующее.

– В примечании к статье 232-1 Уголовного кодекса Республики Казахстан заменить соединительный оборот «а также» на разделительный союз «либо»: «лицо, впервые совершившее уголовное правонарушение, предусмотренное настоящей статьей, добровольно заявившее об этом либо активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого правонарушения, освобождается от уголовной ответственности…». Замена превращает кумулятивное условие в альтернативное и делает освобождение достижимым для дроппера низового уровня, не располагающего сведениями об организаторах. Ожидаемый результат - канал добровольного выхода из криминальной схемы, сужение базы рекрутирования и устранение почвы для противоречивой судебной практики.

– Дополнить статью 15 Закона Республики Казахстан «О профилактике правонарушений», содержащую в настоящее время три подпункта, подпунктом 4): «4) проводят криминологическую экспертизу проектов нормативных правовых актов, регулирующих оказание финансовых и цифровых услуг, с обязательным опубликованием заключения», что переводит фактически осуществляемую, но нормативно не поименованную деятельность в статус института профилактики.

– Дополнить статью 34 того же Закона подпунктом 1-1): «1-1) обеспечивает передачу органам внутренних дел обезличенных сведений о платежных транзакциях с признаками мошенничества для организации адресной виктимологической профилактики». Ныне компетенция регулятора ограничена разъяснительной работой, что не соответствует его роли ключевого «опекуна» цифровой среды.

– Дополнить главу об особенностях профилактики отдельных видов правонарушений статьей 76-1 «Особенности профилактики правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий», предусмотрев обязанность вести адресную работу с категориями населения, наиболее подверженными виктимизации.

– Ввести по образцу сингапурского Restriction Order институт предписания о финансовой защите - решения органа внутренних дел, адресованного банку второго уровня и временно ограничивающего расходные операции по счету гражданина при наличии обоснованных данных о совершении перевода под воздействием обмана. Юридическая конструкция уже присутствует в правовой системе Казахстана: статья 52 Закона предусматривает запрет на приближение, статья 60 - защитное предписание; мера лишь распространяет известный институт на имущественную сферу, что снижает риски правовой неопределенности.

Срок действия следует ограничить сорока восемью часами с правом однократного продления по санкции прокурора.

– Внедрить в отчетность правоохранительных органов показатель соотношения ущерба от правонарушений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, с валовым внутренним продуктом по методике Федерального ведомства уголовной полиции Германии: абсолютные суммы в тенге не позволяют оценить масштаб угрозы и не сопоставимы в международном формате.

Реализация предложенных мер не требует увеличения штатной численности органов внутренних дел и не связана с наращиванием санкций: как показывает сингапурский опыт, результативность обеспечивается не строгостью наказания, а способностью прервать противоправную операцию в момент ее совершения. Вместе с тем следует учитывать эффект смещения преступности: сокращение массовых схем сопровождается ростом среднего ущерба по целевым атакам.

Список использованной литературы

1 Об утверждении Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025–2030 годы: Указ Президента Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000200 (дата обращения: 04.08.2026).

2 **Каиржанов Е.И.** Криминология: Общая часть: учебник. Алматы, 2000.

3 **Борчашвили И.Ш.** Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая часть. Алматы, 2015.

4 **Cohen L.E., Felson M.** Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. 1979. Vol. 44, №4. P. 588–608.

5 **Yar M.** The Novelty of ‘Cybercrime’: An Assessment in Light of Routine Activity Theory // European Journal of Criminology. 2005. Vol. 2, №4. P. 407–427.

6 **Номоконов В.А., Тропина Т.Л.** Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. №1 (24).С. 45–55.

7 Cifas. Fraudscape. - London: Cifas, 2024.

8 **Clarke R.V.** Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. 2nd ed. Guilderland, NY: Harrow and Heston, 1997. 357 p.

9 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями 19.06.2026). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/ K1400000226 (дата обращения: 25.06.2026).

10 О профилактике правонарушений: Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года № 245-VIII (с изменениями и дополнениями 24.06.2026). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=34819878&ysclid=msmvods2af508231606 (дата обращения: 26.06.2026).

11 В Казахстане введена уголовная ответственность за дропперство: вступила в силу статья 232-1 УК: информационное сообщение Министерства внутренних дел Республики Казахстан. URL: https://www.gov.kz/memleket/ entities/qriim/press/news/details/1068462 (дата обращения: 23.06.2026).

12 Правовая статистика: Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: https://qamqor.gov.kz/crimestat/ Статистика преступности: Бюро национальной статистики. - URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-crime/ (дата обращения: 26.06.2026).

13 Итоги работы Антифрод-центра: заблокированы подозрительные операции на 2,8 млрд тенге: информационное сообщение Национального Банка Республики Казахстан. - URL:

https://nationalbank.kz/ru/news/informacionnye-soobshcheniya/18571 (дата обращения: 24.07.2026).
14 Protection from Scams Act 2025 (Singapore). URL: https://sso.agc. gov.sg/Act/PSA2025 (дата обращения: 24.07.2026).
15 Annual Scam and Cybercrime Brief 2025 / Singapore Police Force. - Singapore, 2026. 40 p.
16 Bundeslagebild Cybercrime 2025 / Bundeskriminalamt. - Wiesbaden, 2026.
17 Payments Report 2025: Are payments in Sweden safe? / Sveriges Riksbank. - Stockholm, 2025.
18 О противодействии кибермошенничеству: Федеральный закон Российской Федерации от 1 апреля 2025 года.

Сведения об авторах

Айтуарова Альфия Булатовна *— Ученый секретарь Ученого совета Академии управления МВД Республики Казахстан кандидат юридических наук, ассоциированный профессор (доцент) полковник полиции.*

Альфия Булатовна Айтуарова *— Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясының Ғылыми кеңесінің ғалым хатшысы, заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (доцент), полиция полковнигі.*

Alfiya Aituarova *— Academic Secretary of the Academic Council of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor, Police Colonel.*

Усембаев Ерасыл Ерсаинұлы *— Научный сотрудник Академии управления МВД Республики Казахстан, старший лейтенант полиции.*

Ерасыл Ерсаинұлы Усембаев *— Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясының ғылыми қызметкері полиция аға лейтенанты.*

Yerassyl Yersainuly Ussembayev — *Research Fellow at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan Senior Police Lieutenant.*

ӘОЖ *341.45:343.102:343.575(574).,* ***МҒТАР*** *10.71.43*

ГАЛИХАНОВ М.М.
Қостанай облысы полиция департаменті
Қостанай қ-сы, Қазақстан

ТРАНСҰЛТТЫҚ ЕСІРТКІ ТРАФИГІНЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ КЕЗІНДЕГІ ЖЕДЕЛ-ІЗДЕСТІРУ ҚЫЗМЕТІ САЛАСЫНДАҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ: ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ПРОБЛЕМАЛАРЫ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ШЕШУ ЖОЛДАРЫ

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің 2023-2025 жылдардағы деректері негізінде қылмыстылықтың жалпы көрсеткіштерінің төмендеуі есірткі қылмыстылығының өсуімен және оның цифрлық трансшекаралық нысанға ауысуымен қатар жүретіні көрсетілген. Халықаралық қылмыстық полиция ұйымы - Интерпол Жарғысына талдау жүргізіліп, оның институционалдық шектері анықталды. Қазақстан Республикасының «Жедел-іздестіру қызметі туралы» Заңы трансшекаралық бақыланатын жеткізілімді, бірлескен жедел-іздестіру топтарын және Интерпол арналары арқылы алынған мәліметтерді заңдастыру тәртібін регламенттемейтіні анықталды. Алты нақты нормативтік ұсыныс тұжырымдалды.

Кілтті сөздер: *жедел-іздестіру қызметі; халықаралық ынтымақтастық; Интерпол; есірткі трафигі; синтетикалық есірткілер; бақыланатын жеткізілім; бірлескен жедел-іздестіру топтары; дәлелдемелердің жарамдылығы; жазаның бұлтартпастығы.*

Международное сотрудничество в сфере оперативно-розыскной деятельности при противодействии транснациональному наркотрафику: проблемы правового регулирования и пути их разрешения

На основе данных Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан за 2023-2025 годы показано, что снижение валовых показателей преступности сопровождается ростом наркопреступности и ее переходом в цифровую трансграничную форму. Проведен анализ Устава Международной организации уголовной полиции - Интерпол и выявлены его институциональные пределы. Установлено, что Закон

Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» не регламентирует трансграничную контролируемую поставку, совместные оперативно-розыскные группы и порядок легализации сведений, полученных по каналам Интерпола. Сформулированы шесть конкретных нормативных предложений.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность; международное сотрудничество; Интерпол; наркотрафик; синтетические наркотики; контролируемая поставка; совместные оперативно-розыскные группы; допустимость доказательств; неотвратимость наказания.*

International cooperation in operational-search activity against transnational drug trafficking: legal regulation issues and solutions

Drawing on 2023-2025 statistics of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, the article shows that the decline in aggregate crime figures conceals a sustained growth of drug-related offences and their migration into a digital, cross-border form. An analysis of the Constitution of INTERPOL reveals its institutional limits. The Law on Operational-Search Activity is shown to lack regulation of cross-border controlled deliveries, joint investigation teams and the legalisation of data obtained through INTERPOL channels. Six specific normative proposals are formulated.

Keywords: *operational-search activity; international cooperation; INTERPOL; drug trafficking; synthetic drugs; controlled delivery; joint investigation teams; admissibility of evidence; certainty of punishment.*

Кіріспе

Қазақстан Республикасындағы есірткі ахуалы: 2023-2025 жылдардағы деректерді талдау

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің деректері екі трендтің алшақтығын тіркейді. 2023 жылы 140 272 қылмыстық құқық бұзушылық тіркелсе, 2024 жылы - 132 778, төмендеу 5,3 пайызды құрады; 2025 жылғы қаңтар-сәуірде жалпы қылмыстылық тағы 4,1 пайызға қысқарды. Есірткі қылмыстылығы қарама-қарсы серпін көрсетеді: 2023 жылы 7 160 және 2024 жылы 8 363 әрекет, бұл жалпы массивтің 6,3 пайызын құрайды; 2025 жылғы қаңтар-сәуірде олардың саны 2 748-ден 3 093-ке дейін, яғни 12,6 пайызға өсті. Алып қою көлемі де өсуде - 2018 жылғы 20,3 тоннадан 2023 жылы 41,1 тоннаға және 2025 жылы шамамен 49 тоннаға дейін, бұл ретте 4,5 миллион бір реттік дозаға баламалы шамамен 1,5 тонна синтетикалық есірткі алып қойылды және 128 есірткі зертханасы, оның ішінде 28 синтетикалық зертхана жойылды. Құбылыс ірі агломерациялар шегінен шықты: 2024 жылы Астана қаласында 1 170 есірткі қылмысы тіркелсе,

Ұлытау облысында олардың саны 43-тен 116-ға дейін өсті, яғни іс жүзінде үш есе артты [4].

Негізгі мәселе - жалпы қылмыстылық төмендеген кезде есірткі қылмыстылығының неліктен өсіп отырғанында. ***Біріншіден,*** өткізу технологиясы өзгерді: закладкаларға, мессенджерлер арқылы үйлестіруге және криптовалютамен есеп айырысуға негізделген байланыссыз тәсіл дәстүрлі нысандарды ығыстырды. 2025 жылы 17 мыңға жуық онлайн тарату арнасы бұғатталды, «MERGEN» жүйесі 22 мыңнан астам цифрлық контент бірлігін өңдеп, 6,1 мыңнан астам есірткі дүкенін бұғаттады, ал 2025 жылғы қазанда құрылған Ұлттық ведомствоаралық таргетинг-орталығы 78 факт бойынша 23,3 тонна прекурсорды алып қойды [5]. Мұндай өткізу өз табиғаты бойынша трансшекаралық: ұйымдастырушы, төлем инфрақұрылымы, прекурсорлар қоймасы және орындаушы төрт түрлі юрисдикцияда болуы мүмкін.

Екіншіден, қылмыс заты өзгерді. Бес жылда синтетикалық есірткіні алып қоюдың 10 килограмнан бір тоннадан астамға дейін өсуі өсімдік тектес есірткілердің зертханалық есірткілермен алмастырылуын көрсетеді: синтетикалық өндіріс өнім мен климатқа тәуелді емес, тек прекурсорларға қол жеткізуді ғана қажет етеді, сондықтан тарихи тұрғыда опиат трафигіне қолданылып келген бақылау әдістеріне көнбейді. Үшіншіден, анықталу деңгейі өзгерді, өйткені цифрлық мониторинг тіркелетін массивті механикалық түрде ұлғайтады; соңғысы интерпретациялауда сақтықты талап етеді, себебі тіркеудің өсуі ахуалдың нашарлауын да, бұрын латентті болған әрекеттердің анықталуын да көрсетуі мүмкін.

2024 жылғы қылмыстылық құрылымы зерттеу нысанасына тікелей қатысы бар заңдылықты анықтайды. Жалпы массив 132 778 әрекетті құраған кезде алаяқтық 45 156 (34 пайыз), ұрлық - 30 593 (23 пайыз), есірткі қылмыстары - 8 363, кісі өлтіру - 566 болды [6]. Бір жылда ұрлық санының 28,3 пайызға күрт құлдырауы ең көрнекі: бұрын тіркелетін қылмыстылықтың елеулі бөлігін құраған пәтер ұрлықтары салмақты санат болудан қалды, ал интернет-алаяқтық саны бірнеше есе өсті [6]. Бұл процестер себеп-салдарлық байланыста: қылмыстылық жойылған жоқ, ол әрекет жасау шығындары төмен, ал субъектіні сәйкестендіру ықтималдығы аз ортаға көшті. Тұрғын үйге кіру физикалық қатысуды талап етеді, із қалдырады және тікелей ұсталу қаупін туғызады; қашықтықтан жымқыру мен байланыссыз өткізу мұндай шығындарды көтермейді.

Бұдан жалпы көрсеткіштің төмендеуі тиімділіктің дербес өлшемшарты бола алмайтыны шығады: ең қауіпті, ұйымдасқан және трансшекаралық сегмент өскен кезде жалпы массивтің 5,3 пайызға қысқаруы есептіліктің формальды жақсаруы кезінде қылмыстылықтың сапалық құрылымының нашарлауын білдіреді. Жекелеген құрамдарды есепке алу саласында да осыған ұқсас проблема бар: абайсызда жәбірленушінің өліміне әкеп соққан денсаулыққа қасақана ауыр зиян

келтіру іс жүзіндегі салдары бойынша кісі өлтірумен бірдей, алайда кісі өлтіру статистикасына қосылмайды, соның салдарынан зорлық-зомбылық әрекеттерінен болған өлім саны өзгермеген кезде көрсеткіш төмендеуді көрсетуі мүмкін. Статистикалық көрсеткіш тек криминогендік ахуалдың ғана емес, саралау мен есепке алу қағидаларының да функциясы болып табылады, сондықтан бірнеше жылдағы серпінді кез келген салыстыру осы кезеңде тіркеу қағидаларының өзі өзгермегенін алдын ала тексеруді талап етеді. Осы тақырыпқа қатысты бұл халықаралық ынтымақтастықтың нәтижелілігін алып қойылған есірткі құралдарының салмағы бойынша бағалаудың негізсіз екенін білдіреді: жеткізу арналары сақталған кезде 49 тоннаны алып қою айналымның ауқымын сипаттайды, оған қарсы іс-қимылдың табысын емес.

Халықаралық қылмыстық полиция ұйымы - Интерпол Жарғысы 1956 жылы қабылданып, 1956 жылғы 13 маусымда күшіне енді және 1986 жылғы 1 қаңтардағы жағдай бойынша өзгерістерімен қолданылады [7]. Күннің өзі-ақ нормативтік негіз бен трансұлттық қылмыстылықтың қазіргі жай-күйі арасындағы алшақтықты көрсетеді: базалық құжат мәні бойынша төрт онжылдық бойы қайта қаралған жоқ.

Жарғының 2-бабы ұйымның мақсаттарын айқындайды - мемлекеттердің заңнамасы шеңберінде және Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясының рухында қылмыстық полиция органдарының өзара ынтымақтастығын қамтамасыз ету және дамыту, сондай-ақ жалпы қылмыстық сипаттағы қылмыстылықтың алдын алуға ықпал ететін мекемелер құру. 3-бапта саяси, әскери, діни немесе нәсілдік сипаттағы араласуға немесе қызметке үзілді-кесілді тыйым салынған. 5-бап құрылымды бекітеді: Бас Ассамблея, Атқару комитеті, Бас хатшылық, Ұлттық орталық бюролар және Кеңесшілер. Осы зерттеу үшін ерекше маңызы бар 15-бап Атқару комитетінің құрамын айқындайды - Ұйым Президенті, үш Вице-президент және тоғыз Делегат, яғни он үш мүше; Вице-президенттер үш жылға сайланады және сол лауазымдарға не Делегат ретінде дереу қайта сайлана алмайды; 15 және 16-баптарда көзделген келісу талаптары бұзылған жағдайда төртінші Вице-президент сайланады және Комитет уақытша он төрт мүшені қамтиды; оның мүшелері түрлі елдердің полициясын және мүмкіндігінше барлық құрлықтарды білдіруге тиіс. 26-бап Бас хатшылықтың функцияларын, 31 және 32-баптар мүше мемлекеттердің міндеттемелері мен ұлттық орталық бюролардың мәртебесін бекітеді.

Ақпаратты өңдеу Интерполдың деректерді өңдеу туралы қағидаларымен реттеледі, бақылауды Файлдарды бақылау жөніндегі комиссия жүзеге асырады, техникалық инфрақұрылым қорғалған I-24/7 желісімен қамтамасыз етіледі. Түсті хабарламалар жүйесі қолданылады; 2025 жылғы 10 қаңтардан бастап қылмыстық активтерді қадағалауға арналған күміс хабарлама қолданылады. Тетіктің Қазақстан Республикасы үшін практикалық маңызы статистикамен расталады: 2025 жылғы 8 шілдедегі жағдай бойынша іздеуде 2 158 адам болды, шетелде

Қазақстан Республикасының 520 азаматының тұрған жері анықталды; 2025 жылы шетелде іздеудегі 182 адам ұсталды, барлығы 1 668 адам ұсталды, оның ішінде 690-ы - шет мемлекеттердің сұрау салулары бойынша Қазақстан Республикасының аумағында; Қазақстан Республикасына 2023 жылы 55 адам және 2024 жылы 67 адам экстрадицияланды [9]. Интерполдың Қазақстан Республикасындағы Ұлттық орталық бюросының құқықтық мәртебесі Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрінің 2014 жылғы 29 шілдедегі №477 бұйрығына 14-қосымшамен, халықаралық іздеу жариялау тәртібі - тиісті Нұсқаулықпен айқындалған [8].

Сонымен қатар тетік есірткі трафигіне қатысты аса маңызды төрт институционалдық шекті анықтайды.

Біріншісі - жедел-іздестіру өкілеттіктерінің жоқтығы. Интерпол ұлттан жоғары құқық қорғау органы болып табылмайды, жедел-іздестіру іс-шараларын жүргізуге, адамдарды ұстауға немесе заттарды алып қоюға құқылы емес; оның функциясы ақпарат алмасу мен үйлестіруге саяды. Есірткі трафигіне қатысты бұл ұйымның адамның тұрған жерін анықтауды қамтамасыз ете алатынын, бірақ жеткізу арнасын нақты уақыт режимінде құжаттай алмайтынын білдіреді.

Екіншісі - сұрау салуларды орындаудың міндетті еместігі және ден қою мерзімдерінің жоқтығы. Жарғы мүше мемлекеттің сұрау салуды орындау міндетін де, ұлттық орталық бюроның жауап берудің шекті мерзімін де белгілемейді. Жасырынып жүрген адамды іздеу үшін мұндай құрылымға жол беруге болады; есірткі трафигін жедел сүйемелдеу үшін ол қолайсыз, өйткені синтетикалық есірткі партиясы бірнеше мемлекетті санаулы күндерде кесіп өтеді, ал екі аптадан кейін алынған жауап жедел құндылығын толығымен жоғалтады.

Үшіншісі - қызыл хабарламаларды теріс пайдалану. Қолданыстағы шамамен 86 мың қызыл хабарламаның 10 пайызынан азы ғана жария етілген; 2024 жылы Файлдарды бақылау жөніндегі комиссия кемінде 322 хабарламаны негізсіз деп алып тастады, ал 2023 жылы қызыл хабарламалар мен диффузиялардың тек 1,2 пайызы ғана Жарғының 2 немесе 3-баптарына сәйкес келмеуі себебімен қабылданбады. Кейіннен алып тасталғандардың едәуір саны кезіндегі сұрыптаудың осынша төмен пайызы алдын ала бақылаудың формальды сипатын куәландырады және жалпы арнаға деген сенімнің төмендеуіне әкеледі, бұл есірткі қылмыстары бойынша адал сұрау салуларды да қозғайды.

Төртіншісі - материалдардың дәлелдемелік маңызының айқынсыздығы. Ұлттық орталық бюро арқылы келіп түсетін мәліметтер бағдарлаушы, іздестіру сипатында болады; оларды дәлелдеме ретінде пайдалану құқықтық көмек тәртібімен кейіннен заңдастыруды талап етеді. Заңнамада мұндай ауысудың шарттарын айқындайтын тікелей норманың жоқтығы процестік дауларға негіз жасайды және қылмыстық істердің формальды негіздер бойынша тоқтатылуының факторларының бірі болып табылады.

Есірткі трафигіне қарсы іс-қимылдың халықаралық-құқықтық негізін 1961, 1971 және 1988 жылғы конвенциялар құрайды. Соңғысында тікелей жедел-іздестіру мазмұнындағы екі ереже бар: 9-бап ынтымақтастықтың өзге нысандарын, 11-бап - бақыланатын жеткізілімдерді регламенттейді. Біріккен Ұлттар Ұйымының 2000 жылғы Трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы конвенциясы құралдар жиынтығын бірлескен тергеп-тексерулер туралы 19-баппен және арнайы тергеу әдістері туралы 20-баппен толықтырады; дәл осы 19-бап бірлескен тергеу және жедел-іздестіру топтарын - ұйымдасқан есірткі бизнесіне қатысты еуропалық практикада нәтижелілігін дәлелдеген форматты құрудың халықаралық-құқықтық негізі болып табылады. Біріккен Ұлттар Ұйымының Бас Ассамблеясы 2024 жылғы 24 желтоқсандағы 79/243 қарарымен 2025 жылғы 25-26 қазанда Ханойда қол қоюға ашылған Киберқылмысқа қарсы конвенцияны қабылдады, онда оған жетпіс бір мемлекет және Еуропалық одақ қол қойды [9]; байланыссыз өткізу толығымен электрондық іздер арқылы жүзеге асырылатындықтан, ол құрған электрондық дәлелдемелермен трансшекаралық алмасу тетігі құқықтық көмектің классикалық нысандарына қарағанда қазіргі есірткі трафигіне неғұрлым релевантты.

Өңірлік деңгейде Қазақстан Республикасы 2002 жылғы Кишинев конвенциясына, Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы мен Шанхай ынтымақтастық ұйымы шеңберіндегі келісімдерге, сондай-ақ 2007 жылғы 1 қарашадан бастап Алматы қаласында жұмыс істейтін Орталық Азия өңірлік ақпараттық үйлестіру орталығының қызметіне қатысады [10]; Ұжымдық қауіпсіздік туралы шарт ұйымы шеңберінде «Канал» операциясының қорытындысы бойынша 2025 жылы 8 тоннадан астам есірткі алып қойылды. Осылайша, проблема халықаралық-құқықтық құралдардың жоқтығында емес, олардың ұлттық жедел-іздестіру заңнамасы деңгейінде толық имплементацияланбауында: бақыланатын жеткізілімді трансшекаралық режимде жүргізу тәртібі, бірлескен топтарға қатысушылар арасында процестік өкілеттіктерді бөлу және алынған нәтижелердің мәртебесі заңмен егжей-тегжейлі реттелмеген.

Бір мемлекеттің құқық қорғау органдарын екінші мемлекеттің құзыретті органдары жанында білдіретін байланыс офицерлері институты жеке атап өтуге лайық. Олардың қызметі ден қою мерзімін бірнеше сағатқа дейін қысқартуға мүмкіндік беретін алдын ала келісудің бейресми арнасын қамтамасыз етеді, алайда мұндай қызметкерлердің құқықтық мәртебесі мен олар алған мәліметтердің заңдық маңызы заңмен айқындалмаған, соның салдарынан олардың жұмысының нәтижесі айналымға тек кейінгі ресми сұрау салу арқылы ғана енгізіледі. Орталық Азия өңірлік ақпараттық үйлестіру орталығына қатысты да осыған ұқсас жағдай қалыптасып отыр: орталықтың аналитикалық массивтері мен халықаралық бақыланатын жеткізілімдерді үйлестіру мүмкіндіктері бар, алайда оның материалдарын Қазақстан Республикасында жедел-

іздестіру қызметін жүзеге асыратын органдардың пайдалану тәртібі ведомстволық актілермен реттелмеген.

Заңнамалық реттеу мәселелерін қарауды ұсынамыз: заң техникасының кемшіліктері мен олқылықтар:

Қазақстан Республикасының 1994 жылғы 15 қыркүйектегі №154-XIII «Жедел-іздестіру қызметі туралы» Заңында өзара іс-қимыл туралы нормалардың арнайы блогы бар: 17-бап Қазақстан Республикасының жедел-іздестіру қызметін жүзеге асыратын органдарының өзара іс-қимылын, 18-бап - өзге мемлекеттердің органдарымен өзара іс-қимылды, 19-бап - халықаралық құқық қорғау ұйымдарымен өзара іс-қимылды реттейді. 1-баптың 8-тармағы бақыланатын жеткізілімді еркін өткізуге тыйым салынған не айналымы шектелген, сондай-ақ қылмыстық қол сұғушылықтың объектілері немесе құралдары болып табылатын заттарды, субстанцияларды және өнімдерді жеткізуге, сатып алуға, сатуға, орнын ауыстыруға бақылау орнату арқылы қылмыстық әрекеттің белгілері туралы ақпарат алу тәсілі ретінде айқындайды.

Халықаралық өзара іс-қимыл туралы нормалар мұндай өзара іс-қимылдың құқықтық негіздерін санамалау кезінде «немесе» талғаулықты жалғаулығын пайдалана отырып құрылған. Құқық қолдануда талғаулықты құрылым бірін-бірі жоққа шығаратын баламаларға нұсқау ретінде түсіндіріледі. Практикалық салдары мынадай: егер мәліметтер бір мезгілде Интерпол арналары арқылы және құқықтық көмек туралы сұрау салуды орындау тәртібімен алынса, қорғау тарапы бір негіз екіншісін жоққа шығарады, демек, материалдардың бір бөлігі белгіленген тәртіпті бұза отырып жиналған деп пайымдауға негіз алады. Мұндай уәж бойынша сот практикасы біркелкі емес, бұл өздігінен істің формальды себеппен тоқтатылу қаупін туғызады. «Немесе» жалғаулығын «және (немесе)» ыңғайластық-талғаулықты құрылымымен ауыстыру айқынсыздықты жояды: ол негіздерді баламалы түрде де, жиынтық түрде де пайдалануға тікелей жол береді, қызметкердің нақты жедел жағдайдағы жол берілетін әрекеттерінің ауқымын кеңейтеді және қорғау тарапының аталған уәжін нормативтік тірегінен айырады.

Бақыланатын жеткізілімнің анықтамасы мемлекеттік шекараға қатыссыз тұжырымдалған: ол бақыланатын заттың бірнеше мемлекеттің аумағы арқылы орнын ауыстыруына тікелей жол бермейді, шет мемлекеттің құзыретті органдарымен келісуге уәкілетті органды айқындамайды және Қазақстан Республикасынан тыс жерде алынған нәтижелерді тіркеу тәртібін белгілемейді. Бірлескен жедел-іздестіру топтары туралы норма жоқ, алайда оларды құрудың халықаралық-құқықтық негізі Палермо конвенциясының 19-бабымен берілген. Ақырында, Заң Интерполдың Ұлттық орталық бюросы арқылы келіп түскен мәліметтер дәлелдемелік маңызға ие болатын шарттарды айқындамайды. Нәтижесінде синтетикалық есірткі партиясының бірнеше мемлекеттің аумағы арқылы орнын ауыстыруы туралы ақпаратқа ие жедел қызметкер құқықтық айқынсыздық жағдайында әрекет етеді: заң

рәсімді сипаттамайды, ал конвенциялық норма жедел-іздестіру саласында тікелей қолданылмайды және нақтылауды талап етеді.

2026 жылы қазақстандық заң шығарушы іс жүзінде қабылдаған жазаны жай ғана қатаңдатудың тиімсіздігі туралы тезистің берік эмпирикалық негіздемесі бар. Д. Нэйгиннің қорытындысы іргелі маңызға ие, оған сәйкес жазаның бұлтартпастығының тежеу әсерінің дәлелдемелері оның қатаңдығы әсерінің дәлелдемелеріне қарағанда салыстыруға келмейтіндей тұрақты: пәрменді тежеу факторы - кейінгі құқықтық салдардың ауырлығы емес, ұсталу ықтималдығы [11]. Бұдан ұйымдастырушылардың анықталу ықтималдығы төмен күйінде қалған кезде есірткі өткізгені үшін бас бостандығынан айыру мерзімдерін ұлғайту ықтимал құқық бұзушының есебін өзгертпейтіні шығады.

А. Брага, Д. Вайсбурд және Б. Турчанның Campbell Collaboration шеңберінде орындалған және жиырма төрт квазиэксперименттік зерттеуді қамтитын жүйелі шолуы шоғырландырылған тежеу стратегияларының қылмыстылықты оған іргелес аумақтарға елеулі ығыстырусыз төмендетудің статистикалық маңызды қалыпты әсерін беретінін анықтады, бұл ретте ең үлкен әсер ұйымдасқан топтарға қарсы бағытталған бағдарламалар үшін тіркелген [12]. Н. Корсаро бірлескен авторлармен жүргізген Хай-Пойнт қаласындағы Drug Market Intervention бағдарламасын бағалау зорлық-зомбылық қылмыстылығының 14 пайызға төмендегенін көрсетті [13]. Қазақстан Республикасы үшін практикалық қорытынды ресурсты түпкі орындаушыларға емес, ұйымдасқан құрылымдарға шоғырландыруда: ұсталған закладчикті ауыстыруды ұйымдастырушы бірнеше күн ішінде жүзеге асырады және ол елеулі шығындарды талап етпейді, соның салдарынан жолы кесілген өткізу фактілері санының көрсеткіші жұмыстың қарқындылығын көрсетеді, бірақ оның нәтижелілігін емес.

Сингапур Республикасының тәжірибесі қатаң құқық қолдануды міндетті емдеумен ұштастыратын модель ретінде қызығушылық тудырады. Орталық есірткі бюросының қызметі өзара байланысты төрт бағытқа құрылады: превентивті білім беру, құқық қолдану, емдеу және оңалту, пенитенциарлықтан кейінгі сүйемелдеу, бұл ретте олардың ешқайсысы өзін-өзі толық қамтамасыз ететін бағыт ретінде қарастырылмайды. 1973 жылғы Есірткіні теріс пайдалану туралы заңның 34-бабы Орталық есірткі бюросының директорына адамды медициналық куәландыруға жіберу және қадағалау не емдеу және оңалту туралы бұйрық шығару құқығын береді; 2019 жылғы өзгерістерден кейін қадағалау мерзімі бес жылға дейін ұлғайтылды, оңалту орталығында болу мерзімі алты айдан үш жылға дейінді құрайды. Заңнаманың адам есірткі саудасын әлсіретуге елеулі жәрдем көрсеткен кезде жауаптылықты жеңілдетуді, яғни орындаушыдан ұйымдастырушыға қарай ілгерілеуге тікелей бағдарланған құралды көздейтіні маңызды. Бұл ретте Сингапур әкімшілік бақылау тығыздығы жоғары шағын юрисдикция болып табылады және шекарасының ұзындығы он үш мың километрден асатын мемлекеттің бұл

модельді тікелей алуы әдіснамалық тұрғыдан дұрыс емес; жекелеген элементтер - бірыңғай уәкілетті орган, тұтынушылар үшін бас бостандығынан айыруға балама ретінде міндетті емдеу және ұйымдастырушыларды әшкерелеуге жәрдемдескені үшін жауаптылықты институционалдандырылған жеңілдету алынуға жатады.

Әдебиетте режимнің сыны да, атап айтқанда, қадағалау аяқталғаннан кейін тестілеуден өту міндетінің мерзімсіз сақталуы атап өтіледі.

Португалия Республикасының тәжірибесі нысаны бойынша қарама-қарсы, бірақ мәні бойынша бір бағыттағы шешімнің нәтижелілігін көрсетеді. 2001 жылы есірткіні жеке қажеттілік үшін тұтыну мен сақтау декриминализацияланғаннан кейін 2021 жылға қарай артық дозадан болатын өлім-жітім миллион тұрғынға шаққанда 80-нен 6 жағдайға дейін төмендеді, инъекциялық тұтынушылар арасында жаңадан қойылған АИТВ диагноздарының саны 2001 жылғы 1 016-дан 2012 жылы 56-ға дейін қысқарды, ал түрмедегілер арасында есірткі қылмыстары үшін сотталғандардың үлесі 40-тан астамнан 15 пайызға дейін азайды. Өткізу мен трафиктің қылмыстық жазаланатын күйінде қалғаны түбегейлі маңызды: португалдық модель айналымға қарсы іс-қимылды әлсіреткен жоқ, ресурсты тұтынушыларды қудалаудан жеткізушілерді қудалауға қайта бөлді. Екі модельді салыстыру бірыңғай қорытындыға әкеледі: жедел бөліністердің ресурсы трансшекаралық ұйымдастырушы буынға шоғырлануға тиіс, өйткені дәл сол автоматты түрде қайта жаңғырмайды, демек, халықаралық өзара іс-қимылдың сапасы нәтижеліліктің қосалқы емес, айқындаушы факторы болып табылады. Доктринада халықаралық ынтымақтастықтың құқықтық негіздерін А.Г. Волеводз барынша дәйекті әзірледі [15], Интерпол қызметінің проблематикасын - К.С. Родионов пен В.С. Овчинский [16; 17], жедел-іздестіру қызметінің теориялық негіздерін - В.М. Атмажитов пен В.Г. Бобров [18], қазақстандық ғылымда дәлелдемелердің жарамдылығы мәселелерін М.Ч. Қоғамов әзірледі [19], есірткі қылмыстарын саралау проблемаларын - И.Ш. Борчашвили.

Біріккен Ұлттар Ұйымының Есірткі және қылмыс жөніндегі басқармасының 2025 жылғы 6 қарашада жария етілген деректері бойынша, Ауғанстанда опий өндірісі 32 пайызға қысқарып, 296 тоннаны құрады, ал өсіру алаңы 2022 жылғы 232 000 гектарға қарағанда 10 200 гектарға дейін азайды. Бұл фактіні Орталық Азия мемлекеттері үшін жағдайдың жақсаруы деп түсіндіруге болмайды: опиат өндірісінің қысқаруы сұранысты жойған жоқ, өсімдік тектес есірткілердің синтетикалық есірткілермен алмастырылуын туғызды, олардың өндірісі ауыл шаруашылығы цикліне байланысты емес және прекурсорлар болған кезде кез келген жерде орналасады. 2025 жылғы Есірткі туралы дүниежүзілік баяндама дәл осы ауысуды - даркнет пен криптовалюталық есеп айырысулардың рөлі артқан кездегі метамфетаминнің, нитазендер мен синтетикалық опиоидтердің өсуін тіркейді. Қазақстан Республикасы үшін бұл рөлдің өзгеруін білдіреді: негізінен транзиттік мемлекеттен ел аумағында өндіріс жүзеге асырылатын мемлекетке айналып отыр, бұл

2025 жылы 128 есірткі зертханасының жойылуымен және мефедрон прекурсорларының Қытай Халық Республикасынан Қазақстан Республикасының аумағы арқылы заңды тауарлар түрінде тапсырыс берілгені туралы деректермен расталады [20].

Прекурсорларды бақылау өз табиғаты бойынша шекарадан өткен сәтке дейін жөнелтуші мемлекетпен ақпараттық өзара іс-қимылды талап ететін кедендік-жедел міндет болып табылады. Қызыл хабарлама да, құқықтық көмек туралы сұрау салу да оған бейімделмеген: біріншісі адамға, екіншісі - жасалып қойған әрекетке бағдарланған. Нақты уақытқа жақын режимде жұмыс істейтін превентивті алмасу тетігі қажет; Ұлттық ведомствоаралық таргетинг-орталығының нәтижелері мұндай тәсілдің ұлттық деңгейдегі әлеуетін көрсетеді, ал міндет оны мемлекетаралық деңгейге көшіруде.

Қорытынды мен ұсыныстар

2023-2025 жылдары Қазақстан Республикасындағы қылмыстылықтың жалпы көрсеткіштерінің төмендеуі есірткі қылмыстылығының тұрақты өсуімен және оның цифрлық трансшекаралық нысанға ауысуымен қатар жүріп отыр, бұл жалпы көрсеткіштердің формальды жақсаруы кезінде қылмыстылықтың сапалық құрылымының нашарлауын білдіреді. 1956 жылғы Интерпол Жарғысына негізделген халықаралық-құқықтық құралдар жиынтығы адамдарды іздеуге бейімделген, бірақ трансшекаралық есірткі трафигін жедел сүйемелдеуге емес. Заңнамада заң техникасының кемшіліктері бар және ол трансшекаралық бақыланатын жеткізілімді, бірлескен жедел-іздестіру топтарын және Интерпол арналары арқылы алынған мәліметтерді заңдастыру тәртібін регламенттемейді. Баяндалғанның негізінде мыналар ұсынылады:

Қолданыстағы редакциясы Атқару комитетінің тек сандық және өкілдік құрамын ғана айқындайтын Халықаралық қылмыстық полиция ұйымы - Интерпол Жарғысының 15-бабын мынадай мазмұндағы ережемен толықтыру: «Атқару комитеті Делегаттар арасынан есірткі құралдарының, психотроптық заттардың және олардың прекурсорларының трансұлттық заңсыз айналымына қарсы іс-қимылды үйлестіруге жауапты мүшені айқындайды. Атқару комитетінің аталған мүшесі жыл сайын Бас Ассамблеяға осы бағыт бойынша мемлекетаралық жедел өзара іс-қимылдың жай-күйі туралы, оның ішінде Ұлттық орталық бюролардың сұрау салуларға ден қою мерзімдерін сақтауы туралы баяндама ұсынады». Дербес жауаптылық пен міндетті есептілікті енгізу қолданыстағы құрылымның басты кемшілігін - арнаның жеделдігіне жауап беретін субъектінің жоқтығын жояды.

Қазақстан Республикасының «Жедел-іздестіру қызметі туралы» Заңының 19-бабында халықаралық құқық қорғау ұйымдарымен өзара іс-қимылдың құқықтық негіздерін санамалау кезінде «немесе» талғаулықты жалғаулығын «және (немесе)» ыңғайластық-талғаулықты құрылымымен ауыстыру. Түзету нүктелік сипатта, бірақ елеулі практикалық маңызы бар:

ол өзара іс-қимылдың бірнеше негізін бір мезгілде пайдалануды заңдастырады, қызметкердің нақты жедел жағдайдағы жол берілетін әрекеттерінің ауқымын кеңейтеді және қорғау тарапын қазіргі уақытта біркелкі емес сот практикасы мен істердің формальды себептермен тоқтатылуының көзі болып отырған негіздердің бірін-бірі жоққа шығаратын сипаты туралы уәжінен айырады.

Аталған Заңның 19-бабын мынадай мазмұндағы тармақпен толықтыру: «Интерполдың Қазақстан Республикасындағы Ұлттық орталық бюросына шет мемлекеттердің құзыретті органдарынан және халықаралық құқық қорғау ұйымдарынан келіп түскен мәліметтер жедел-іздестіру іс-шараларын жүргізу үшін негіз ретінде пайдаланылады. Аталған мәліметтер Қазақстан Республикасының қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек көрсету туралы халықаралық шартында көзделген тәртіппен алынғаннан кейін не тиісті құжаттар жасала отырып, жедел-іздестіру жолымен тексерілгеннен кейін дәлелдемелік маңызға ие болады». Екі сатылы құрылымды бекіту Интерпол материалдарының құқықтық мәртебесінің айқынсыздығын жояды.

Аталған Заңды шет мемлекеттердің құзыретті органдары өкілдерінің қатысуымен оларды құрудың негіздері мен тәртібін, қатысушылар арасында өкілеттіктерді бөлуді, алынған нәтижелерді пайдалану тәртібін, топтың қызмет ету мерзімін және оны ұзарту тәртібін көздей отырып, «Бірлескен жедел-іздестіру топтары» деген 19-1-баппен толықтыру. Нормативтік негіз ретінде Біріккен Ұлттар Ұйымының 2000 жылғы Трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы конвенциясының 19-бабы болады; регламенттеу моделі ретінде Еуропалық одақ мемлекеттерінің бірлескен тергеу топтары практикасын пайдалану орынды.

Баяндалған ұсыныстарды іске асыру жедел-іздестіру қызметі саласындағы халықаралық ынтымақтастықты құқықтық реттеуді қазіргі есірткі трафигінің нақты сипатына сәйкес келтіруге және құқық қорғау ықпалының екпінін түпкі орындаушылардан трансұлттық жеткізу арналарын ұйымдастырушыларға ауыстыруға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1 Қазақстан Республикасының Президенті Қ.-Ж. Тоқаевтың Қазақстан Республикасы ІІМ алқасының кеңейтілген отырысында сөйлеген сөзі, 2025 жылғы 23 маусым. - URL: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kasym-zhomarta-tokaeva-na-zasedanii-rasshirennoy-kollegii-pravoohranitelnyh-organov-235114? ysclid=mt16muo2e5993448120 (қаралған күні: 10.02.2026).

2 2026-2028 жылдарға арналған нашақорлыққа және есірткі бизнесіне қарсы күрес жөніндегі кешенді жоспарды бекіту туралы: Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2025 жылғы 19 желтоқсандағы қаулысы. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/ P2500001117 (қаралған күні: 10.02.2026).

3 Саденов Е. Есірткі бизнесіне Қазақстанда орын жоқ. 2025 жылғы 14 қазан. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/ 1085945?lang=ru&ysclid=mt16bsyao3339686548 (қаралған күні: 10.02.2026).

4 2024 жылғы тіркелген қылмыстық құқық бұзушылықтар және қылмыстық қудалау органдары қызметінің нәтижелері туралы есеп: №1-М нысан / Қазақстан Республикасы Бас

прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитеті. - Астана, 2025.
5 2025 жылғы қаңтар-сәуірдегі Қазақстан Республикасындағы қылмыстылықтың жай-күйі туралы мәліметтер / Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитеті. - Астана, 2025.
6 Нашақорлықтың алдын алу және интернеттегі есірткі насихатына қарсы іс-қимыл мәселелері қаралды. 30.06.2026 - URL: https://www. enbekshiqazaq.kz/ru/news/398323-rassmotreny-voprosy-profilaktiki-narkomanii-i-protivodeystviya-propagande.html?ysclid=mt16gfggh6855787029 (қаралған күні: 30.06.2026).
7 Халықаралық қылмыстық полиция ұйымы - Интерпол Жарғысы (1956 ж. қабылданған, 1986 жылғы 1 қаңтардағы жағдай бойынша өзгерістерімен). - Лион, 1986.
8 Шетелде жасырынып жүр: Қазақстан қашқын қылмыскерлерді қалай қайтарады // Казинформ. - 2025. - 9 шілде.
9 Commission for the Control of INTERPOL's Files: Annual Report 2024. - Lyon: INTERPOL, 2025. - 48 p.
10 The United Nations Convention against Cybercrime opens for signature in Hanoi // United Nations Office of Legal Affairs. - 2025. - 26 October.
11 ҰҚШҰ Бас хатшысы **И. Тасмағамбетовтің** Ұжымдық қауіпсіздік кеңесі сессиясының қорытындысы бойынша баспасөз конференциясы, Бішкек, 2025 жылғы 28 қараша.
12 **Braga A.A., Weisburd D., Turchan B.** Focused Deterrence Strategies Effects on Crime: A Systematic Review // Campbell Systematic Reviews. - 2019. - Vol. 15, №3. - P. 1-65.
13 **Ganapathy N.** Drug Policy and Rehabilitation in Singapore: Between Punishment and Treatment // Asian Journal of Criminology. - 2023. - Vol. 18, №2. - P. 145-163.
14 Portugal: Country Drug Report. - Lisbon: EMCDDA, 2022. - 32 p.
15 **Волеводз А.Г.** Қылмыстық процесс саласындағы халықаралық ынтымақтастықтың жаңа бағыттарының құқықтық негіздері: заң ғыл. д-ры ... дис.: 12.00.09. - М., 2002. - 426 б.
16 **Родионов К.С.** Интерпол: аңыз және шындық. - М.: Международные отношения, 1986. - 172 б.
17 **Овчинский В.С.** Интерпол сұрақтар мен жауаптарда. - М.: ИНФРА-М, 2011. - 320 б.
18 **Атмажитов В.М., Бобров В.Г.** Жедел-іздестіру қызметін заңнамалық реттеу туралы: ғылыми баяндама. - М.: **И.И. Шумилова** баспа үйі, 2003. - 24 б.
19 **Қоғамов М.Ч.** Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексіне түсіндірме. - Алматы: Жеті жарғы, 2018. - 1088 б.
20 Мефедрон прекурсорларын Орталық Азия аумағы арқылы жеткізу туралы тергеп-тексеру // BBC News. - 2025. - Қыркүйек.

Автор туралы мәлімет

Мурат Максутович Галиханов — Қостанай облысы полиция департаменті Қостанай аудандық полиция бөлімінің бастығы, философия докторы (PhD), полиция полковнигі.

Галиханов Мурат Максутович — Начальник отдела полиции Костанайского района Департамента полиции Костанайской области, доктор философии (PhD), полковник полиции.

Galikhanov Murat — Head of the Police Department of Kostanay District, Police Department of Kostanay Region, Doctor of Philosophy (PhD), Police Colonel.

Құқық қорғау органдарында кәсіби даму

Профессиональное развитие в правоохранительных органах

Professional development in law enforcement

УДК 34.04:004.8., МРНТИ 10.19.65; 28.23.01

ОСПАНОВ А.Е.
Управляющий директор по цифровизации,
член Правления АО «Самрук- Қазына»
г.Астана, Казахстан

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВОГО СОТРУДНИКА (AI EMPLOYEE): ПРОБЛЕМЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье исследуется правовой статус «цифрового сотрудника» (AI Employee) как системы искусственного интеллекта, интегрированной в корпоративные бизнес-процессы и выполняющей отдельные функции работников. Обосновывается отсутствие у такой системы самостоятельной трудовой и иной юридической правосубъектности, собственной воли и способности нести юридическую ответственность. Анализируются основания распределения ответственности между собственником, владельцем, пользователем, разработчиком, поставщиком, руководителем бизнес-процесса и лицом, осуществляющим человеческий контроль. Предлагается модель ответственной автономности, предусматривающая корпоративный реестр AI-систем, паспорт цифрового сотрудника, матрицу ответственности, разграничение полномочий, журналирование операций, управление изменениями и процедуру расследования AI-инцидентов. Особое внимание уделяется юридически значимым решениям и кадровым процессам.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; цифровой сотрудник; AI Employee; цифровизация; юридическая ответственность; персональная ответственность; корпоративное управление; человеческий контроль; алгоритмическое решение; управление рисками.*

Цифрлық қызметкердің (AI EMPLOYEE) құқықтық мәртебесі: дербес жауапкершілік проблемалары

Мақалада корпоративтік бизнес-процестерге енгізілген және қызметкерлердің жекелеген функцияларын орындайтын жасанды интеллект жүйесі ретіндегі «цифрлық қызметкердің» (AI Employee) құқықтық мәртебесі зерттеледі. Мұндай жүйенің дербес еңбек және өзге де құқық субъектілігінің, өз еркінің және заңдық жауапкершілік

көтеру қабілетінің жоқтығы негізделеді. Жауапкершілікті жүйенің меншік иесі, иеленушісі, пайдаланушысы, әзірлеушісі, жеткізушісі, бизнес-процесс басшысы және адам тарапынан бақылауды жүзеге асыратын тұлға арасында бөлу негіздері талданады. Корпоративтік AI-жүйелер тізілімін, цифрлық қызметкер паспортын, жауапкершілік матрицасын, өкілеттіктерді шектеуді, операцияларды журналдауды, өзгерістерді басқаруды және AI-инциденттерді тергеп-тексеру рәсімін қамтитын жауапты автономия моделі ұсынылады. Заңдық маңызы бар шешімдер мен кадрлық процестерге ерекше назар аударылады.

Кілтті сөздер: *жасанды интеллект; цифрлық қызметкер; AI Employee; цифрландыру; заңдық жауапкершілік; дербес жауапкершілік; корпоративтік басқару; адам тарапынан бақылау; алгоритмдік шешім; тәуекелдерді басқару.*

Legal status of the digital employee (AI EMPLOYEE): issues of personal liability

The article examines the legal status of a «digital employee» (AI Employee) as an artificial intelligence system integrated into corporate processes and performing functions traditionally assigned to human employees. It substantiates that such a system lacks independent legal personality, autonomous legal will, and capacity to bear legal liability. The study analyses responsibility among the owner, operator, user, developer, supplier, business-process manager, and the person exercising human oversight. A responsible-autonomy model is proposed, including an AI-system registry, digital employee passport, responsibility matrix, access limits, operation logging, change management, and AI-incident investigation procedures. Particular attention is paid to legally significant decisions.

Keywords: *artificial intelligence; digital employee; AI Employee; digitalization; legal liability; personal liability; corporate governance; human oversight; algorithmic decision; risk management.*

Введение

Искусственный интеллект (далее - ИИ) постепенно переходит из категории экспериментальных технологий в состав постоянной корпоративной инфраструктуры. Современные AI-системы уже не ограничиваются поиском информации или подготовкой отдельных текстов. Они могут самостоятельно обрабатывать обращения, формировать проекты документов, проводить первичный анализ договоров, распределять задачи, выявлять отклонения в производственных процессах, оценивать риски и инициировать предусмотренные бизнес-процессом действия.

В корпоративной практике такие решения все чаще обозначаются термином **«AI Employee»** или **«цифровой сотрудник».** Данное понятие

подчеркивает, что система ИИ не просто используется как пассивный программный инструмент, а включается в рабочие процессы, получает определенную функциональную роль, доступ к корпоративным данным и возможность взаимодействовать с другими информационными системами.

Для группы компаний АО «Самрук-Қазына» эта проблематика имеет прикладное значение. В портфельных компаниях Фонда реализуются десятки проектов с применением ИИ. По официальной информации, в 2026 году в группе осуществлялись 62 **AI**-проекта, а ожидаемый совокупный экономический эффект от их внедрения до 2030 года оценивался в 711 млрд тенге. Одновременно формируется корпоративная экосистема SKAI, включающая AI-ассистентов по семи направлениям, в том числе в сфере управления рисками, закупок, финансов и HR. Система функционирует в закрытом контуре на базе суперкомпьютера AI FARABIUM [1].

Постановка проблемы

По мере расширения функциональной автономности AI-систем возникает принципиальный вопрос: кто должен отвечать за ошибочное или противоправное решение цифрового сотрудника? Ответ на него определяет не только пределы юридической ответственности, но и архитектуру корпоративного управления, порядок допуска AI-систем к данным, сделкам и производственным процессам.

Основная часть

Понятие «цифровой сотрудник» целесообразно рассматривать как условное обозначение системы искусственного интеллекта, которая интегрирована в бизнес-процессы организации; имеет закрепленный перечень функций; использует корпоративные данные и информационные системы; выполняет задачи с определенной степенью автономности; формирует результат, предназначенный для внутреннего или внешнего использования; может инициировать действия в пределах предоставленных ей полномочий.

При этом, следует разграничивать три уровня применения искусственного интеллекта.

На первом уровне **AI** выступает информационным помощником. Он ищет сведения, обобщает материалы, формирует проект документа или предлагает варианты решения. Окончательное действие совершает человек.

На втором уровне **AI** действует как функциональный агент. Система самостоятельно выполняет заранее определенные операции: классифицирует обращения, заполняет формы, направляет уведомления, проверяет документы по формальным критериям или инициирует согласование.

На третьем уровне возникает частично автономный «цифровой сотрудник», которому предоставляется возможность совершать действия без предварительного подтверждения каждой операции человеком.

Например, система может изменять режим работы оборудования, перераспределять ресурсы, блокировать отдельные операции либо взаимодействовать с контрагентами в пределах установленных лимитов.

Чем выше уровень автономности, тем значительнее риск того, что результат работы **AI-системы** повлечет юридические, финансовые, производственные или социальные последствия.

Вместе с тем, сходство функционала цифрового и обычного сотрудника не означает тождества их правового положения. Термин AI Employee является удобной корпоративной метафорой, но сам по себе не создает нового субъекта права.

Согласно Трудовому кодексу Республики Казахстан, работником является физическое лицо, состоящее в трудовых отношениях с работодателем и непосредственно выполняющее работу по трудовому договору [2].

Из этого определения следуют обязательные признаки работника, такие как наличие статуса физического лица; способность лично вступать в трудовые отношения; заключение трудового договора; осуществление трудовой функции; наличие трудовых прав и обязанностей; возможность нести дисциплинарную и материальную ответственность.

Система ИИ данным признакам не соответствует. Она не обладает физической личностью, не выражает юридически значимую волю, не может подписать трудовой договор, получать заработную плату, пользоваться правом на отдых, требовать безопасных условий труда или быть привлеченной к дисциплинарной ответственности.

Более того, Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» определяет систему искусственного интеллекта как объект информатизации, функционирующий на основе одной или нескольких моделей искусственного интеллекта. Следовательно, в действующей законодательной конструкции **AI-система** рассматривается именно как объект, а не субъект правоотношений [3].

Таким образом, «цифровой сотрудник» не является работником в юридическом смысле. Он представляет собой технологический инструмент организации, которому посредством программных и организационных решений делегировано выполнение отдельных функций.

Возможность делегирования функции не означает делегирования правосубъектности. Организация может поручить AI-системе подготовку проекта договора, но система не становится юристом. Она может проводить первичный отбор кандидатов, но не приобретает статус HR-специалиста. Она может оценивать финансовые риски, но не становится должностным лицом, принимающим управленческое решение.

Проблема персональной ответственности применительно к **«AI Employee»** может рассматриваться в двух значениях.

В первом значении ставится вопрос о возможности привлечения самой **AI-системы** к юридической ответственности.

Во втором - об определении конкретного физического лица, которое отвечает за действия или результаты «цифрового сотрудника».

Первый подход в настоящее время не имеет достаточных юридических оснований. Связано это с тем, что большинство видов юридической ответственности связано с установлением психического отношения лица к своему поведению и его последствиям. Необходимо определить, действовало ли лицо умышленно или по неосторожности, осознавало ли противоправность поведения, предвидело ли последствия и могло ли их предотвратить.

AI-система может сформировать ошибочный или опасный результат, однако она не обладает сознанием и собственной юридически значимой волей. Ее «решение» является результатом работы алгоритмов, используемых данных, заданных параметров, системных инструкций и технической архитектуры. Даже высокая степень автономности не означает появления вины в уголовно-правовом или административно-правовом смысле.

Юридическая ответственность предполагает возможность применения неблагоприятных последствий. С **AI-системы** невозможно взыскать убытки, поскольку она не обладает собственным имуществом, банковским счетом или самостоятельным источником дохода.

Создание условного компенсационного фонда, связанного с определенной **AI-системой,** означало бы не ответственность искусственного интеллекта, а специальную форму страхования или обеспечения ответственности его собственника либо владельца.

Дисциплинарное взыскание, административный штраф, лишение права занимать должность или уголовное наказание предполагают воздействие на субъекта, способного осознавать их содержание. Отключение, ограничение функционала либо удаление **AI-системы** являются мерами технического управления рисками, но не юридическим наказанием «цифрового сотрудника».

Уголовный кодекс Республики Казахстан прямо устанавливает, что уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее предусмотренного законом возраста. ИИ указанным требованиям не соответствует [4].

Признание **AI-системы** самостоятельным субъектом ответственности способно привести к противоположному результату, а именно освобождению от ответственности людей и организаций, которые разработали, приобрели, настроили, внедрили или использовали данную систему. В случае причинения ущерба всегда можно было бы заявить, что решение принято «цифровым сотрудником», действия которого не могли быть полностью предсказаны.

Такая конструкция создает перекос - экономическую выгоду от использования **AI** получает организация, а негативные последствия формально возлагаются на программную систему, не имеющую имущества и правосубъектности.

Поэтому предоставление ИИ самостоятельной юридической личности на современном этапе представляется не только преждевременным, но и потенциально опасным.

Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» закрепляет принцип ответственности и подконтрольности. Собственник, владелец и пользователь обязаны обеспечивать постоянный контроль над системой ИИ в объеме и порядке, зависящих от уровня риска и характера ее применения. Данная норма отражает ключевой подход, заключающийся в том, что автономность системы не устраняет человеческую и организационную ответственность [3].

Для целей корпоративного управления следует разграничивать несколько субъектов:

- собственником AI-системы может выступать организация, которой принадлежат имущественные права на соответствующий программный продукт или корпоративную AI-платформу. Собственник отвечает за определение назначения системы, формирование общих требований к ее безопасности и установление допустимых сфер применения. Если организация самостоятельно разработала «AI Employee» и использует его в собственной деятельности, она фактически совмещает функции собственника, владельца и пользователя.

- владелец обеспечивает эксплуатацию системы, ее техническое сопровождение, настройку, обновление, управление доступом и интеграцию с другими информационными ресурсами. В корпоративной структуре данную роль может выполнять IT-подразделение, центр цифровой трансформации либо специализированная дочерняя организация. Ответственность владельца должна наступать, в частности, при ненадлежащем обеспечении информационной безопасности, несвоевременном устранении выявленной уязвимости, неправильной настройке полномочий или отсутствии обязательного журналирования операций.

- пользователем является лицо, применяющее **AI-систему** для выполнения определенных задач. Законодательство об ИИ непосредственно связывает с пользователем обязанность соблюдать установленные требования и обеспечивать надлежащий контроль. Пользователем может быть как организация, внедрившая систему в бизнес-процесс, так и конкретный работник, взаимодействующий с ней в рамках своих должностных обязанностей. Однако нельзя автоматически возлагать всю ответственность на рядового пользователя. Работник может не обладать информацией о внутренних ограничениях модели, качестве обучающих данных или допущенных разработчиком дефектах [3].

- разработчик отвечает за архитектуру системы, программный код, обучение и тестирование модели, описание ограничений, качество технической документации и устранение дефектов. Поставщик должен раскрыть заказчику назначение системы, допустимые сценарии

использования, известные ограничения и требования к человеческому контролю. Если поставщик позиционирует систему как пригодную для автономного принятия определенных решений, но фактически она не обеспечивает заявленный уровень точности или безопасности, вопрос ответственности должен разрешаться на основании договора и норм гражданского законодательства.

Для корпоративной практики принципиальное значение имеет ответственность руководителя бизнес-процесса, в который внедряется «цифровой сотрудник».

IT-подразделение может обеспечить техническую работоспособность **AI-системы**, но оно не всегда способно оценить юридические, финансовые или производственные последствия конкретного решения.

Например, руководитель HR-функции должен определить, вправе ли **AI** самостоятельно отклонять кандидатуру. Финансовый директор - установить лимиты операций, которые могут осуществляться без дополнительного согласования. Руководитель производственного подразделения - определить условия, при которых система может изменять параметры оборудования. Следовательно, ответственность за «цифрового сотрудника» не должна полностью концентрироваться в IT-блоке. Она распределяется между технологической функцией и владельцем соответствующего бизнес-процесса.

В соответствии с гражданским правом основным субъектом отношений с контрагентами и потребителями остается организация, использующая AI-систему. Если «цифровой сотрудник» направил контрагенту ошибочную информацию, нарушил условия договора, неправильно рассчитал платеж или причинил иной имущественный вред, потерпевшая сторона не должна доказывать внутреннее распределение функций между алгоритмом, разработчиком и сотрудниками организации. С точки зрения внешнего правоотношения действия AI-системы должны рассматриваться как часть деятельности юридического лица, которое внедрило ее в собственный бизнес-процесс.

Гражданский кодекс Республики Казахстан предусматривает обязанность юридического лица или гражданина возмещать вред, причиненный его работником при исполнении трудовых, служебных или должностных обязанностей. Хотя **«AI Employee»** не является работником, общий принцип организационной ответственности может применяться по аналогичной логике: субъект, получающий выгоды от функционирования системы и контролирующий ее применение, не должен перекладывать риск на потерпевшего.

После возмещения ущерба организация вправе решать вопрос о предъявлении требований к разработчику, поставщику или иному лицу, допустившему нарушение. Такое распределение должно осуществляться во внутренних или договорных отношениях и не ухудшать положение потерпевшего [5].

На практике необходимо заранее закреплять требования к качеству и безопасности **AI-системы;** показатели точности и допустимого уровня ошибок; порядок обновления модели; ответственность за дефекты программного обеспечения; правила использования данных; сроки уведомления об инцидентах; обязанность содействовать расследованию; пределы возмещения убытков; порядок страхования технологических рисков.

Персональная ответственность физического лица должна устанавливаться с учетом его реальных полномочий, профессиональных знаний и фактической возможности повлиять на результат.

Для привлечения человека к ответственности необходимо выяснить:

1. Было ли на него официально возложено осуществление контроля?
2. Имел ли он доступ к информации о возможностях и ограничениях AI-системы?
3. Прошел ли он необходимое обучение?
4. Обладал ли он полномочиями остановить или изменить решение?
5. Были ли установлены понятные критерии обязательного вмешательства?
6. Имелись ли признаки ошибки, которые разумно могли быть обнаружены?
7. Не создала ли сама организация условия, при которых человеческий контроль был формальным?

Работник не должен становиться «страхующим субъектом», который формально подтверждает десятки тысяч автоматически сформированных решений, не имея времени и технических средств для их содержательной проверки.

Человеческий контроль имеет юридическое значение только тогда, когда контролирующее лицо обладает необходимой компетенцией, достаточной информацией, временем и реальным правом остановить работу системы.

Одним из ключевых рисков является так называемое автоматизационное смещение — склонность человека доверять результату компьютерной системы только потому, что он сформирован технологическим инструментом.

При длительном использовании **«AI Employee»** работники могут перестать критически анализировать его выводы. Решение будет утверждаться человеком формально, хотя фактически приниматься алгоритмом. В результате возникает парадокс: организация заявляет о наличии human-in-the-loop, однако человеческое участие не обеспечивает реального контроля.

Европейский подход рассматривает системы искусственного интеллекта, используемые для найма, оценки работников, распределения заданий, продвижения и прекращения трудовых отношений, как системы высокого риска. Европейский стандарт требует,

чтобы высокорисковые системы могли эффективно контролироваться физическими лицами, обладающими необходимой компетенцией, подготовкой и полномочиями. Отдельно подчеркивается необходимость учитывать риск чрезмерного доверия к автоматически сформированному результату [6].

Данный подход представляет интерес и для Казахстана. Человеческий контроль должен оцениваться не по факту наличия электронной кнопки «подтвердить», а по качеству и содержательности проверки.

Особую осторожность необходимо проявлять при применении **«AI Employee»** в кадровой сфере. ИИ может использоваться для анализа резюме; первичного ранжирования кандидатов; подготовки вопросов для интервью; оценки результатов тестирования; формирования индивидуального плана обучения; анализа производительности; прогнозирования кадровых рисков; распределения задач.

Однако полностью автоматизированное принятие решений о найме, продвижении, премировании или увольнении создает риск дискриминации и нарушения трудовых прав.

Ошибка может быть обусловлена несбалансированностью данных, использованием косвенных дискриминационных признаков, неправильной постановкой задачи или историческими решениями, на которых обучалась модель.

Международная организация труда указывает, что алгоритмическое управление способно изменять такие элементы трудовых отношений, как контроль, распределение заданий, оценка производительности и автономность работника. Поэтому внедрение **AI** в управление персоналом требует прозрачных правил и сохранения человеческого участия [7].

В кадровых процессах **AI** должен, как правило, выполнять вспомогательную функцию. Окончательное решение, затрагивающее права работника или кандидата, должно приниматься уполномоченным физическим лицом.

Лицу, в отношении которого принято неблагоприятное решение, необходимо предоставить возможность: получить понятное объяснение основных факторов решения; сообщить о некорректных данных; потребовать пересмотра результата человеком; обжаловать принятое решение; получить информацию об использовании искусственного интеллекта.

Использование **«AI Employee»** может быть связано не только с ошибкой, но и с совершением уголовного правонарушения.

Например, ИИ может применяться для создания поддельных документов, манипулирования финансовой отчетностью, неправомерного доступа к данным, обхода контрольных процедур или сокрытия противоправных операций.

В таких случаях **AI-система** выступает способом или средством совершения деяния. Ответственность должна устанавливаться в отношении физического лица, которое поставило противоправную задачу; сознательно настроило систему на совершение незаконных действий; предоставило необходимые данные и доступы; использовало полученный результат; умышленно проигнорировало очевидные нарушения; не исполнило специальную обязанность по контролю, если это образует состав уголовного правонарушения.

Сам факт использования ИИ не освобождает человека от ответственности. В то же время уголовная ответственность не может основываться только на должности или формальном статусе ответственного за систему. Необходимо установить конкретное деяние, форму вины, причинную связь и возможность предотвращения последствий.

Если результат **AI-системы** объективно не мог быть предвиден конкретным работником, а организация не обеспечила необходимую документацию, тестирование или технические средства контроля, возложение персональной уголовной ответственности на такого работника было бы необоснованным.

Для крупных холдингов наиболее эффективной представляется модель ответственной автономности. Она допускает использование «AI Employee», но связывает каждый уровень автономности с конкретным субъектом контроля.

Первым элементом такой модели должен стать корпоративный реестр цифровых сотрудников. В нем необходимо отражать назначение каждой системы, ее собственника, владельца, пользователей, разработчика, используемые данные, интеграции, уровень риска и ответственных лиц.

Вторым элементом является паспорт **«AI Employee»,** включающий наименование и версию системы; описание выполняемых функций; перечень разрешенных действий; перечень прямо запрещенных действий; источники используемых данных; уровень функциональной автономности; допустимый уровень ошибки; последствия возможного сбоя; порядок человеческого контроля; условия обязательной остановки; сведения о владельце бизнес-процесса; данные технического владельца; порядок рассмотрения инцидентов.

Третьим элементом должна стать матрица ответственности. Для каждого бизнес-процесса следует определить кто утверждает применение **AI;** кто отвечает за качество данных; кто обеспечивает техническую эксплуатацию; кто контролирует результаты; кто принимает окончательное решение; кто расследует инциденты; кто уведомляет заинтересованных лиц; кто отвечает за возмещение ущерба.

Четвертым элементом является разграничение полномочий. Цифровой сотрудник не должен иметь неограниченный доступ к

корпоративным ресурсам. Его права должны соответствовать принципу минимально необходимого доступа.

Пятым элементом выступает полное журналирование. Организация должна иметь возможность установить какие данные были переданы системе; какая версия модели использовалась; какие инструкции были заданы; какой результат сформирован; кто подтвердил решение; какие действия совершены автоматически; были ли внесены последующие изменения.

Шестой элемент управление изменениями. Обновление модели, изменение системного промпта, подключение нового источника данных или расширение функционала должны рассматриваться как изменение конфигурации цифрового сотрудника и проходить повторную оценку рисков.

Седьмым элементом должна стать процедура расследования AI-инцидентов. Ее целью является не только поиск виновного, но и установление первопричины: дефекта модели, ошибки данных, неправильной интеграции, ненадлежащей постановки задачи, недостаточного контроля или злоупотребления пользователя.

Представляется целесообразным нормативно закрепить, что цифровой сотрудник является системой ИИ, интегрированной в организационные процессы юридического лица и выполняющей от его имени отдельные информационные, аналитические, технические или операционные функции в пределах установленных полномочий, но не обладает самостоятельной правосубъектностью. Такое определение позволит легализовать используемый в деловой практике термин, не превращая **AI** в искусственное физическое или юридическое лицо.

Одновременно необходимо закрепить следующие положения.

- использование цифрового сотрудника не освобождает юридическое лицо от ответственности перед третьими лицами;

- юридически значимое действие **«AI Employee»** должно считаться действием организации, если система функционировала в пределах предоставленных ей полномочий;

- при превышении системой технически установленных полномочий необходимо определять, было ли превышение вызвано дефектом разработки, неправильной настройкой, кибератакой или ненадлежащим контролем;

- персональная ответственность работника или должностного лица должна наступать только при наличии закрепленной обязанности, реальных полномочий по контролю, вины и причинной связи;

- для высокорисковых процессов необходимо предусмотреть обязательный человеческий контроль, возможность немедленной остановки системы и право заинтересованного лица на пересмотр решения человеком;

- организация должна сохранять цифровые следы, достаточные для восстановления обстоятельств принятия решения;

- договоры с разработчиками и поставщиками должны обеспечивать доступ к информации, необходимой для аудита, расследования инцидентов и защиты прав пользователей.

Заключение

Появление цифровых сотрудников является закономерным этапом корпоративной цифровизации. **«AI Employee»** способен существенно повысить скорость обработки информации, сократить операционные издержки, улучшить качество аналитики и освободить работников от значительного объема повторяющихся операций.

Однако функциональное сходство с человеком не превращает ИИ в работника или самостоятельного субъекта юридической ответственности.

Цифровой сотрудник не имеет собственной юридически значимой воли, имущества, трудовых прав и обязанностей. Он не может быть привлечен к дисциплинарной, гражданской, административной или уголовной ответственности. Поэтому центральным вопросом становится не ответственность ИИ, а ответственность людей и организаций за ИИ.

Такая ответственность должна распределяться между собственником, владельцем, разработчиком, поставщиком, пользователем, руководителем бизнес-процесса и лицом, осуществляющим человеческий контроль. При этом она не может быть абстрактной или исключительно коллективной. За каждой системой, функцией и юридически значимым решением должен быть закреплен конкретный ответственный субъект.

Оптимальным является подход, при котором цифровой сотрудник получает функциональную идентичность, перечень полномочий, корпоративный паспорт и место в организационной структуре, но не приобретает самостоятельной правосубъектности.

Ключевой принцип будущего регулирования может быть сформулирован следующим образом «чем выше автономность ИИ и значительнее последствия его решений, тем строже должны быть требования к человеческому контролю, прозрачности и персонализации ответственности».

Список использованной литературы

1. АО «Самрук-Қазына». Рост эффективности и снижение затрат: «Самрук-Қазына» усиливает применение ИИ [Электронный ресурс]. URL: https://sk.kz/press-center/news/78918/?lang=ru
2. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414
3. Об искусственном интеллекте: Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

5. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_
6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence [Electronic resource] // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng
7. International Labour Organization. The Algorithmic Management of Work [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-07/wp144_web.pdf

Сведения об авторах

Оспанов Абылайхан Есенович — *Управляющий директор по цифровизации, член Правления АО «Самрук- Қазына» Астана, Республика Казахстан.*

Оспанов Абылайхан Есенұлы *— Цифрландыру жөніндегі басқарушы директор, «Самұрық-Қазына» АҚ Басқарма мүшесі, Астана қ., Қазақстан Республикасы.*

Ablaykhan Ospanov — *Managing Director for Digitalization, Member of the Management Board, Samruk-Kazyna JSC, Astana, Republic of Kazakhstan.*

*УДК 355.4., **МРНТИ** 78.19.01*

БЕКТУРСУНОВ Н.К.
Академия управления МВД Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ АРМИИ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения законности и соблюдения норм международного гуманитарного права при проведении специальных операции. Целью настоящего исследования является изучение правовых аспектов применения специальных подразделений. Научная новизна исследования заключается в изучении применения международного права к специальным операциям. Результаты исследования позволяют сделать выводы и рекомендации как для войск в целом, так и для специальных подразделений, что способствует повышению эффективности подготовки войск в современных условиях.

Ключевые слова: *спецоперация, международное гуманитарное право, критически важные объекты, сопутствующий ущерб, принцип соразмерности.*

Шетел армиялары мысалында арнайы операцияларды жүргізудің құқықтық аспектілері

Зерттеудің өзектілігі арнайы операцияларды жүргізу кезінде заңдылықты қамтамасыз ету және халықаралық гуманитарлық құқық нормаларын сақтау қажеттілігімен айқындалады. Осы зерттеудің мақсаты арнайы бөлімшелерді қолданудың құқықтық аспектілерін зерделеу болып табылады. Зерттеудің ғылыми жаңалығы халықаралық құқықтың арнайы операцияларға қолданылуын зерттеуде болып табылады. Зерттеу нәтижелері жалпы әскерлер үшін де, арнайы бөлімшелер үшін де қорытындылар мен ұсынымдар жасауға мүмкіндік береді, бұл қазіргі заманғы жағдайларда әскерлерді даярлау тиімділігін арттыруға ықпал етеді.

Кілтті сөздер: *арнайы операция, халықаралық гуманитарлық құқық, аса маңызды объектілер, жанама залал, сәйкестік қағидаты*

Legal aspects of conducting special operations on the example of foreign armies

The relevance of the study is обусловлена the need to ensure legality and compliance with the norms of international humanitarian law during the conduct of special operations.

The purpose of this study is to examine the legal aspects of the employment of special units.

The scientific novelty of the study lies in examining the application of international law to special operations.

The results of the study make it possible to draw conclusions and develop recommendations both for the troops as a whole and for special units, which contributes to improving the effectiveness of troop training under modern conditions.

Keywords: *special operation, international humanitarian law, critical infrastructure, collateral damage, principle of proportionality.*

Введение

В данной статье рассматриваются и оцениваются несколько уникальных проблем, связанных с правовой поддержкой специальных операций. Описываются существенные различия между тактикой, методами и процедурами специальных операций и обычными военными операциями на примере иностранных армий.

Силы специальных операций (ССО) выполняют разнообразные задачи в самых разных условиях боевых действий. Например, в условиях вооруженного конфликте между США и Венесуэлой силы специальных операций (ССО) сторон собирали разведывательную информацию, атаковали критически важные цели. В секторе Газа, на Западном берегу и в Ливане израильские подразделения специального назначения атакуют лидеров ХАМАС и Хезболлы и принимали попытки освобождения заложников [1]. А в конфликте 2023 года вокруг Нагорно-Карабахского региона азербайджанские силы развернули четыре наземных подразделения ССО и специальное подразделение морской пехоты «вглубь тыла противника для нанесения ударов и уничтожения [армянских] сетей управления и контроля, критически важной инфраструктуры и систем противовоздушной обороны» [2].

Другие вооруженные силы, особенно члены НАТО, в значительной степени полагаются на ССО для достижения тактических, оперативных и стратегических результатов во время вооруженного конфликта. В частности, ССО осуществляют разведывательную деятельность, наблюдение и рекогносцировку (ISR), наводят высокоточные авиаудары с пилотируемых и беспилотных платформ, обеспечивают выполнение резолюций Совета Безопасности ООН, координируют кампании по

влиянию в интернете, а также оказывают поддержку партнерам и прокси-силам.

Силы специальных операций (ССО) занимают особое место в вооруженных силах США. Сегодня, по имеющимся данным, ССО США действуют более чем в 140 странах и их ежегодные расходы составляют почти 13 миллиардов долларов. Они являются «основным инструментом» Соединенных Штатов для борьбы с транснациональными террористическими группами, такими как «Аль-Каида» и «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) на Ближнем Востоке, в Африке и Центральной Азии. В результате численность личного состава подразделений ССО США увеличилась с 38 000 в 2001 году до 73 000 в 2020 году. Несмотря на то, что спецназовцы составляют лишь 3% от общей численности американских вооруженных сил, на их долю пришлось более половины всех боевых потерь США в период с 2001 по 2022 год, что свидетельствует о приоритетном применении ССО и высокой интенсивности их боевых операций [3].

Основная часть

Американские силы специальных операций ведут свою историю от Управления стратегических служб (УСС). Во время Второй мировой войны миссия УСС заключалась в «физическом подрыве противника» в три отдельных этапа: проникновение и подготовка, саботаж и подрывная деятельность, а также прямая поддержка партизанов и сил сопротивления. Современное законодательство США отражает эти и другие виды деятельности. В соответствии с уставом Командования специальных операций США (*USSOCOM*, *Title 10 US Code § 167(k)*), задачи специальных операций включают «прямые действия, стратегическую разведку, нетрадиционную войну, внешнюю внутреннюю оборону, гражданские дела, операции по поддержке военной информации, борьбу с терроризмом, гуманитарную помощь, поисково-спасательные операции на театре военных действий, а также другие виды деятельности, которые могут быть указаны президентом или министром обороны». Фраза «другие виды деятельности» подчеркивает гибкость и адаптивность сил специальных операций. Например, в 2016 году министр обороны назначил USSOCOM координирующим органом по противодействию распространению оружия массового уничтожения. [4]

НАТО и ее государства-члены также считают, что такие задачи, как прямые действия, стратегическая разведка, нетрадиционная война и борьба с терроризмом, подпадают под определение специальных операций. Кроме того, некоторые государства используют специализированные воинские подразделения для проведения тайных операций (например, незаконного финансирования и политической подрывной деятельности), которые чаще ассоциируются с гражданскими разведывательными службами [5].

Специальные операции отличаются от обычных военных операций тремя ключевыми особенностями. **Во-первых**, они проводятся

тщательно отобранным, высококвалифицированным и хорошо оснащённым военным персоналом. В вооружённых силах США спецназовцы проходят особый отбор в своих видах войск, в среднем они старше по возрасту, чем солдаты обычных подразделений, обладают значительно большим оперативным опытом и проходят углублённую подготовку по языкам, культурным особенностям и специальным операциям. Американские силы специальных операций также получают специальное финансирование от Конгресса на программы поддержки психического здоровья, оценки когнитивных способностей и помощи семьям [6]. Другими словами, ССО не являются войсками «общего назначения» (т.е. обычными силами) и не должны систематически привлекаться для проведения обычных военных операций.

В отличие от сил общего назначения, «специальные операции ***Во-вторых,*** требуют особых способов применения, тактики, методов, процедур и снаряжения». Эти тактические приемы и методы могут включать десантирование с большой высоты, скрытную высадку с малых плавсредств, использование нестандартной униформы или местной одежды для обеспечения секретности и маскировки, применение специального оружия и боеприпасов, а также другие тактические действия, основанные на скорости, эффекте внезапности, неожиданности и подавляющем применении силы. В отличие от обычных боевых действий, предполагающих «крупномасштабные, продолжительные операции», спецоперации, как правило, проводятся малочисленными, мобильными и легковооруженными группами, которые «наносят удары по противнику там и тогда, где он наиболее уязвим», и быстро отходят. ССО способны «осуществлять тактические действия, дающие стратегический эффект, несоизмеримый с количеством задействованных сил и средств». Например, в рейде 2011 года против Усамы бен Ладена участвовало всего двадцать три морских пехотинца США, сама операция длилась «несколько коротких минут», однако стала ярким успешным примером в войне с терроризмом [7].

В-третьих, операции специального назначения «характеризуются высокой степенью риска». Применение сил специальных операций, особенно в «враждебных, запретных или политически и дипломатически чувствительных зонах», отражает готовность принять «политический или военный риск, не связанный с действиями обычных войск». Например, в британской армии ССО «могут быть уполномочены действовать в условиях повышенного риска, выходящего за рамки полномочий обычных сил» [8]. Как следствие, высшие органы военного управления часто выбирают спецназ для выполнения наиболее рискованных или стратегически важных миссий благодаря их квалификации, ресурсам и опыту.

Применение права вооруженных конфликтов к определенным категориям специальных операций

Соединенные Штаты часто используют силы специальных операций для различных типов оперативных миссий. Мы выбрали операции по уничтожению или вывода из строя критически важных объектов для тщательного правового анализа.

Силы специальных операций проводят «точечные удары по важным целям» и «захват вражеских лидеров». Эти операции обычно называют операциями по уничтожения или вывода из строя КВО (*High-value targeting*) и они происходят как в международных, так и в немеждународных вооруженных конфликтах. **КВО** не является юридическим термином; это понятие описывает «удары, рейды и/или наступательные кибероперации для захвата или уничтожения ключевых вражеских комбатантов и материальных средств». Например, во время войны во Вьетнаме спецподразделение под названием OPS-35 выявляло, совершало рейды и атаковало КВО вдоль тропы Хо Ши Мина, что «вынудило Ханой перенаправить ресурсы, которые в противном случае были бы направлены на военные операции против Южного Вьетнама». В последующие десятилетия ССО многочисленных государств стремились «обезглавить» вражеские силы, захватывая или ликвидируя высокопоставленных лиц во время вооруженных конфликтов на Балканах, в Ливии, Панаме, Сьерра-Леоне, Сомали и Ираке. Эти миссии не всегда были успешными, отчасти из-за высоких рисков и трудностей, связанных с нацеливанием на высшее руководство, и эффективность кампаний по ***устранению*** остается под вопросом. Тем не менее, перспектива ***ослабить*** командную структуру вражеских сил остается привлекательной военной стратегией, которая оправдывает усилия высокого риска по устранению высокопоставленных лидеров с поля боя.

После событий 11 сентября 2001 года ССО США взяли на себя основную ответственность за выявление и атаки на высшее руководство террористических групп, таких как Усама бен Ладен и Абу Мусаб аз-Заркави из «Аль-Каиды», а также муллу Ахтара Мохаммада Мансура из «Талибана». Аналогичным образом, бойцы Командования сил специальных операций Канады, 22-го полка специальной авиационной службы (SAS) Великобритании и Полка специальной авиационной службы Австралии осуществляли целевое преследование и нейтрализацию ключевых вражеских лидеров в Ираке, Афганистане и Сирии. Французские ССО взяли на себя задачу по нацеливанию на высокопоставленных членов Аль-Каиды. В более позднее время американские ССО возглавили усилия коалиции по выявлению и ликвидации «особо влиятельных или эффективных членов группировки «Исламское государство», включая ее высших руководителей — Абу Бакра аль-Багдади и его преемника Абу Ибрагима аль-Хашими аль-Кураши [49].

Работа по таким высокозначимым целям требует высокого профессионализма, оперативного опыта, тесного взаимодействия с другими государственными ведомствами, моральной интуиции, специальных средств и полномочий, децентрализованного принятия решений и быстроты действий. Персонал сил специальных операций отбирается, готовится и оснащается именно для того, чтобы выявлять и либо захватывать, либо атаковать высокоприоритетные вражеские цели. Кроме того, они часто действуют в рамках относительно гибких правил ведения боевых действий и имеют регулярный доступ к прикомандированным юридическим советникам, помощникам по правовым вопросам специализирующимся на праве вооруженных конфликтов (ПВК).

Правовые нормы, регулирующие ведение боевых действий в условиях вооруженного конфликта, всегда применяются к специальным операциям, однако работа по поражению КВО создает уникальные сложности для их соблюдения, особенно в сфере принципа соразмерности. Принцип соразмерности, являющийся нормой обычного международного права как для международных, так и для немеждународных вооруженных конфликтов, требует от комбатантов «воздерживаться от … любого нападения, которое, как можно ожидать, вызовет случайные потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц, [или] ущерб гражданским объектам … которые были бы чрезмерными по отношению к конкретному и прямому военному ***преимуществу***, которое предполагается получить» [10]. Оценка командиром «военного преимущества» не ограничивается «непосредственными тактическими ***выгодами***, но может оцениваться в полном контексте военной стратегии». Тем не менее, предполагаемые военные преимущества всегда должны быть «конкретными и ощутимыми … а не … гипотетическими и умозрительными». Теоретически, и независимо от классификации конфликта, эффективные операции по КВО дают ощутимые результаты [11].

Поскольку право вооруженных конфликтов разрешает атаковать военные объекты, «когда известно, что произойдут жертвы или ранения среди гражданского населения», атаки на действительно «высокоприоритетные» цели, которые могут включать людей или объекты, могут на законных основаниях причинять значительный **сопутствующий ущерб**, при условии, что он не является чрезмерным по отношению к полученному военному преимуществу. Иными словами, поскольку атака на высокоприоритетную цель может дать особенно значительное конкретное и прямое военное преимущество, обширный сопутствующий ущерб может не считаться противоправно чрезмерным [12]. Это суровая реальность войны и одна из самых сложных задач, связанных с правовым сопровождением летальных специальных операций.

Возьмем, к примеру, ситуацию, когда силы специальных операций достоверно идентифицировали неуловимого и особо опасного разработчика химического оружия, находящегося в городской черте внутри зоны конфликта. Предположим далее, что разведданные указывают, что разработчик химического оружия создает боевое отравляющее вещество типа иприта и планирует использовать его для атаки на военные силы в регионе. В таком случае закон позволяет командиру ССО атаковать разработчика в городском центре, даже если в результате могут пострадать гражданские лица. Однако, если достоверные разведданные указывают, что разработчик планирует крупномасштабную химическую атаку против гражданского населения в густонаселенном городе вне зоны конфликта (то есть террористический акт), допустимый уровень сопутствующего ущерба может быть значительно выше.

Сложность заключается в определении того, какой уровень вреда допускают право вооруженных конфликтов и внутренняя политика. Чтобы ответить на этот вопрос, командир и его юридический советник должны понимать и учитывать закон, контекстуальные факторы, применимые правила применения силы и рекомендации вышестоящего штаба. Кроме того, поскольку «не существует согласованного критерия для определения, какой именно ущерб гражданскому населению будет считаться чрезмерным по отношению к ожидаемому военному преимуществу», командир должен полагаться на свой опыт и интуицию]. В потенциальном будущем крупномасштабном вооруженном конфликте жесткие, строго регламентированные правила применения сил и политически мотивированные ограничения по выбору целей, обычно применяемые в контртеррористических операциях, могут быть заменены более широкими, ориентированными на намерение правила применения сил. Это будет особенно верно для ССО, которые, как правило, действуют с относительной автономией и самостоятельной инициативой по мере возникновения возможностей. В результате эти сложности в будущих конфликтах будут только возрастать.

Экстремальные дилеммы при выборе целей не являются гипотетическими для командиров в составе ССО или их поддерживающих юридических советников. В Ираке и Сирии американские ССО выявляли и нацеливались на разработчиков химического оружия ИГИЛ, таких как Абу Малик, инженер-химик, работавший на «Мутане» Саддама Хусейна, где он разрабатывал оружие на основе зарина, прежде чем присоединиться к «Аль-Каиде» в 2005 году. Американские ССО ликвидировали Абу Малика в 2015 году под Мосулом после получения разведданных, указывающих, что он координировал атаки с применением иприта против гражданского населения в Европе. По словам Грегори Кобленца, эксперта по химическому и биологическому оружию, «если бы Абу Малик выжил, его опыт работы в программе Саддама сделал бы угрозу химического оружия «Исламского государства» гораздо более

серьезной». По мнению экспертов, устранение Абу Малика с поля боя в Ираке нанесло прямой и конкретный удар по ИГИЛ и спасло множество невинных гражданских лиц от ужасов химической атаки. Следовательно, операция по его ликвидации также могла оправдать значительный ущерб гражданскому населению Мосула [13].

На протяжении всей операции «Непоколебимая решимость» в Ираке и Сирии американские ССО атаковали КВО, включая высших руководителей и граждан, обладающих уникальными техническими, научными и финансовыми навыками. Они делали это в рамках правил применения сил, которые иногда прямо допускали жертвы среди гражданского населения и ущерб гражданским объектам [14]. В частности, американские ССО нацеливались на внешних оперативников ИГИЛ (т.е. тех, кто стремился осуществить массовые атаки с жертвами в городах за пределами зоны конфликта) до того, как те могли скоординировать крупномасштабные атаки смертников против гражданских лиц. Еще в апреле 2023 года американские ССО провели авиаудар в Сирии, в результате которого был убит Халид ‘Аййад Ахмад аль-Джабури, старший лидер ИГИЛ, ответственный за планирование терактов в Европе [15]. Хотя Центральное командование США оперативно указало, что удар не нанес сопутствующего ущерба, *право вооруженных конфликтов* допустило бы такой ущерб при условии, что ответственный командир определил бы, что он не является чрезмерным по отношению к конкретным и прямым военным преимуществам, ожидаемым от атаки.

Тем не менее, «общество нетерпимо к жертвам среди гражданского населения». *Постконфликтные* оценки соразмерности, проводимые внешними организациями, СМИ и правительствами, часто оказываются бескомпромиссными, поскольку основываются на реальных последствиях атаки, а не на предполагаемом ущербе, который командир оценивал на момент её проведения. В результате многие лица критиковали американские ССО за причинение вреда гражданским, называя некоторые военные операции «необоснованными», «позорными» и «безрассудными» [15]. Даже после того, как американские ССО ликвидировали лидера ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади в Сирии в 2019 году, репортажи в основных СМИ фокусировались на утверждениях, что американские силы убили двух гражданских лиц вблизи целевого объекта, а не на необходимости устранения высшего лидера ИГИЛ или полученных в результате военных ***преимуществах***.

Согласно **права вооруженных конфликтов**, нельзя судить о чрезмерности сопутствующего ущерба, не постигнув всей совокупности обстоятельств и ценности военного объекта. Поэтому критики никогда не должны игнорировать очевидные военные выгоды от атаки только потому, что она причинила вред гражданским лицам. Признано, что большинство внешних наблюдателей не смогут полностью понять военные преимущества, полученные от атаки высокоприоритетных

целей, поскольку разведданные, используемые для характеристики целей как «высокоприоритетных», обычно получены от защищенных человеческих источников или засекреченных программ электронного наблюдения. Таким образом, вооруженные силы не могут адекватно объяснить правомерность некоторых атак, повлекших сопутствующий ущерб. Тем не менее, «боевые действия … по своей природе являются сложным, неточным, кровавым делом», и, как утверждает профессор Майкл Шмитт, критики должны «быть осторожными, облекая «***lex ferenda»*** в одеяния «***lex lata***» [16].

С другой стороны, крайне важно осознавать, насколько контрпродуктивным может быть причинение вреда гражданским лицам. Даже правомерный с юридической точки зрения сопутствующий ущерб может «подорвать международную поддержку и повлиять на внешнюю политику». Как отметил отставной генерал армии США Стэнли Маккристал в Афганистане, «мы проиграем эту … войну, если не перестанем убивать мирных жителей». Преследование КВО может исказить точное восприятие стратегической обстановки. Кроме того, некоторые сотрудники сил специальных операций могут рассматривать каждую потенциальную цель как «КВО», что является субъективным и неточным термином. Теоретически, ССО не должны нести основную ответственность за цели «низкой» или «умеренной» ценности. Однако, когда ССО берут на себя основную ответственность за всю военную кампанию, некоторые цели могут быть описаны как «КВО», даже если они таковыми не являются.

Сравнительно низкоинтенсивные кампании в Ираке и Афганистане выявили этот недостаток оперативного планирования. Например, как отметил генеральный инспектор Австралийских сил обороны в докладе по расследованию в Афганистане:

«Хотя … ССО представляют собой привлекательный вариант для первоначального развертывания, использование их на долгосрочной основе для ведения по сути обычных военных операций является нецелевым применением их возможностей. Длительное выполнение такой задачи в Афганистане отвлекало их от предназначенной роли в проведении нерегулярных и нетрадиционных операций и способствовало размыванию морального компаса».

По нашему мнению, командиры и офицеры штабов в составе ССО должны воздерживаться от присвоения обычным целям (*например,* рядовым членам вражеских сил или основным боевым позициям противника) статуса «высокоприоритетных», поскольку это может непреднамеренно привести к причинению излишнего сопутствующего ущерба. Эффективные ***юридические советники*** ССО должны понимать эту динамику и помогать командирам присваивать целям соответствующие значения при проведении оценки соразмерности.

Возможные меры предосторожности

Как и все вооруженные силы, участвующие в боевых действиях, ССО также обязаны принимать возможные меры предосторожности при планировании и проведении атак. Статья 57 Дополнительного протокола ***I*** к Женевским конвенциям ***(ДП I)*** требует от комбатантов «*принять все практически возможные меры предосторожности при выборе средств и методов нападения с целью свести к минимуму случайные потери или ущерб гражданским лицам и гражданским объектам»* [10, ст. 57(2) (a) (ii)]. Международный комитет Красного Креста (МККК) считает этот принцип нормой обычного международного права, применимой как в международных, так и в немеждународных вооруженных конфликтах. США не ратифицировали ***ДП I*** и, следовательно, не связаны им, но американские официальные лица признают, что обязательство «*принимать возможные меры предосторожности*» отражает обычное международное право. Руководство Министерства обороны США по праву войны признает обязанность «принимать практически возможные меры предосторожности для снижения риска причинения вреда гражданскому населению» и считает, что слово «возможные» означает «осуществимые или практически возможные с учетом всех обстоятельств, преобладающих в данный момент, включая гуманитарные и военные соображения» [17].

В рамках ССО *возможные* меры предосторожности включают такие действия, как увеличение количества воздушных средств разведки, наблюдения и рекогносцировки (ISR), отслеживающих цель, в том числе коммерческих беспилотников массового производства; использование источников человеческой разведки для подтверждения присутствия гражданских лиц в целевом здании; предоставление заблаговременных предупреждений гражданским лицам с помощью инновационных интернет-сообщений; и применение специализированных боеприпасов для минимизации сопутствующего ущерба. Например, перед проведением атак на разработчиков химического оружия в Ираке и Сирии американские ССО «выбирали специальные зажигательные бомбы, предназначенные для создания малого радиуса поражения, но интенсивного тепла, чтобы испарить оружие, запасы и любые остаточные газы, которые в противном случае могли бы вырваться наружу». Аналогично, согласно сообщениям, американские ССО использовали модификацию AGM-114R9X ракеты «Хеллфайр», которая применяет *шесть титановых лезвий-крыльев* и кинетическую энергию для уничтожения целей. Эти инертные ракеты не используют взрывчатых веществ и, следовательно, наносят «минимальный ущерб за пределами цели».

Далее, при проведении рейдов ССО могут использовать «тактическое предложение о сдаче», чтобы вынудить вражеских боевиков капитулировать, выводя их из строя, и позволить гражданским лицам покинуть здание до входа штурмовой группы [18]. Например, 3 февраля 2022 года небольшой контингент американских ССО провел рейд в

провинции Идлиб в Сирии, который привел к гибели лидера «Исламского государства» Абу Ибрагима аль-Хашими аль-Кураши. Хотя высшее командование рассматривало вариант авиаудара для ликвидации аль-Кураши, *президент* в конечном итоге выбрал проведение рейда, чтобы снизить потенциальный вред для гражданских лиц в комплексе. Перед рассветом авиационные специалисты ССО доставили около двух десятков штурмовиков в город Атме в Сирии. Во время «напряженного противостояния» рейдовая группа транслировала предупреждения на арабском языке через громкоговорители, в то время как один солдат проводил «тактическое предложение о сдаче» с помощью рупора, призывая всех в доме сдаться. В результате десять гражданских лиц избежали вреда до того, как Кураши привел в действие пояс смертника на третьем этаже, убив себя, свою жену и двоих своих детей. Это лишь несколько примеров *достижимых мер предосторожности*, которые ССО могут применять для смягчения вреда гражданскому населению во время специальных операции высокого риска.

Кроме того, силы специальных операций могут обеспечивать «*возможные меры предосторожности*» для сил общего назначения, проводя специальную разведку в тылу врага, иногда в гражданской одежде, для проверки целей перед более масштабной операцией. Например, во время войны в Персидском заливе «силы специальных операций разместили навигационные маяки в ключевых точках захода F-111, что позволило получать важные обновления радиолокационных данных, тем самым повышая точность бомбардировок и снижая вероятность сопутствующего ущерба» [19].

В этом отношении специальная разведка (стратегической разведки специальными средствами) может потребовать компромисса между правовыми принципами (*например, отсутствие отличительного знака, но с целью соблюдения практически возможных мер предосторожности*), тем самым увеличивая правовые риски для бойцов спецподразделений, зато снижает риск физического вреда гражданским лицам и объектам.

Заключение

Силы специальных операций со всего мира выполняют миссии высокого риска и с учетом политической чувствительности в опасных условиях. Благодаря применению специальной тактики и уникального оборудования, ССО могут достигать стратегически важных результатов во время вооруженных конфликтов.

При этом, для международного права не существует исключений для спецопераций. Однако командующим, помощникам по правовым вопросам и аналитикам необходимо всегда учитывать, как контекстуальные факторы влияют на применение МГП к специальным операциям. Тактические нюансы конкретной операции могут кардинально влиять на применение правовых норм, запрещая определенные действия в одной ситуации и разрешая их в другой. Право представляет собой

сложный баланс интересов, который личный состав сил специального назначения должны стремиться освоить.

Список использованной литературы

1. **Симаков А.С.** Командование сил специальных операций США// Зарубежное военное обозрение. 2017. № 7.С. 38—42. 2
2. **Эдвард Дж. Эриксон,** «44-дневная война в Нагорном Карабахе: успех турецких беспилотников или оперативное искусство?», Military Review, август 2021 г., доступно по ссылке: www.armyupress.army.mil/Journals/Military-Review/Online-Exclusive/2021-OLE/Erickson/
3. **Дэвид Вергун,** «Представители официальных лиц описывают вклад сил специальных операций в национальную безопасность», новостной портал Министерства обороны США, 25 марта 2021 г., доступно по адресу: www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2550459/officials-describe-special-operations-forces-contributions-to-national-security/
4. **Эндрю Фейкерт,** «Силы специальных операций США (ССО): предыстория и отчет для Конгресса», документ RS21048, Исследовательская служба Конгресса, 20 апреля 2018 г., стр. 8, доступно по адресу: https://crsreports.congress.gov/ product/pdf/RS/RS21048/58.
5. **Кристофер Б. Смит,** «Модель Кудс: факторы эффективности нетрадиционной войны в асимметричном конфликте», магистерская диссертация, Высшая военно-морская школа, Монтерей, Калифорния, 2020 г.
6. **Герберт Лин и Триша Э. Вайман,** «Силы специальных операций и кибероперации по воздействию», в книге: Закари С. Дэвис и др. (ред.), Центр исследований глобальной безопасности, Ливерморская национальная лаборатория, январь 2021 г.
7. **Брэдли Дж. Строусер,** «Убийство бен Ладена: Моральный анализ», Palgrave Macmillan, Нью-Йорк, 2014 г., стр. 27.
8. Британская армия, «Бригада специальных операций армии», доступно по адресу: www.army.mod.uk/who-we-are/formations-divisions-brigades/field-army-troops/army-special-operations-brigade/
9. **Бекка Вассер и др.,** «Воздушная война против Исламского государства: Роль авиации в операции «Непоколебимая решимость»», Корпорация RAND, Санта-Моника, Калифорния, 2021 г., стр. 201.
10. Дополнительный протокол I (1977 г.) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., ст. 57(2)(a)(iii)
11. **Й. Динштейн,** «Ведение военных действий по праву международного вооруженного конфликта», 4-е изд., Cambridge University Press, Кембридж, 2022 г., стр. 123, п. 346
12. **Й. Динштейн,** «Заключительные замечания: МГП и попытки его злоупотребления или подрыва», International Law Studies, Vol. 87, 2011, стр. 486–487.
13. **Джоби Уоррик,** «ИГИЛ планировало химические атаки в Европе, раскрыты новые детали программы создания оружия», Washington Post, 11 июля 2022 г., доступно по адресу: www.washingtonpost.com/national-security/2022/07/11/ isis-chemical-biological-weapons
14. **Скотт Грэм,** «Пороговое значение потерь среди некомбатантов: оценка новой методики выбора целей в операции "Непоколебимая решимость"», International Criminal Law Review, Vol. 18, No. 4, 2018, стр. 679–680.
15. **Мэтт Франкель,** «Азбука поражения высокозначимых целей: ключевые уроки кампаний по поражению высокозначимых целей против повстанцев и террористов», Studies in Conflict & Terrorism, Vol. 34, No. 1, 2010, стр. 18, 21.
16. **Майкл Н. Шмитт,** «Год впереди — Международное гуманитарное право под угрозой», Articles of War, 11 января 2024 г., доступно по адресу: https://lieber.westpoint.edu/international-humanitarian-law-risk/.
17. Департамент армии, Корпус морской пехоты США, «Справочник командира по праву сухопутной войны», FM 6-27 / MCTP 11-10C, август 2019 г. (FM 6-27), пп. 2-79 – 2-81.
18. Полевое наставление армии США FM 3-90 «Наступательные и оборонительные операции», параграф 4-77
19. **Арья Готлиб,** «Роль сил специальных операций в полном спектре военных операций», ВВС США, 3 декабря 1997 г., стр. 2–3, доступно по адресу: https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA332474.pdf.

Сведения об авторах

Бектурсунов Нурбай Кенесбекович *— Начальник факультета общественной и пенитенциарной безопасности Академии управления МВД Республики Казахстан, доктор философии (PhD),полковник.*

Бектурсунов Нурбай Кенесбекович *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясының Қоғамдық және пенитенциарлық қауіпсіздік факультетінің бастығы, (PhD) философия докторы, полковник.*

Bektursunov Nurbay Kenesbekovich *— Head of the Faculty of Public and Penitentiary Security of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy (PhD), Colonel.*

УДК 37, МРНТИ 14

АЛДАНЬЯРОВА М.Ж.,
СУЛЕЙМЕНОВА А.Т., СЕГИЗБАЕВА К.К.
Академия КНБ Республики Казахстан,
г.Алматы, Казахстан

АПРОБАЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Статья посвящена вопросам апробации современных педагогических технологий в процессе реализации педагогических экспериментов. Авторами для достижения целей и задач педагогического эксперимента определены технологии, методы и формы занятий, применение которых в итоге повлияло на развитие коммуникативных, управленческих, аналитических, языковых компетенций слушателей. Основное преимущество выбранных образовательных технологий связано с обеспечением практико-ориентированного обучения в условиях Академии КНБ. На основе анализа результатов педагогических экспериментов принят в реализацию комплекс мер по совершенствованию курсов переподготовки и повышения квалификации.

Ключевые слова: *Академия КНБ, педагогический эксперимент, курсы повышения квалификации, курсы самообразования, дистанционные технологии обучения, результаты исследований, современные образовательные технологии.*

Біліктілікті арттыру жүйесінде инновациялық оқыту технологиялары мен әдістерін апробациялау: педагогикалық эксперимент нәтижелері

Мақала педагогикалық эксперименттерді жүзеге асыру үдерісінде заманауи педагогикалық технологияларды апробациядан өткізу мәселелеріне арналған. Педагогикалық эксперименттің мақсаты мен міндеттерге қол жеткізу үшін авторлар білім беру технологияларын, оқыту әдістері мен сабақ өткізу формаларын анықтады. Бұл әдіс-тәсілдерді қолдану тыңдаушылардың коммуникативтік, басқарушылық, аналитикалық және тілдік құзыреттерінің дамуына ықпал етті. Таңдап алынған білім беру технологияларының негізгі артықшылығы ҰҚК

Академиясы жағдайында практикалық оқытуды қамтамасыз етумен байланысты. Педагогикалық эксперименттердің нәтижелерін талдау негізінде қайта даярлау және біліктілікті арттыру курстарын жетілдіруге бағытталған кешенді шаралар жүйесі ұсынылады.

Кілтті сөздер: *ҰҚК Академиясы, педагогикалық эксперимент, біліктілікті арттыру курстары, өз білімін жетілдіру курстары, қашықтан оқыту технологиялары, зерттеудің нәтижелері, заманауи білім беру технологиялары.*

Testing innovative teaching technologies and methods in the professional development system: results of a pedagogical experiments

The article is devoted to the issues of testing and implementing modern pedagogical technologies in the process of conducting pedagogical experiments. To achieve the goals and objectives of the pedagogical experiment, authors identified the educational technologies, teaching methods and instructional formats to be employed. Their implementation ultimately contributed to the development of the participants communicative, managerial, analytical and language competencies. The main advantage of the selected educational technologies lies in ensuring practice-oriented learning.

Based on the analysis of the results of pedagogical experiments, a comprehensive set of measures aimed at improving retraining and professional development courses is proposed.

Keywords: *Academy of NSC, pedagogical experiment, self-education courses, research results, distance learning technologies, modern educational technologies.*

Введение. Глава государства К-Ж.К.Токаев в своих выступлениях неоднократно подчеркивал «Казахстан территория академического образования. Университеты - центры передовых идей и научных достижений. Казахстан придает особое значение развитию системы образования и науки» [1].

Системные реформы высшего образования открыли новые возможности вузам, в том числе интеграцию в мировую образовательную систему. По данным Министерства науки и высшего образования, Казахстан укрепляет статус регионального образовательного центра: в 2025 учебном году в вузах Казахстана обучаются на платной основе 35075 иностранных студентов из 88 стран. И ежегодно цифры увеличиваются на 17% [2].

Одновременно, Казахстан продвигает идеи открытия научных и образовательных центров за рубежом. В феврале т.г. в Пакистане открыты филиалы КазНУ им. аль-Фараби, КазНТУ им. Сатпаева, Научно-исследовательский центр по изучению исламской культуры и цивилизации Центральной Азии им. Ходжа Ахмеда Ясави. Интеграция и

интернациализация подтверждает конкурентоспособность системы высшего образования Казахстана

Вузы Казахстана, следуя основным принципам подготовки конкурентноспособных специалистов, стремятся создать высокоразвитые экосистемы. Современные технологии обучения, уникальные авторские курсы, научные изыскания, грантовое финансирование, сотрудничество с вузами-инопартнерами, академическая мобильность, а также развитая инфраструктура и материально-техническая база характерны для большинства ведущих вузов Казахстана.

Академия КНБ, следуя указанным принципам, предоставляет сотрудникам КНБ непрерывное образование, что позволяет им в течение всей службы проходить обучение по всем имеющимся образовательным программам.

При этом доступ к курсам повышения квалификации и переподготовки обеспечивается в удобной форме для каждого сотрудника (онлайн-платформа «Coursera», курсы самообразования, курсы в дистанционной, очной, смешанной формах обучения).

Повышение качества и эффективность образовательного процесса Академии КНБ, в том числе достигается за счет развития педагогической компетентности профессорско-преподавательского состава, мониторинга всемирных образовательных трендов, инновационных технологий и методов обучения, на основе которых внедряются и совершенствуются образовательные технологии, направленные на формирование, развитие и оценку компетенций обучающихся, применения информационно-коммуникационных технологий и т.д.

Современные педагогические технологии и методы апробируются в процессе реализации педагогических экспериментов. На основе анализа результатов педагогических экспериментов принимается в реализацию комплекс мер по совершенствованию курсов переподготовки и повышения квалификации.

В настоящее время на базе Академии КНБ осуществляется реализация педагогических экспериментов, в том числе:

«Апробация новых форм краткосрочных курсов самообразования с применением дистанционной технологии обучения»;

«Влияние абстрактно-логического мышления на формирование аналитических компетенций обучающихся».

«Определение эффективности применения модели инновационных методик обучения иностранным языкам в условиях Академии КНБ»

Выбор тем педагогических экспериментов определен тем, что в ежедневной практике преподавательский состав в образовательном процессе сталкивается с вопросами, требующими незамедлительных решений. В частности, одной из проблем является отсутствие в ведомственных НПА норм, регулирующих вопросы организации курсов самообразования. Так, Академия КНБ является ведомственным вузом, в связи с чем, содержание и траектория обучения определяется

подразделениями-заказчиками. С учетом потребностей заказчика также выделяется перечень знаний, умений и навыков. В то же время наименование курсов «самообразование» указывает на то, что заказчик не определял содержание и траекторию, а также перечень знаний, умений и навыков. Содержание обучения определяется ППС в ряде случаев самостоятельно, без учета потребности практиков.

Другой проблемой организации курсов повышения квалификации являются вопросы организационного характера как несоблюдение требований ведомственных нормативных правовых актов в части обучения на тренингах количества людей, значительно превышающих норму, существенно отражается на качестве обучения. Обучение больших групп в сжатые временные периоды обусловливает необходимость усиления деятельности преподавателей, направленной на оценку уровня усвоения слушателями содержания курсов, а также на организацию получения обратной связи каждого участника образовательного процесса. По этой причине требуется поиск и внедрение современных методов и технологий, учитывающих особенности трудозатрат преподавателей на обучение большого количества обучающихся.

На качестве курсов обучения с использованием дистанционных технологий также отражается тот факт, что сотрудники на период обучения не освобождаются от функциональных обязанностей. Поэтому ряд из них в силу загрузки и/или недостаточных профессиональных и личных компетенций в полной мере не могут самостоятельно освоить дистанционный курс.

Слабая степень развития абстрактно-логического мышления, выявленная на «входе» у ряда слушателей потока подготовки аналитических сотрудников, требует поиска различных методов обучения и их организации, направленных на достижение цели и задач обучения.

Аналогичная ситуация происходит ежегодно при зачислении вновь прибывших курсантов, в части определения уровня владения иностранным языком. Так, несмотря на всеобщие подходы среднего образования о подготовке выпускников с достаточным уровнем владения английским языком, многие из них при поступлении в Академии КНБ, не владеют иностранным языком на уровне, требуемом к обучающимся вузов. Соответственно преподавателям Академии КНБ приходится прилагать усилия, направленные на устранение пробелов школьной программы в короткие сроки. Указанный проблемный аспект потребовал от педагогов –лингвистов поиска новых подходов к достижению конечной цели обучения – владение выпускниками речевых навыков (чтение, письмо, говорение, перевод, аудирование).

Несмотря на опыт, а также глубокое знание предмета, имеющиеся знания о современных образовательных технологиях и методах, в настоящее время не приносят ожидаемого результата, поскольку вопрос

об их применении без апробации в профилирующих дисциплинах не изучен в полной степени.

Перечисленные проблемы потребовали от ППС поиска решения вопросов как эффективно использовать педагогические технологии в учебном процессе и организации методов и технологий содержания обучения с учетом обозначенных проблем.

В реализации педагогических экспериментов преподавателями используется метод имплементации, уникальность которого заключается в прослеживании авторской переработки.

Основная часть. Современные технологии и методы преподавания учебных курсов проанализированы с позиции их практической применимости в реализации педагогических экспериментов, проводимых в Академии КНБ. Выбор и апробация новых образовательных технологий и методов определен на основе анализа источников по вопросам теории и практики развития образовательной деятельности, который показал, что в настоящее время современные образовательные системы как в рамках нашей страны, так и в мировом масштабе находятся в состоянии глубокой трансформации, обусловленной развитием цифровых технологий, глобализацией экономики и изменением запросов государства и общества к компетенциям специалистов.

Рассмотрим, какие методы и критерии их выбора для каждого педагогического эксперимента определены:

1. «Апробация новых форм краткосрочных курсов самообразования с применением дистанционной технологии обучения» (автор Умирзакова Л.Б.). Основной целью данного эксперимента являлось создание программы краткосрочных курсов самообразования по развитию эмоционального интеллекта, основам кадрового и тайм менеджментов и базовым управленческим функциям. Одной из задач достижения цели являлось проведение анализа современных педагогических, программно-технических, коммуникационных методов, средств и инструментов организации краткосрочных курсов самообразования, разработки учебно-методических материалов, обеспечения взаимодействия между обучающимися и преподавателями, определение среди них оптимальные для организации обучения в КНБ РК.

Для достижения целей и задач педагогического эксперимента определены для апробации следующие технологии, методы и формы занятий, применение которых в итоге повлияло на развитие компетенций слушателей курса «Тайм-менеджмент» (формат проведения курса – дистанционный, самостоятельный, целевая аудитория – личный состав).

Асинхронное обучение [3,4]	
Значимость	дает свободу выбора времени и места, идеально для самостоятельной работы, есть возможность пересматривать материалы

Актуальность	позволяет совмещать учебу с работой, адаптируется к индивидуальному ритму, развивает самодисциплину и ответственность
Практические приемы и инструкции	просмотр видеолекций, чтение учебно-методических материалов, выполнение контрольных заданий
Эффект на формируемые компетенции: **Знания:** теория тайм-менеджмента, принципы приоритетности задач. **Умения:** самостоятельное планирование рабочего времени, организация задач. **Навык:** регулярное использование инструментов управления временем в оперативной деятельности.	
Интерактивные тесты и контрольные задания [5,6]	
Значимость	немедленная обратная связь, помогает выявить пробелы в знаниях, закрепляет материал
Актуальность	обеспечивают активное усвоение материала, делает обучение результативным, формирует навыки самоконтроля и оценки эффективности действий
Практические приемы и инструкции	онлайн-тесты, самопроверка практических заданий, анализ ошибок
Эффект на формируемые компетенции: **Знания:** закрепление теоретического материала. **Умения:** применение знаний в практических ситуациях. **Навык:** регулярный контроль и самопроверка выполненных задач.	
Форумы и онлайн-обсуждения (специализированные площадки) [7,8]	
Значимость	обмен опытом, развитие коммуникативных навыков, критического мышления, аналитических навыков, коллективное решение проблем, поддержка, социальное взаимодействие в обучении
Актуальность	создают эффект «живого» обучения и сообщества единомышленников
Практические приемы и инструкции	обсуждение практических заданий (размещение решений на форуме, получение комментариев от преподавателя и коллег), разбор кейсов, ответы на вопросы
Эффект на формируемые компетенции: **Знания:** расширение теоретических и практических представлений. **Умения:** аргументированное изложение решений и обмен опытом. **Навык:** взаимодействие в коллективе и командное решение задач.	
SMART-целеполагание [9]	

Значимость	превращает абстрактные желания в конкретные, достижимые шаги
Актуальность	фундамент эффективного самообразования, предотвращает выгорание и потерю мотивации, фокусируясь на результате
Практические приемы и инструкции	разработка целей по модели SMART, определение индикаторов достижения целей
Эффект на формируемые компетенции: **Знания:** принципы постановки эффективных целей. **Умения:** формулирование достижимых и измеримых целей. **Навык:** регулярная работа с SMART-целями для повышения личной эффективности.	
ABC-анализ [10]	
Значимость	классификация задач по важности и срочности
Актуальность	помогает сотруднику определить, какие задачи требуют первоочередного выполнения (A), какие имеют среднюю важность (B), а какие – низкую (C), экономя время и силы
Практические приемы и инструкции	составление списка задач, классификация задач, планирование времени, контроль выполнения
Эффект на формируемые компетенции: **Знания:** принципы классификации задач. **Умения:** выделение ключевых и второстепенных задач, расстановка приоритетов. **Навык:** эффективное распределение времени и ресурсов в условиях динамичной оперативной деятельности.	
Метод Эйзенхауэра (матрица срочности/ важности) [11]	
Значимость	помогает расставить приоритеты: что делать немедленно, что планировать, что делегировать, а что вовсе не делать
Актуальность	способствует фокусироваться на задачах, которые приближают к цели.
Практические приемы и инструкции	построение матрицы Эйзенхауэра, распределение задач, планирование действий
Эффект на формируемые компетенции: **Знания:** принципы анализа срочности и важности задач. **Умения:** планирование, делегирование и приоритизация. **Навык:** систематическая организация рабочего времени, снижение хаоса и стресса.	

GTD (Getting Things Done – система управления задачами) [12]	
Значимость	помогает превратить цели в конкретные шаги, снизить уровень стресса от ощущения «неуспевания».
Актуальность	позволяет эффективно планировать изучение новых тем, отслеживать прогресс, управлять учебными проектами и не забывать о текущих задачах
Практические приемы и инструкции	сбор задач, обработка, организация, выполнение и контроль
Эффект на формируемые компетенции: **Знания:** структура и порядок выполнения задач. **Умения:** управление большим объёмом информации, планирование действий. **Навык:** регулярное выполнение задач без пропусков, поддержание рабочего контроля.	
Кейс-метод [13]	
Значимость	превращает пассивное получение информации в активное решение реальных или смоделированных проблем, развивая аналитическое мышление, критическое мышление и навыки принятия решения.
Актуальность	позволяет не просто узнать, а понять и применить, что глубже закрепляет знания и готовит к реальной профессиональной деятельности
Практические приемы и инструкции	анализ кейса, разработка решения, презентация и защита
Эффект на формируемые компетенции: **Знания:** применение теории на практике. **Умения:** аналитическое мышление, принятие решений в сложных ситуациях. **Навык:** оперативное решение задач в условиях неопределенности.	
Стресс-менеджмент и методы саморегуляции [14]	
Значимость	обеспечивает эмоциональную устойчивость, развивают способность контролировать свои эмоции, предотвращает выгорание, улучшает концентрацию и качество усвоения информации, повышают осознанность и самоконтроль
Актуальность	в условиях высоких требований к постоянному обучению и саморазвитию помогает управлять стрессом, перезагрузиться после интенсивных

	умственных нагрузок, повысить качество внимания во время обучения
Практические приемы и инструкции	дыхательные упражнения, микро-паузы, прогрессивная мышечная релаксация, ведение журнала восстановления
Эффект на формируемые компетенции: **Знания:** методы психофизиологической саморегуляции. **Умения:** использование техник для снижения стресса в рабочее время. **Навык:** поддержание высокой работоспособности и психоэмоциональной устойчивости.	
Pomodoro [15]	
Значимость	техника управления временем через интервалы работы и короткие перерывы, повышение продуктивности и снижение усталости, улучшение самоконтроля
Актуальность	поддерживать концентрацию и предотвращать усталость
Практические приемы и инструкции	25 минут полностью сосредоточенной работы (один «Pomodoro»), затем 5 минут короткого отдыха
Анализ продуктивности	по окончании дня оценить, сколько блоков было эффективно использовано и какие задачи завершены
Эффект на формируемые компетенции	
Знания	принципы концентрации и распределения энергии
Умения	организация рабочего процесса по временным блокам
Навык	повышение продуктивности и снижение усталости, улучшение самоконтроля

Как показал эксперимент на примере курса «Тайм-менеджмент» все вышеперечисленные технологии важны и нужны для самообразования, так как они работают взаимосвязано, обеспечивают вовлеченность слушателей и глубокое понимание материала, саморегуляцию и эффективное управление временем, позволяя обучаться в своем темпе, получать немедленную обратную связь, фокусироваться на важных задачах для достижения актуальных целей. Ряд из перспективных образовательных технологий уже внедрен и успешно применяется в образовательном процессе. Стоит отметить, проведенный обзор методов и средств обучения показал значительный потенциал их применения в условиях Академии КНБ на курсах самообразования.

По итогам эксперимента разработчиками на примере курса «Тайм-менеджмент»:

- описано многообразие методологических подходов, которые необходимо учитывать в проектировании педагогического процесса и их направленность на постоянное саморазвитие личности [16].
- изучены и выбраны новые образовательные технологии и методы в рамках проводимого педагогического эксперимента;
- сформирован перечень курсов повышения квалификации для проведения в дистанционной форме и для самостоятельного прохождения сотрудниками ОНБ;
- разработан учебно-тематический план КПК сотрудников и военнослужащих ОНБ «Тайм-менеджмент».

Основной целью педагогического эксперимента **«Влияние абстрактно-логического мышления на формирование аналитических компетенций обучающихся»** (автор - Седько С.Н.) является разработка методики организации и применения обучения абстрактно-логическому мышлению обучающихся. Для достижения цели выбраны задачи − изучить современные педагогические, программно-технические, коммуникационные методы, средства и инструменты обучения абстрактно-логическому мышлению, разработать учебно-методические материалы, обеспечить взаимодействие между обучающимися и преподавателями, определить среди них оптимальные для разработки и организации в Академии КНБ.

Опыт проведения занятий на потоках подготовки аналитиков в течение 2024-2025 учебного года показал, что только половина обучаемых на данном потоке продемонстрировала учебные результаты выше среднего. Другая половина обучаемых «отличилась» средними показателями успеваемости либо ниже среднего.

Основной причиной выявленной проблемы, на наш взгляд, явилась слабая степень развития у ряда обучаемых абстрактно-логического мышления «на входе». Соответственно, формирование профессиональных компетенций оказалось на практике малоперспективным.

В этой связи, среди имеющихся подходов, технологий и методов выбраны, которые имеют потенциал в изучении и систематизации знаний. Далее определены и проведены апробация оптимальных технологий, методов, средств и инструментов его диагностики, их адаптация под условия деятельности практики или разработка новых.

В этой связи, для достижения целей и задач педагогического эксперимента определены в качестве участников две группы (экспериментальная и контрольная) переподготовки обучающихся наборов 2024-2025 и 2025-2026 учебных годов.

В ходе обучения экспериментальной группы применялись методы и средства обучения абстрактно-логическому мышлению. В качестве

основных определены четыре ключевых направления методов и средств обучения:

Персонализация обучения, которая сейчас начинает занимать центральное место в современной образовательной политике. Указанный тренд стал актуален, так как традиционные массовые подходы не способны учесть индивидуальные различия обучающихся в когнитивных стилях, темпах усвоения материала, уровне подготовки и мотивации.

В свою очередь персонализация обучения включает две составляющие:

- **«Adaptive learning»,** то есть технологии адаптивного обучения. Их преимущество в том, что они анализируют данные в отношении учебных результатов каждого обучаемого в режиме реального времени и формируют для него индивидуальную траекторию, корректируя сложность, тип заданий и подачу материала;

- **«Learning analytics»,** то есть использование больших данных для анализа успеваемости обучающегося и прогнозирования его прогресса в освоении учебных материалов. Система предоставляет преподавателю аналитическую панель (dashboard), которая позволяет оперативно выявлять проблемные зоны и своевременно корректировать образовательный процесс.

В целом, по имеющимся данным, применение персонализации обучения дает эффект сокращения времени на освоение программы на 20–30% за счет индивидуального темпа обучения, а также способствует повышению вовлеченности обучаемых благодаря гибкому контенту и обратной связи.

Внедрение в учебный процесс интерактивных технологий обучения, в частности:

«Gamification» (геймификация), которая активно применяется как инструмент повышения мотивации и удержания внимания обучающихся. Встраивание различных игровых элементов (это могут быть баллы, рейтинги, уровни, награды) в учебный процесс способствует формированию внутренней мотивации. В качестве примера можно привести образовательную платформу Duolingo, в которой геймификация уровней стимулирует регулярное обучение;

«VR и AR» технологии, то есть технологии с использованием элементов виртуальной и дополненной реальности. Преимущество их применения заключается в том, что они могут обеспечивать моделирование реальных профессиональных ситуаций. Их использование эффективно для повышения квалификации специалистов по различным направлениям деятельности практики;

«Microlearning» (микролёрнинг), суть которого состоит в структурировании образовательного контента на короткие модули (не более 5–10 минут), что особенно эффективно для повышения квалификации сотрудников практических подразделений без отрыва от основной деятельности на дистанционных КПК. Короткие видео,

интерактивные задания и тесты повышают усвояемость материала и позволяют интегрировать как обучение, так и его результаты в повседневную деятельность сотрудника.

Технологии гибридного и онлайн-обучения. После пандемии COVID гибридное обучение стало нормой для большинства мировых образовательных систем. Этому, в первую очередь, способствовало такое его преимущество, как объединение онлайн-модулей (обеспечивают гибкость и доступность) с офлайн-форматом при проведении которого среди обучающихся происходит взаимообмен опытом и командная работа.

В результате, онлайн-обучение позволяет осваивать теоретический материал в удобном темпе, а очные занятия акцентированы на практической работе, разборе кейсов и их обсуждении.

Развитие soft skills, то есть коммуникативных, креативных, аналитических и управленческих компетенций.

Согласно отчету World Economic Forum-2024, к ключевым навыкам компетентного специалиста относятся не только его профессиональные знания, умения и навыки (так называемые hard skills), но в первую очередь такие, как критическое мышление и решение проблем, коммуникативная гибкость, эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость [17]. В последнее время с учетом развития искусственного интеллекта программы обучения в ведущих мировых и отечественных вузах направлены на формирование у обучающихся digital skills и творческих навыков.

Изучение образовательных трендов показало, что республиканские тренды идут синхронно с мировыми процессами в сфере образования. Так, согласно данным Министерств просвещения, науки и высшего образования (2024), а также стратегическим инициативам «Цифровой Казахстан», можно выделить следующие направления:

- цифровизация системы образования: внедрение национальных онлайн-платформ (например, Bilimland, Oqylyq), электронных журналов, тестирующих систем, LMS (Learning Management System) для вузов;

- укрепление компетенций педагогов в области информационно-коммуникационных технологий, в частности: курсы по цифровой грамотности для преподавателей; использование EdTech-инструментов (виртуальные классы, облачные сервисы, аналитические панели для мониторинга обучения);

- внедрение краткосрочных курсов повышения квалификации для подготовки специалистов в условиях непрерывных изменений по приоритетным направлениям цифровой педагогики [18].

Промежуточный результат показал, что перечисленные технологии и методы обучения дают прирост знаний, в части, касающейся развития абстрактно-логического мышления в среднем от 18 до 30% [19].

В рамках педагогического эксперимента **«Определение эффективности применения модели инновационных методик**

обучения иностранным языкам в условиях Академии КНБ» создана модель из 11 ключевых современных методик, позволивших значительно снизить языковой барьер, развить способности применять язык в ситуациях реального взаимодействия, автоматизацию фонетических навыков, развитию беглости речи и эмоционального интеллекта (рис. 1).

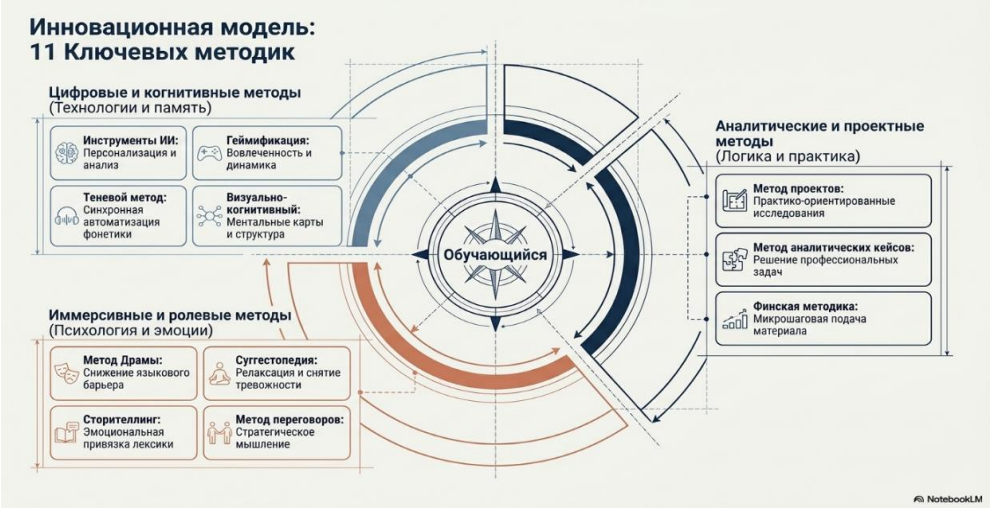

Рис.1 – Модель инновационных методик

В рамках педэксперимента определены наиболее эффективные ИИ-технологии, направленные на развитие навыков письма, чтения, аудирования, говорения и правильного применения лексических единиц и грамматических конструкций (рис. 2).

Рис. 2 – Картография цифровых инструментов

Активное внедрение вышеуказанных методов влияет на мотивацию обучающихся, в частности в экспериментальных группах отмечено устойчивое повышение мотивации (+15–20%), высокое принятие цифровых инструментов и практико-ориентированных форм обучения,

рост вовлечённости за счёт метода драмы, теневого метода и сторителлинга. В контрольных группах мотивация держится на среднем уровне, отмечается рост у курсантов, которым давали элементы цифровых технологий *(даже вне модели эксперимента)*.

Наиболее выражен рост коммуникации и кооперации *(работа в кейсах и проектах)* в экспериментальных группах, наблюдается развитие критического мышления через финский метод, креативность через сторителлинг и мультимодальные задания. В контрольных группах развитие 4К *(коммуникативность, кооперация, критическое мышление, креативность)* проявляется медленнее, особенно в части коммуникации, групповые формы меньше выражены, что снижает динамику.

Английский язык: рост темпов освоения лексики (теневой метод → +25% к объёму усвоенных слов), улучшение беглости речи (мультимодальные задания → +18%), письменная продукция усиливается за счёт структурирования сторителлинга.

Восточные языки: темп ниже, что объясняется объективной морфолого-графической сложностью, но использование мультимодальных материалов (видео, карты иероглифов, тренажёры) заметно ускоряет прогресс.Для сравнения динамики обучения на 2-м курсе (соответствует уровню B1-B1+) важно понимать, что курсанты, изучающие английский язык выходят на «траекторию автоматизации», в то время как курсанты, изучающие восточные языки находятся в фазе «интенсивной технической адаптации». **Выводы.** В итоге цель педэкспериментов достигнута. Преимущество выбранных образовательных технологий, апробированных в рамках педагогических экспериментов в том, что они связаны с обеспечением практико-ориентированного обучения, имеют перспективы и потенциал их применения в условиях Академии КНБ. *Доказательством тому являются проводимые апробации на других курсах повышения квалификации по развитию:*

- личностых, профессиональных, управленческих компетенций с внедрением технологий асинхронного обучения, интерактивных тестов и контрольных заданий, форумов и онлайн-обсуждений, SMART-целеполагания и т.д.;
- аналитических компетенций с использованием технологий «adaptive learning», «learning analytics», «gamification», «microlearning», а также методик с использованием элементов «VR и AR» технологий;
- языковых и коммуникативных компетенций - технологий с использованием искусственного интеллекта.

В перспективе предлагается на постоянной основе апробировать современные образовательные технологии и методики преподавания на всех потоках программ высшего, послевузовского и дополнительного образования в процессе реализации педагогических экспериментов. На основе анализа результатов педагогических экспериментов принимать в реализацию комплекс мер по совершенствованию и эффективности обучения в Академии КНБ.

Список использованной литературы

1. Форум стратегических парнеров «Казахстан территория академического образования» [Электронный ресурс]. – режим доступа: //URL:https://Акorda. KZ. Glava gosudarstva/Официальный сайт Президента Республики Казахстан 2025 (дата обращения: 08.11.2025 года).
2. Казахстан укрепляет статус регионального образовательного центра [Электронный ресурс] – режим доступа://URL:https://www.gov.kz (дата обращения: 08.11.2025 года).
3. **Ковалев С.В.** Психология обучения и профессионального развития. М.: Педагогика, 2021. – 320 с.
4. **Иванова Т.П.** Современные технологии дистанционного обучения. СПб.: Питер, 2020. – 280 с.
5. **Коржова Л.В.** Практический тайм-менеджмент: упражнения и методики. М.: Альпина, 2021. – 240 с.
6. **Петров И.Н.** Управление временем в условиях оперативной деятельности. Астана: Власть, 2022. – 200 с.
7. **Смирнов А.А.** Аналитические методы в профессиональной подготовке. М.: КНОРУС, 2021. – 300 с.
8. **Никифорова Е.С.** Рефлексивное обучение и дневниковые методики. СПб.: Питер, 2020. – 180 с.
9. **Дубровина Л.Ц.** SMART-целеполагание в практике управления. М.: ЮНИТИ, 2020. – 150 с.
10. **Беляев П.П.** Приоритизация задач: ABC-анализ и матрицы. М.: Инфра-М, 2021. – 160 с.
11. **Франклин К.** Эйзенхауэр: методика управления временем. М.: Питер, 2020. – 120 с.
12. **Аллен Д.** Getting Things Done. Искусство продуктивности без стресса. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 350 с.
13. **Захаров С.В.** Кейс-метод в профессиональной подготовке. М.: Академия, 2020. – 210 с.
14. **Гусева Т.А.** Стресс-менеджмент и психофизиологические методы восстановления. СПб.: Питер, 2021. – 200 с.
15. **Чеснокова М.В.** Техника Pomodoro в организации рабочего времени. СПб.: Питер, 2021. – 140 с.
16. **Раев К.С., Абдрахманов Б.У., Рахымбаев У., Жумагулов С.Т., Орумбаева С.М., Анарбек Н., Умирзакова Л.Б., Габдуллин Н.А., Мамакова А.М.** Методические рекомендации по формированию необходимого организационного поведения курсантов и слушателей военных, специальных учебных заведений ОНБ. – Алматы, Академия КНБ РК, 2025. – 80 с.
17. Word Economic Forum Annual Meeting. [Электронный ресурс] // URL: https://Weforum org. (дата обращения: 27.03.2026 года).
18. Цели государственной программы «Цифровой Казахстан» [Электронный ресурс] // URL:// www.gov.kz. (дата обращения:27.03.2026 года).
19. **Седько С.Н.** Развитие аналитических компетенций слушателей Академии КНБ. – Алматы, Академия КНБ РК, 2025. – 55 с.

Сведения об авторах

Алданьярова Мадина Жалауовна *— профессор кафедры управления Академии КНБ РК, кандидат юридических наук.*

Алданьярова Мадина Жалауовна *— ҰҚК Академиясының негіздері кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты.*

Aldanyarova Madina Zhalauovna *— Professor of the Department of Fundamentals of Management Academy of NSC, Candidate of legal science.*

Сулейменова Асель Токтасыновна *— профессор кафедры языковой подготовки Академии КНБ, кандидат филологических наук.*

Сулейменова Асель Токтасыновна *— ҰҚК Академиясының тіл дайындығы кафедрасының профессоры, филология ғылымдарының кандидаты.*

Suleimenova Asel Toktasynovna *— Professor of the Department of Foreign language training Academy of NSC, Candidate of philological science, colonel.*

Сегизбаева Карлыгаш Кадирбековна *— старший преподаватель кафедры языковой подготовки Академии КНБ, магистр педагогики.*

Сегізбаева Карылгаш Кадирбековна *— ҰҚК Академиясының тіл дайындығы кафедрасының аға оқытушысы, педагогика магистрі.*

Segizbaeva Karlygash Kadirbekovna *— Senior lecturer of the Department of Foreign language training Academy of NSC, Master of Pedagogy.*

ЗАМАНАУИ ҚҰҚЫҚТАНУ ТЕХНОСФЕРАСЫ

ТЕХНОСФЕРА СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

TECHNOSPHERE OF MODERN JURISPRUDENCE

УДК *338.2:004.,* ***МРНТИ*** *06.75.02; 10.71.01*

МОЛДАБЕКОВ Б.С.
Вице-министр
национальной экономики Республики Казахстан,
г. Астана, Казахстан

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В статье исследуется трансформация экономической безопасности Республики Казахстан под воздействием цифровизации государственного управления, финансового сектора, торговли и предпринимательства. Раскрывается двойственная природа цифровых технологий как фактора экономического роста и источника новых рисков, включая интернет-мошенничество, финансовые пирамиды, кибератаки, незаконный вывод средств и противоправное использование искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется изменению роли правоохранительных органов, развитию превентивной аналитики, межведомственному обмену данными, блокированию подозрительных транзакций, защите цифровых доказательств и возврату преступных активов. Обосновывается необходимость формирования единого превентивного контура цифровой экономической безопасности с соблюдением правовых гарантий.

Ключевые слова: *экономическая безопасность; цифровизация; цифровая экономика; правоохранительные органы; киберпреступность; интернет-мошенничество; финансовый мониторинг; искусственный интеллект; Антифрод-центр; цифровые доказательства.*

Цифрландыру жағдайындағы Қазақстан Республикасының экономикалық қауіпсіздігі: құқық қорғау органдарының рөлі

Мақалада мемлекеттік басқару, қаржы секторы, сауда және кәсіпкерлік қызметті цифрландыру ықпалымен Қазақстан Республикасының экономикалық қауіпсіздігі мазмұнының өзгеруі зерттеледі. Цифрлық технологиялардың экономикалық өсудің факторы әрі интернет-алаяқтық, қаржы пирамидалары,

кибершабуылдар, қаражатты заңсыз шығару және жасанды интеллектіні құқыққа қайшы пайдалану сияқты жаңа тәуекелдердің көзі ретіндегі қосарлы сипаты ашылады. Құқық қорғау органдары рөлінің өзгеруіне, превентивтік талдауға, ведомствоаралық деректер алмасуға, күмәнді транзакцияларды бұғаттауға, цифрлық дәлелдемелерді қорғауға және қылмыстық активтерді қайтаруға ерекше назар аударылады. Құқықтық кепілдіктерді сақтай отырып, цифрлық экономикалық қауіпсіздіктің бірыңғай превентивтік контурын қалыптастыру қажеттілігі негізделеді.

Кілтті сөздер: *экономикалық қауіпсіздік; цифрландыру; цифрлық экономика; құқық қорғау органдары; киберқылмыс; интернет-алаяқтық; қаржылық мониторинг; жасанды интеллект; Антифрод-орталық; цифрлық дәлелдемелер.*

Economic security of the Republic of Kazakhstan in the context of digitalization: the role of law enforcement agencies

The article examines the transformation of economic security in the Republic of Kazakhstan under the influence of digitalization in public administration, finance, trade, and entrepreneurship. It reveals the dual nature of digital technologies as a driver of growth and a source of risks, including online fraud, financial pyramids, cyberattacks, illicit transfers, and unlawful use of artificial intelligence. Attention is paid to the changing role of law enforcement agencies, preventive analytics, interagency data exchange, blocking suspicious transactions, digital evidence protection, and recovery of criminal assets. The need for a unified preventive framework for digital economic security with legal safeguards is substantiated.

Keywords: *economic security; digitalization; digital economy; law enforcement agencies; cybercrime; online fraud; financial monitoring; artificial intelligence; Anti-Fraud Center; digital evidence.*

Введение

Цифровая трансформация становится одним из ключевых факторов долгосрочной конкурентоспособности национальных экономик. Использование больших данных, искусственного интеллекта, цифровых платформ, электронных платежей и автоматизированных государственных сервисов позволяет повышать производительность труда, сокращать административные издержки, улучшать качество государственных услуг и создавать новые модели предпринимательской деятельности.

Для Республики Казахстан цифровизация имеет стратегическое значение. Государством последовательно формируется нормативная и инфраструктурная основа цифровой экономики. Принятый 9 января 2026 года Цифровой кодекс Республики Казахстан регулирует общественные

отношения, возникающие при создании, обращении, хранении, передаче и использовании цифровых данных и цифровых объектов. Кодекс введен в действие по истечении шести месяцев после его первого официального опубликования [1].

В Послании народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» Президентом Республики Казахстан определена необходимость модернизации экономики на основе масштабной цифровизации и активного внедрения технологий искусственного интеллекта [2].

Постановка проблемы

Вместе с тем, развитие цифровой экономики сопровождается изменением природы угроз экономической безопасности. Экономические правонарушения все чаще совершаются дистанционно, с использованием трансграничной цифровой инфраструктуры, электронных платежных инструментов, подменных абонентских номеров, криптоактивов, социальных сетей, мессенджеров и технологий искусственного интеллекта. В этих условиях традиционные механизмы государственного контроля и уголовного преследования нуждаются в содержательном и технологическом обновлении.

Целью настоящей статьи является определение основных цифровых угроз экономической безопасности Республики Казахстан, раскрытие современной роли правоохранительных органов в их предупреждении и нейтрализации, а также формулирование предложений по развитию межведомственной системы защиты национальных экономических интересов.

Основная часть

Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» рассматривает экономическую безопасность как составную часть национальной безопасности и связывает ее обеспечение с защищенностью национальной экономики от внутренних и внешних угроз, способных нарушить ее устойчивое развитие и экономическую независимость государства [3].

В традиционном понимании угрозами экономической безопасности выступали критическая зависимость от импорта, нестабильность финансовой системы, неэффективное использование бюджетных ресурсов, коррупция, теневая экономика, незаконный вывоз капитала, монополизация рынков и снижение инвестиционной активности. В цифровой среде указанные угрозы не исчезают, но приобретают новые формы и значительно более высокую скорость распространения.

Во-первых, изменяется структура экономических отношений. Значительная часть сделок, платежей, государственных закупок, налоговых процедур, социальных выплат и услуг переводится в электронный формат. По данным Бюро национальной статистики, доля

электронной коммерции в общем объеме розничной торговли Казахстана по итогам 2025 года составила 14,3 процента [4].

Во-вторых, цифровые данные становятся самостоятельным экономическим ресурсом. От качества, полноты, защищенности и законности их использования зависят решения в сфере кредитования, налогообложения, государственных закупок, социальной поддержки, антимонопольного регулирования и распределения бюджетных средств. Манипулирование данными либо неправомерный доступ к ним может повлечь не только нарушение прав отдельных лиц, но и причинение системного ущерба государственным финансам и целым отраслям экономики.

В-третьих, возрастает зависимость экономической деятельности от устойчивости цифровой инфраструктуры. Нарушение работы платежных систем, информационных ресурсов банков, государственных баз данных, логистических платформ, энергетических и телекоммуникационных сетей способно вызвать цепную реакцию экономических потерь.

Следовательно, экономическая безопасность в условиях цифровизации должна пониматься как состояние защищенности не только производственного, финансового и ресурсного потенциала государства, но также его цифровых данных, технологической инфраструктуры, платежной среды и алгоритмических систем управления.

Одной из наиболее распространенных угроз остается интернет-мошенничество. Его общественная опасность определяется не только размером ущерба отдельным гражданам. Массовое распространение мошеннических схем снижает доверие населения к банковским продуктам, электронным государственным услугам, электронной торговле и иным элементам цифровой экономики.

Преступные схемы постоянно адаптируются к новым технологиям. Для завладения денежными средствами используются методы социальной инженерии, поддельные сайты и приложения, фишинговые ссылки, подмена абонентских номеров, ложные инвестиционные предложения, дистанционное оформление кредитов и учетные записи подставных лиц. Технологии генеративного искусственного интеллекта позволяют имитировать голос, изображение и стиль общения конкретного человека, что повышает убедительность противоправного воздействия.

Другой угрозой является использование цифровой финансовой инфраструктуры для легализации преступных доходов. Скорость электронных переводов, возможность последовательного перемещения средств через множество счетов и юрисдикций, применение виртуальных активов и привлечение так называемых «дропперов» затрудняют установление конечного получателя денег и возврат похищенного имущества.

Отдельную группу рисков образуют финансовые пирамиды и нелегальные инвестиционные проекты. Социальные сети, таргетированная реклама и мессенджеры позволяют организаторам одновременно привлекать значительное число вкладчиков, маскировать противоправную деятельность под цифровые инвестиционные платформы, обучение трейдингу или операции с криптоактивами.

К угрозам экономической безопасности относятся также кибератаки на государственные органы, банки, предприятия энергетики, транспорта, связи и промышленности. Их целью может выступать хищение денежных средств, получение конфиденциальной информации, блокирование деятельности организации, вымогательство либо нарушение функционирования критически важной инфраструктуры.

Цифровизация бюджетных и социальных процессов также создает специфические риски. Недостоверные сведения, фиктивные цифровые документы, использование чужих учетных записей и вмешательство в автоматизированные процедуры могут применяться для незаконного получения субсидий, пособий, государственных контрактов и иных выплат. Вместе с тем, правильно организованная цифровизация способна устранять условия для таких правонарушений. Например, Агентство Республики Казахстан по финансовому мониторингу отмечало, что перевод отдельных процедур подтверждения социального статуса на портал электронного правительства позволил исключить ранее использовавшиеся механизмы незаконного назначения адресной социальной помощи [5].

Таким образом, цифровые технологии обладают двойственной природой. Они могут использоваться как средство совершения экономических правонарушений, но одновременно позволяют государству обеспечивать прозрачность операций, выявлять аномальные действия и предупреждать ущерб до его фактического наступления.

В условиях цифровизации роль правоохранительных органов в обеспечении экономической безопасности существенно расширяется. Традиционная модель, при которой государство преимущественно реагирует на уже совершенное правонарушение, не отвечает скорости движения цифровых активов и трансграничному характеру современных преступных схем.

Современная правоохранительная деятельность должна включать четыре взаимосвязанных направления: предупреждение экономических правонарушений; оперативное выявление подозрительных действий; расследование с использованием цифровых доказательств; возмещение ущерба и возврат преступных активов.

Правоохранительные органы должны участвовать в формировании системы раннего выявления экономических угроз. Речь идет не о неограниченном сборе информации, а о законном применении риск-индикаторов к операциям, содержащим объективные признаки противоправной деятельности.

К таким индикаторам могут относиться массовое открытие счетов на взаимосвязанных лиц, поступление средств от большого числа граждан с их последующим быстрым выводом, одновременное направление кредитных заявок в несколько организаций, нетипичное изменение поведения пользователя, использование одного устройства множеством клиентов и повторное применение реквизитов, ранее фигурировавших в мошеннических операциях.

Эффективность указанного подхода подтверждается развитием Антифрод-центра Национального Банка. По состоянию на 1 января 2026 года им зарегистрирован 80 871 инцидент по транзакциям с признаками мошенничества и около 19 810 инцидентов, связанных с наркоторговлей, незаконным игорным бизнесом и финансовыми пирамидами. Своевременно заблокировано 2,8 млрд тенге, более 500 млн тенге возвращено пострадавшим гражданам [6].

Данный опыт показывает, что предотвращение перевода денежных средств является более эффективным механизмом защиты экономических интересов, чем последующий розыск активов, уже распределенных между множеством счетов либо выведенных за пределы страны.

Цифровое экономическое правонарушение редко находится в пределах компетенции одного государственного органа. В его выявлении могут участвовать банки, платежные организации, операторы связи, Национальный Банк, Агентство по регулированию и развитию финансового рынка, Агентство по финансовому мониторингу, органы внутренних дел, прокуратура, налоговые и таможенные органы.

По этой причине принципиальное значение приобретает не количество создаваемых информационных систем, а скорость и качество взаимодействия между уже действующими платформами.

В 2025 году завершен первый этап интеграции Антифрод-центра с информационной системой «Единый реестр досудебных расследований». Такая интеграция упростила регистрацию и документирование правонарушений, усилила прокурорский надзор и ускорила реагирование на подозрительные операции. В единый контур взаимодействия включены участники финансового рынка, Генеральная прокуратура, Министерство внутренних дел и операторы связи [6].

Указанная модель имеет перспективы применения не только в сфере интернет-мошенничества, но и при выявлении незаконного получения государственных субсидий, фиктивного предпринимательства, вывода капитала, уклонения от уплаты налогов, манипулирования государственными закупками и легализации преступных доходов.

Расследование цифровых экономических правонарушений требует специальных знаний в области информационных технологий, финансового анализа, блокчейн-аналитики, телекоммуникаций и цифровой криминалистики.

Создание в Министерстве внутренних дел профильного Департамента по противодействию киберпреступности стало важным институциональным шагом. На подразделение возложены задачи по выявлению и раскрытию киберпреступлений, а также разработке стратегических мер противодействия цифровым угрозам.

При этом, специализация не должна приводить к изоляции киберподразделений от следственных и оперативных служб, занимающихся традиционными экономическими преступлениями. Практически любое сложное хищение, коррупционное преступление или незаконная финансовая операция сегодня содержит цифровой след. Поэтому базовые навыки обнаружения, изъятия, сохранения и исследования цифровых данных должны стать обязательной частью профессиональной подготовки следователей и оперативных сотрудников.

Результативность уголовного преследования во многом зависит от допустимости и достоверности цифровых доказательств. Электронные сообщения, журналы событий информационных систем, сведения о транзакциях, данные геолокации, записи видеонаблюдения и информация с мобильных устройств должны собираться с соблюдением установленной процессуальной формы.

Необходимо обеспечить документирование источника цифровых данных, времени и способа их получения, примененных технических средств, контрольных значений файлов и всей цепочки лиц, имевших доступ к носителю информации. Несоблюдение данных требований создает риск изменения информации и последующего признания доказательств недопустимыми.

По мере внедрения искусственного интеллекта особую актуальность приобретает разграничение автоматизированной аналитической подсказки и процессуального решения. Алгоритм может выявить аномалию или связь между операциями, но решение о начале расследования, применении меры принуждения либо признании лица виновным должно приниматься уполномоченным субъектом на основе совокупности проверенных доказательств.

Обеспечение экономической безопасности требует перехода от ведомственно разобщенной реакции на отдельные правонарушения к постоянному управлению цифровыми рисками.

Представляется целесообразным сформировать единый превентивный контур цифровой экономической безопасности. Он не обязательно предполагает создание новой централизованной базы, аккумулирующей всю информацию о гражданах и организациях. Более рациональной является федеративная модель, при которой данные остаются в информационных системах их законных владельцев, а межведомственное взаимодействие осуществляется посредством строго регламентированных запросов, риск-индикаторов и автоматизированных уведомлений.

Экономический блок Правительства в такой системе должен обеспечивать анализ влияния цифровых угроз на устойчивость отраслей, инвестиционный климат, предпринимательскую активность и государственные финансы. Правоохранительные органы — выявление и пресечение преступных схем, документирование доказательств и розыск активов. Финансовые регуляторы — надзор за устойчивостью платежной инфраструктуры и соблюдением требований финансовыми организациями. Операторы связи и цифровые платформы — оперативное блокирование технических каналов, используемых для мошенничества.

Функционирование контура должно основываться на следующих принципах: законность и целевая обусловленность обработки данных; технологическая нейтральность; оперативность реагирования; проверяемость алгоритмов; межведомственная ответственность; защита прав граждан и предпринимателей.

Приоритетными направлениями совершенствования государственной политики должны стать формирование национальной системы индикаторов цифровых угроз экономической безопасности. В нее целесообразно включить показатели ущерба от киберпреступлений, долю предотвращенных подозрительных операций, сроки блокирования и возврата средств, количество атак на критическую инфраструктуру, объем преступных активов, выявленных в цифровой среде, и уровень защищенности государственных информационных систем.

Вторым направлением является дальнейшее развитие межведомственного взаимодействия. Необходимо обеспечить совместимость информационных систем и единые форматы передачи данных между правоохранительными органами, финансовыми регуляторами, банками, операторами связи и цифровыми платформами.

Следующим направлением должно стать расширение возможностей оперативного приостановления подозрительных транзакций. Действующее законодательство и внутренние процедуры участников финансового рынка должны обеспечивать баланс между скоростью блокирования, судебным и прокурорским контролем, правом собственника на обжалование и необходимостью сохранения денежных средств до установления обстоятельств операции.

Четвертое направление — развитие аналитических подразделений, способных выявлять сложные взаимосвязи между финансовыми операциями, юридическими лицами, цифровыми устройствами, абонентскими номерами и интернет-ресурсами. Искусственный интеллект должен использоваться, прежде всего, для сортировки больших массивов данных и выявления нетипичных моделей поведения, но не для подмены юридической оценки.

Следующим направлением является внедрение принципа «безопасность на этапе проектирования». При создании государственной информационной системы либо цифровой платформы должны заранее

моделироваться возможные способы хищения, подделки данных, неправомерного доступа и обхода контрольных механизмов. Представители правоохранительных органов и специалисты по информационной безопасности должны участвовать в оценке таких рисков до ввода системы в эксплуатацию.

Шестой приоритет — подготовка кадров. Современный специалист в сфере экономической безопасности должен владеть не только правовыми знаниями, но и основами анализа данных, цифровой криминалистики, финансового мониторинга, информационной безопасности и трансграничного сотрудничества.

Еще одно направление связано с повышением цифровой и финансовой грамотности населения. Значительная часть мошеннических схем основана не на преодолении технической защиты, а на психологическом воздействии. Поэтому профилактика должна быть адресной, учитывать возраст, уровень цифровых навыков и наиболее распространенные для каждой группы способы обмана.

И восьмым направлением должно стать укрепление международного сотрудничества. Серверы, организаторы преступных схем, счета получателей и цифровые активы могут находиться в различных государствах. Без оперативного обмена информацией и взаимной правовой помощи национальные меры остаются ограниченными.

Усиление цифрового контроля не должно рассматриваться как самоцель, так как чрезмерное регулирование способно замедлить внедрение инноваций, увеличить издержки предпринимателей и снизить привлекательность юрисдикции для технологических компаний.

По этой причине при разработке мер экономической безопасности необходимо применять риск-ориентированный и пропорциональный подход. Более строгие требования должны предъявляться к операциям, системам и субъектам, способным причинить значительный ущерб государству, гражданам или финансовой стабильности.

Особого внимания требует защита персональных и коммерческих данных. Необходимо определять правовое основание доступа, фиксировать действия пользователей, устанавливать сроки хранения сведений и обеспечивать ответственность за их незаконное использование.

Применение алгоритмических моделей также требует прозрачных правил. Ошибка автоматизированной системы может привести к блокированию законной операции, отказу в услуге или необоснованному включению лица в перечень повышенного риска. Поэтому гражданин или организация должны иметь возможность узнать основание принятого решения и обжаловать его в установленном порядке.

Именно сочетание безопасности, технологического развития и правовых гарантий формирует доверие к цифровой экономике. Без такого доверия цифровизация не сможет полностью реализовать свой потенциал.

Заключение

Цифровизация является объективным условием дальнейшего развития экономики Республики Казахстан. Она повышает эффективность государственного управления, расширяет доступ населения и бизнеса к услугам, способствует развитию электронной торговли и укреплению конкурентоспособности страны.

Одновременно цифровая трансформация меняет структуру экономических угроз. Преступные схемы становятся дистанционными, трансграничными и технологически сложными, а период между совершением противоправной операции и окончательным выводом активов сокращается до нескольких минут.

В этих условиях роль правоохранительных органов не может ограничиваться расследованием последствий. Она должна включать превентивную аналитику, оперативный обмен данными, блокирование подозрительных операций, защиту критической инфраструктуры, исследование цифровых доказательств и возврат преступных активов.

Стратегической задачей является формирование единого превентивного контура цифровой экономической безопасности. Такой контур должен объединить возможности государственных органов, финансовых институтов, операторов связи и цифровых платформ, сохранив при этом правовые гарантии защиты персональных данных, предпринимательской свободы и законных интересов граждан.

Экономическая безопасность в цифровую эпоху обеспечивается способностью государства своевременно распознавать угрозы, принимать обоснованные решения и превращать цифровые технологии из инструмента противоправной деятельности в механизм прозрачности, предупреждения и защиты национальных интересов.

Список использованной литературы

1. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255
2. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K25002025_1
3. О национальной безопасности Республики Казахстан : Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527
4. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Об электронной коммерции в Республике Казахстан [Электронный ресурс]. – Астана, 2026. – URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/local-market/publications/346330/
5. Агентство Республики Казахстан по финансовому мониторингу. АФМ выявлены преступные схемы получения социальных выплат на сумму свыше 1 млрд тенге [Электронный ресурс]. – 8 сентября 2025 г. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/afm/press/news/details/1063262?lang=ru
6. Национальный Банк Республики Казахстан. Итоги работы Антифрод-центра: заблокированы подозрительные операции на 2,8 млрд тенге [Электронный ресурс] // Национальный Банк

Республики Казахстан : официальный интернет-ресурс. – 4 февраля 2026 г. – URL: https://nationalbank.kz/ru/news/informacionnye-soobshcheniya/18571

Сведения об авторах

Молдабеков Бекболат Серикович *— Вице-министр национальной экономики Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан*

Молдабеков Бекболат Серікұлы *— Қазақстан Республикасы ұлттық экономика вице-министрі, Астана қ., Қазақстан Республикасы*

Bekbolat Serikovich Moldabekov — *Vice Minister of National Economy of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan.*

UDC *343.98:004.9.,* ***IRSTI*** *10.85.51*

MEDIYEV R.A.
Orleu center for innovative technologies LLP, Astana, Republic of Kazakhstan
KZYLKHODZHAEVA A.A.
Institute of state and law, National academy of sciences, Bishkek, Kyrgyz Republic

AUTOMATED IDENTIFICATION OF SURVEILLANCE CAMERAS BASED ON CRIME SCENE GEOLOCATION AS A MEANS OF ENHANCING CRIME DETECTION EFFICIENCY

The article examines the use of geospatial technologies to improve crime detection through the automated identification of surveillance cameras located near a crime scene. The purpose of the study is to substantiate the applicability of a geoinformation system for the rapid search of potential video evidence sources and the development of a digital support tool for investigators and operational units. The methodological framework includes the analysis of regulatory documents, comparative legal analysis, system approach and modeling methods. As a result, a conceptual architecture of the system was developed, including a surveillance camera registry, spatial search based on crime scene coordinates, and automated retrieval of information about camera owners. The findings demonstrate that the geospatial approach can significantly reduce the time required to identify video information sources and improve the efficiency of the initial stage of criminal investigation. The practical significance of the study lies in the possibility of integrating the proposed solution into the existing information systems of law enforcement agencies of the Republic of Kazakhstan.

Key words: *geolocation; surveillance; crime; investigation; digitalization; geoinformation; evidence; automation.*

Қылмыстарды ашу тиімділігін арттыру құралы ретінде оқиға орнының геолокациясы бойынша бейнебақылау камераларын автоматтандырылған анықтау

Мақалада оқиға орнына жақын аумақта орналасқан бейнебақылау камераларын автоматтандырылған түрде анықтау арқылы қылмыстарды ашу тиімділігін арттыру мақсатында геоақпараттық технологияларды қолдану мәселелері қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – бейнедәлелдердің ықтимал көздерін жедел іздеуге және

тергеуші мен жедел бөлімшелердің қызметін цифрлық қолдау құралы ретінде пайдалануға арналған геоақпараттық жүйенің мүмкіндіктерін негіздеу. Зерттеу барысында нормативтік құқықтық актілерді талдау, салыстырмалы-құқықтық әдіс, жүйелік тәсіл және модельдеу әдістері қолданылды. Нәтижесінде бейнебақылау камераларының тізілімін қалыптастыруды, оқиға орны координаттары бойынша кеңістіктік іздеуді және камера иелері туралы мәліметтерді автоматтандырылған түрде алуды қамтамасыз ететін жүйенің тұжырымдамалық архитектурасы әзірленді. Геоақпараттық тәсілді пайдалану бейнеақпарат көздерін анықтау уақытын қысқартып, тергеудің бастапқы кезеңінің тиімділігін арттыруға мүмкіндік беретіні анықталды. Зерттеудің практикалық маңызы ұсынылған шешімді Қазақстан Республикасы құқық қорғау органдарының қолданыстағы ақпараттық жүйелерімен ықпалдастыру мүмкіндігімен айқындалады.

Кілтті сөздер: *геолокация; бейнебақылау; қылмыс; тергеу; цифрландыру; геоақпарат; дәлелдеме; автоматтандыру.*

Автоматизированное выявление камер видеонаблюдения по геолокации места происшествия как средство повышения эффективности раскрытия преступлений

В статье рассматриваются вопросы использования геоинформационных технологий для повышения эффективности раскрытия преступлений посредством автоматизированного выявления камер видеонаблюдения в районе места происшествия. Цель исследования заключается в обосновании возможностей применения геоинформационной системы для оперативного поиска потенциальных источников видеодоказательств и формирования цифрового инструмента поддержки деятельности следователя и оперативных подразделений. Методологическую основу исследования составили анализ нормативных правовых актов, сравнительно-правовой метод, системный подход и моделирование. В результате разработана концептуальная архитектура системы, предусматривающая формирование реестра камер видеонаблюдения, пространственный поиск объектов по координатам места происшествия и автоматизированное получение сведений о владельцах камер. Установлено, что применение геоинформационного подхода позволяет сократить время выявления источников видеоинформации и повысить эффективность первоначального этапа расследования. Практическая значимость исследования заключается в возможности интеграции разработанного решения с существующими информационными системами правоохранительных органов Республики Казахстан.

Ключевые слова: *геолокация; видеонаблюдение; преступность; расследование; цифровизация; геоинформатика; доказательства; автоматизация.*

Introduction

In the context of the active digital transformation of public administration and law enforcement, the use of modern information technologies to prevent and solve crimes is becoming particularly relevant. In the Republic of Kazakhstan, accelerated digitalization has been identified as a key area of state policy and is consistent with the provisions of the Concept of Digital Transformation, Development of the Information and Communications Technology Industry, and Cybersecurity for 2023–2029 [9]. In his Address to the People of Kazakhstan, President of the Republic of Kazakhstan K.-Zh. Tokayev noted the need for the comprehensive implementation of digital technologies and artificial intelligence in the activities of government agencies [1], which is consistent with the objectives set out in the Concept of Artificial Intelligence Development for 2024–2029 [10]. The significance of this area was further confirmed by the declaration of 2026 as the Year of Digitalization and Artificial Intelligence in the Republic of Kazakhstan [2]. The development of the «smart city» and «smart region» concept envisions the widespread use of digital infrastructure, video surveillance systems, geoinformation technologies, and intelligent analytics platforms to ensure public safety [3]. In recent years, the number of CCTV cameras owned by government agencies, businesses, and individuals has increased significantly in major cities in Kazakhstan. Video recordings remain one of the most sought-after sources of evidence in crime investigations.

However, current practice shows that at the initial stage of an investigation, investigators or operational officers often lack information about the location of CCTV cameras located near the crime scene, their field of view, or the owners of the relevant systems. Significant time is spent independently canvassing the area, identifying potential sources of video recordings, and submitting inquiries to camera owners. Given the limited storage periods of recordings in many CCTV systems, such time expenditures can lead to the loss of valuable evidence. Similar issues have been noted by foreign researchers examining the use of geospatial databases of CCTV cameras for law enforcement [4].

Despite the active development of digital solutions in public safety, automated detection of CCTV cameras based on the geolocation of a crime scene has been understudied in the domestic scientific literature. Comprehensive approaches are lacking that would automatically generate a list of cameras located within a specified radius of a crime scene, determine their potential significance for the investigation, and ensure prompt acquisition of information about the owners of the corresponding CCTV systems. In the context of the implementation of national digitalization policies, this area is of both scientific and practical interest.

The purpose of this study is to substantiate the feasibility of using a geospatial information system for automated detection of CCTV cameras based on the geolocation of a crime scene to improve the effectiveness of crime detection, as well as to develop conceptual approaches to the development of a digital tool to support the work of investigators and operational units during the initial stage of an investigation.

Materials and Methods

The theoretical basis of the study was formed by regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan in the field of digitalization of public administration, including the Law of the Republic of Kazakhstan «On Informatization» [7], the Address of the President of the Republic of Kazakhstan «Kazakhstan in the Era of Artificial Intelligence...» [1], the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan declaring the Year of Digitalization and Artificial Intelligence [2], and the Methodology for Building «Smart Cities» and «Smart Regions» [3]. The empirical base was formed by the results of international studies on the use of geographic information systems, spatial analysis of crime, and video surveillance technologies to ensure public safety [4;5], as well as materials dedicated to the digital transformation of law enforcement agencies in the Republic of Kazakhstan [6].

The study utilized general and specialized scientific methods. The analytical method was applied to examine domestic and foreign scientific publications on the digitalization of law enforcement and the use of geographic information technologies in crime investigations. A comparative legal method was used to compare existing approaches to organizing the search for video sources. The modeling method allowed for the development of a conceptual architecture for a geographic information system for the automated detection of CCTV cameras based on crime scene coordinates. Elements of a systems approach were used to identify the relationships between geodata, video surveillance databases, and the information systems of law enforcement agencies in the Republic of Kazakhstan.

Results

During the study, a conceptual model of an automated system for identifying CCTV cameras based on the geolocation of a crime scene was developed. The proposed solution is based on the integration of geoinformation technologies, digital mapping services, and a CCTV camera database with the ability to spatially search for objects within a specified radius of the crime scene coordinates.

The system's functional structure provides for the creation of a unified registry of CCTV cameras, specifying the following parameters: geographic coordinates, location address, camera ownership, field of view, installation height, equipment specifications, video storage periods, and owner contact information. A similar approach to organizing a spatial database of CCTV cameras was implemented in the CSCameras project [5], designed to support law enforcement agencies through the use of GPS coordinates and geospatial search for video cameras [5].

Based on an analysis of existing solutions, a data processing sequence was developed for receiving information about an incident. After determining the coordinates of the crime scene, the system automatically searches for cameras within a specified radius, generates a map of the location of video surveillance objects, and displays information about potentially relevant video data sources. A similar spatial search mechanism is used in foreign systems, where, after determining the user's GPS coordinates, a map is displayed with the nearest video surveillance cameras and information about their owners [5].

To assess the practical applicability of the proposed approach, the functionality of traditional and automated methods for detecting video surveillance cameras was compared.

Table 1. Comparison of video surveillance camera detection methods (compiled by the authors).

Indicator	Traditional Method	Automated method
Search for cameras in the area	Visual Walkthrough	Automatic search by coordinates
Determine the camera owner	On-Site Inquiries and Surveys	Retrieving information from the database
Determine the viewing area	Visual Assessment	Displaying camera parameters
Get a list of available cameras	Sequential	Automatic
Create a camera map	None	Automatic
Use geodata	Limited	Full

An analysis of international experience demonstrated that the use of geoinformation technologies and spatial analysis enables the identification of CCTV cameras using crime scene coordinates and a specified search radius. In a study by M.S. Eran and H. Hasranizam, spatial crime analysis methods and 70-meter-radius buffer zones around cameras were used to analyze the effectiveness of CCTV systems. A total of 93,462 recorded crimes and 255 CCTV cameras were analyzed in the study area [4].

The authors' results demonstrated a statistically significant relationship between the spatial placement of CCTV cameras and crime distribution. The model's coefficient of determination was $R^2 = 0.43$ [4], indicating a measurable relationship between the variables under study. The model's significance was confirmed by an F-statistic of 11.75 at $p < 0.01$.

Additionally, the results of using intelligent CCTV cameras with facial recognition were examined. According to published data, following the implementation of the system, a decrease in the number of registered crimes in the controlled area was observed: from 9 cases in the second half of 2021 to 3 cases in the first quarter of 2022 and to 2 cases in the second and third quarters of 2022 [4].

Table 2. Dynamics of registered crimes after the implementation of intelligent video surveillance (compiled based on data from [4])

Period	Number of crimes
July–December 2021	9
January–March 2022	3
April–June 2022	2
July–September 2022	2

An analysis of regulatory documents in the Republic of Kazakhstan revealed that the development of a digital public safety infrastructure is one of the key areas for building «smart cities» and «smart regions», which form part of a unified digital governance ecosystem [3]. Public safety has been identified as a priority area of digitalization, encompassing the integration of digital systems, situation centers, and analytical platforms into a unified digital governance ecosystem.

Thus, the results of the study allowed us to develop the architecture of an automated system for identifying CCTV cameras based on the geolocation of crime scenes, determine the composition of the necessary spatial data, and establish the feasibility of using geoinformation technologies to quickly search for potential sources of video evidence for crime detection.

Discussion

These results demonstrate the potential of using a geoinformation approach for automated detection of CCTV cameras based on crime scene coordinates. Unlike traditional practices, which involve visual inspection of the area and independent searches for potential sources of video evidence, the proposed system provides rapid information on the location of cameras and their owners based on spatial analysis of geodata.

These findings are consistent with the results of international studies devoted to the use of geoinformation systems in public safety. For example, a study by M.S. Eran and H. Hasranizam established a statistically significant relationship between the spatial placement of CCTV cameras and crime rates, and confirmed the effectiveness of GIS technologies for analyzing crime conditions and supporting decision-making in security [4]. The authors emphasize that the integration of spatial data and video surveillance systems allows for more efficient allocation of law enforcement resources and real-time monitoring of crime conditions [4]. The results of this study also correlate with the concept of the CSCameras geospatial CCTV camera database, developed to support law enforcement. According to published materials, the use of GPS coordinates of the crime scene and automated display of nearby cameras can significantly reduce the time required to search for potential sources of video evidence and improve the effectiveness of initial investigative actions [5]. A similar approach forms the basis of the proposed model for automated CCTV camera detection.

The practical significance of the proposed solution is particularly significant during the initial stage of crime investigation, when time plays a decisive role.

In forensic literature, this period is often characterized as the "golden hour" of the investigation, during which the likelihood of detecting and preserving evidentiary information is highest [5]. Given the limited storage time of video recordings at many CCTV facilities, the prompt identification of cameras can facilitate the timely seizure of video footage and prevent its loss.

From the perspective of law enforcement practice in the Republic of Kazakhstan, the proposed approach is consistent with the main directions of state policy in the field of digitalization and the development of intelligent security systems [1; 6]. Currently, video surveillance hardware and software systems, including the Sergek system, are operational in major cities across the country, including the internal affairs agencies' operational control centers, and the akimats' situation centers. However, these systems are primarily focused on monitoring traffic conditions, public order, and automated offense recording. Their potential for use as a unified tool for searching for all potential sources of video evidence in the area of a crime scene remains limited.

The proposed geographic information system can be considered as an additional digital module supporting the work of investigators and operational units. Integration of such a solution with the Unified Register of Pre-Trial Investigations (URPTI) [11], the information systems of internal affairs agencies, and existing video surveillance networks will automate the process of compiling a list of cameras in the crime scene and ensure centralized recording of video information sources.

The proposed system is also consistent with the development of electronic criminal proceedings and the digitalization of procedural activities of law enforcement agencies in the Republic of Kazakhstan [12]. A strength of the study is the interdisciplinary nature of the proposed approach, which combines the capabilities of geoinformation technologies, digital cartography, forensics, and information support for crime investigation. An additional advantage is the ability to utilize existing video surveillance infrastructure without the need to install significant new equipment. This approach is consistent with the principles of rational use of public resources and the «smart city» concept [3].

However, the study has several limitations. This study proposes a conceptual model of the system without practical testing using existing information systems of law enforcement agencies in the Republic of Kazakhstan. Furthermore, the effectiveness of the system directly depends on the completeness and relevance of the CCTV camera database, as well as the level of interaction between government agencies, businesses, and owners of private video surveillance systems.

Compliance with the requirements of the legislation of the Republic of Kazakhstan on the protection of personal data is of particular importance [8].

A promising direction for further research is the development of a software prototype of the system, followed by a pilot implementation in the operating conditions of territorial divisions of the internal affairs agencies of the Republic of Kazakhstan. Further study is required on the issues of automated detection

of camera coverage areas, predicting suspect routes, and integrating artificial intelligence technologies to improve the efficiency of video data analysis.

Conclusion

The conducted study confirmed the feasibility of using a geoinformation system for the automated identification of CCTV cameras based on the geolocation of the crime scene as an effective tool for information support in crime investigations. It was found that the use of spatial analysis and integration of camera location data can significantly reduce the time required to search for potential sources of video evidence at the initial stage of an investigation, which is particularly important given the limited storage period for video recordings. The results of the study are consistent with the findings of foreign authors on the high efficiency of using geoinformation technologies and video surveillance systems in the field of public safety [4; 5], and are also in line with modern trends in the digital transformation of law enforcement activities in the Republic of Kazakhstan [1; 3; 6]. The proposed conceptual model can be used as a basis for developing a specialized software solution integrated with the information systems of internal affairs agencies, the Unified Register of Pre-Trial Investigations, and the existing video surveillance infrastructure. Implementation of this approach will facilitate the rapid acquisition of evidentiary information, improve crime detection mechanisms, and further advance digital technologies in the law enforcement system of the Republic of Kazakhstan.

References

1. Address of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan dated September 8, 2025, «Kazakhstan in the Era of Artificial Intelligence: Current Tasks and Their Solutions through Digital Transformation» [Electronic resource] - Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K25002025_1 (accessed on May 30, 2026).
2. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 1151 «On declaring the Year of Digitalization and Artificial Intelligence» dated January 6, 2026. [Electronic resource] - Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2600001151 (accessed on May 30, 2026).
3. Order of the Deputy Prime Minister – Minister of Artificial Intelligence and Digital Development of the Republic of Kazakhstan No. 141/НҚ "On Approval of the Methodology for Building «Smart Cities» and «Smart Regions» dated March 13, 2026 [Electronic resource] - Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G26IPM00141 (accessed May 30, 2026).
4. **Eran M.S., Hasranizam H.** Efficiency of Crime Prevention Using GIS Technologies and Video Surveillance Systems for a "Smart City" // Advances in Geoinformation Technologies: Optimization and Management of Facilities and Utilities for Application in "Smart Cities". - Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. - pp. 59-75.
5. **Marks M.** More efficient use of existing CCTV cameras // eForensics magazine and courses. - Vol. 11. - No. 4. - 2022. - P. 5-11.
6. **Mediyev R.A., Erlikhanov A.S.** From Code to Digitalization: Transformation of the Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan // Proceedings of the international scientific and practical conference of the Coordinating Council of Prosecutors General of the CIS Member States. - Moscow, 2025. - P. 89-98.
7. Law of the Republic of Kazakhstan No. 418-V ZRK «On informatization» dated November 24, 2015. [Electronic resource] - Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418 (accessed on May 30, 2026).
8. Law of the Republic of Kazakhstan No. 94-V «On Personal Data and Its Protection» dated May 21, 2013. [Electronic resource] - Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094 (date of access on May 30, 2026).

9. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 269 «On approval of the Concept of digital transformation, development of the information and communication technology industry and cybersecurity for 2023-2029». [Electronic resource] - Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269 (date of access on May 30, 2026).
10. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 592 «On approval of the Concept of artificial intelligence development for 2024-2029». [Electronic resource] - Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592 (date of access 05/30/2026).
11. Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan No. 89 «On approval of the Rules for maintaining the Unified Register of Pre-trial Investigations» dated September 19, 2014. [Electronic resource] - Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744 (date of access 05/30/2026).
12. Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan No. 2 «On approval of the Instruction on conducting criminal proceedings in electronic format» dated January 3, 2018. [Electronic resource] - Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268 (accessed 05/30/2026).

Author Information/
Автор туралы мәлімет/
Сведения об авторах

Mediyev Renat Amangeldyevich *— Deputy director of the center for innovative technologies «Orleu» LLP, Astana, Republic of Kazakhstan, Doctor (PhD), Associate Professor,* ***e-mail: rina_okp@mail.ru****.*

Медиев Ренат Амангельдіұлы *— «Өрлеу» инновациялық технологиялар орталығы ЖШС-нің директорының орынбасары, (PhD) докторы, қауымдастырылған профессор (доцент), Астана қ., Қазақстан Республикасы.*

Медиев Ренат Амангельдыевич *— заместитель директора ТОО «Центр инновационных технологий «Өрлеу», г. Астана, Республика Казахстан, доктор (PhD), ассоциированный профессор (доцент), Астана, Казахстан.*

Kzylkhodzhaeva Aysaulem Amangeldikyzy *– applicant of the Institute of state and law of the National academy of sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic, Master of Laws,* ***e-mail: aisaylem@mail.ru****.*

Қызылходжаева Айсәулем Амангелдіқызы *– Қырғыз Республикасы Ұлттық Ғылым академиясының Мемлекет және құқық институтының ізденушісі, заң ғылымдарының магистрі, Бішкек қ., Қырғыз Республикасы.*

Кзылходжаева Айсәулем Амангелдіқызы *– соискатель Института государства и права Национальной академии наук Кыргызской Республики, магистр юридических наук., г.Бишкек, Кыргызская Республика.*

ҒЫЛЫМИ ДЕБЮТ

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

SCIENTIFIC DEBUT

UDC 37.8, IRSTI 14.15

IBYZHANOVA G.B.
Aktobe Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbaev, Aktobe, Kazakhstan

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF YOUNG TEACHERS

The article examines the professional competence of young teachers as a key factor in their successful career development and effective pedagogical activity. It highlights the importance of continuous improvement through self-education, participation in scientific research, and collaboration with colleagues. The study analyzes different approaches to defining competence — personal, systemic, and competence-based — and identifies its main structural elements, including methodological, socio-pedagogical, psychological, and autopedagogical components. Special attention is given to the levels of competence development, types of pedagogical activity, and the role of modern educational infrastructure in shaping professional skills. The conclusion emphasizes that professional competence is a dynamic and lifelong process, essential for adapting to new educational standards and ensuring high-quality teaching.

Keywords: *professional competence, education, teacher, competencies, professional activity, continuing education.*

Формирование профессиональной компетентности молодых преподавателей

В статье рассматривается профессиональная компетентность молодых преподавателей как ключевой фактор их успешной карьеры и педагогической деятельности. Подчеркивается необходимость постоянного совершенствования через самообразование, участие в научных исследованиях и сотрудничество с коллегами. Анализируются различные подходы к определению компетентности — личностный, системный и компетентностный, а также выделяются её основные структурные элементы: методические, социально-педагогические, психологические и автопедагогические. Особое внимание уделяется уровням развития компетентности, видам педагогической деятельности и роли современной образовательной инфраструктуры

в формировании профессиональных навыков. В заключении отмечается, что профессиональная компетентность является динамичным и непрерывным процессом, необходимым для адаптации к новым образовательным стандартам и обеспечения качественного обучения.

Ключевые слова: *профессиональная компетентность, образование, спортивный педагог, компетенции, профессиональная деятельность, непрерывное образование.*

Жас оқытушылардың кәсіби құзыреттілігін қалыптастыру

Мақалада жас оқытушылардың кәсіби құзыреттілігі олардың табысты мансабы мен педагогикалық қызметінің негізгі факторы ретінде қарастырылады. Үздіксіз өзін-өзі жетілдіру, ғылыми зерттеулерге қатысу және әріптестермен ынтымақтастықтың маңызы ерекше атап өтіледі. Құзыреттілікті анықтаудың әртүрлі тәсілдері – тұлғалық, жүйелік және құзыреттілікке негізделген бағыттар талданады, сондай-ақ оның негізгі құрылымдық элементтері: әдістемелік, әлеуметтік-педагогикалық, психологиялық және автопедагогикалық құрамдастары көрсетіледі. Құзыреттіліктің даму деңгейлеріне, педагогикалық қызмет түрлеріне және кәсіби дағдыларды қалыптастырудағы заманауи білім беру инфрақұрылымының рөліне ерекше назар аударылады. Қорытындыда кәсіби құзыреттілік жаңа білім беру стандарттарына бейімделу және сапалы оқытуды қамтамасыз ету үшін қажет үздіксіз әрі динамикалық процесс екендігі баса айтылады.

Кілтті сөздер: *Кәсіби құзыреттілік, білім беру, спорт педагогы, Құзыреттілік, кәсіби қызмет, үздіксіз білім беру.*

Introduction

The professional competence of young teachers is an important component of their successful work. It includes knowledge and skills in the field of pedagogy, psychology, theory and teaching methods, as well as the ability to apply this knowledge in practice.

Young teachers must constantly improve their professional competencies in order to be in demand on the labor market and successfully fulfill their duties. To do this, you need to regularly improve your skills, participate in scientific and practical conferences and seminars, as well as study the experience of colleagues from other countries and regions. An important aspect of the professional competence of young teachers is the ability to work with students. They should be ready to find an individual approach to each student, taking into account his interests and needs, as well as to help him develop [1].

In addition, young teachers should have communication skills that will allow them to effectively interact with colleagues, the university administration and students. This will help to create a favorable atmosphere in the team and increase the level of trust in the teacher on the part of students.

In general, the professional competence of young teachers is a key factor in their successful careers and fulfilling their duties. The constant development and improvement of their knowledge and skills will allow them to become a sought-after specialist in the labor market and make a significant contribution to the development of a young police officer [2].

The activity of a teacher at the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan has a multifactorial pedagogical character and represents a complex system of general and specific educational tasks. It is important for a teacher to link the educational activities of students with national tasks, to orient students to the need to engage in practical exercises throughout their lives.

The problem of developing a teacher's professional competence is complex and has great social and educational significance (the requirements of new educational standards).

In the modern theory of professional personality education, the key approach to defining the concept of "professional competence" is the competence approach. Many researchers consider professional competence through the personal qualities of a teacher [3].

Problem statement

The traditional definition of a competent person as knowledgeable, knowledgeable, and authoritative in any field is the basis of the approach to knowledge. Professional competence is the possession of the necessary amount of knowledge, skills and abilities that determine the formation of pedagogical activity, pedagogical communication and the personality of a teacher as a bearer of certain values, ideals and pedagogical consciousness [4].

The personal approach defines professional competence as the state of a teacher's personality, a combination of his psychological qualities. He puts the self-development of the teacher's personality at the forefront, without taking into account the significant influence of the socio-professional environment [4]. The system approach considers professional competence as a systemic phenomenon. The description of professional competence as a system object will allow us to see it as an integrity, its structural elements, their internal organization, and features of functioning. Consideration of professional competence as an integral integral characteristic of a specialist leads to the identification of personal capabilities from the perspective of its development prospects.

According to the competence approach, the professional competence of a specialist should be considered by us as an integral professional and personal characteristic determined by the focus of pedagogical activity, the components of this activity and the personality structure of the teacher. A feature of the

competence approach in modern pedagogy is the operation of two concepts – competence and competence [5].

Professional competence is competence based on a person's stable ability to engage in professional activity with knowledge, which consists of a deep understanding of the nature of the professional tasks and problems being solved, work experience, and the ability to choose means and methods of professional action.

Competence is the ability to act independently and responsibly within the framework of one's competence in accordance with one's rights, duties and the area of professional tasks to which the necessary powers apply. The competence of a specialist is determined by the charters, regulatory documents of an organization or enterprise and is reflected in the job description [4].

Thus, the concept of «competence» is used when talking about the totality of powers, rights and duties granted by law, charter or other act to a specific body or official.

The main elements of the concept of «professional competence» of a teacher are a high level of general and pedagogical culture, a humanistic orientation, professional and moral qualities, a system of professional knowledge and skills, pedagogical abilities, creativity [6].

Most modern research uses elements of a teacher's professional competence, highlighted by N.V. Kuzmina in such substantive areas:

- special competence in the field of the discipline being taught (includes knowledge, qualifications, experience);
- methodological competence (includes mastery of various teaching methods, knowledge of didactic techniques and the ability to apply them in practice);
- socio-pedagogical competence (includes knowledge of the technology of building the process of communication with students);
- differential psychological competence (includes the ability to identify the area of motives, abilities and orientation of students);
- autopedagogic competence (the ability to realize the level of one's own activity, self-improvement) [7].

The need to consider the components of a teacher's professional competence and, consequently, the directions of its development arose during the transition of the modern educational system to a personality-oriented paradigm to the educational standards of a new generation, which are based on the requirement for the formation of a competent personality. According to these educational systems, they should be flexible and adaptive in order to ensure the development of human competence throughout life [8].

In modern society, a teacher is in demand who is able to constantly improve his personality, systematically expand his knowledge, skills, and master the skills of his field of activity. The development of professional competence is the acquisition of additional knowledge in a basic specialty and

the improvement of professional skills based on understanding one's own activities in the light of the acquired knowledge [9].

Taking into account the functions and realized abilities, the professional activity of a teacher can be divided into the following types:

- gnostic, reflecting the ability to analyze specialized literature, identify the essential, make generalizations; adequately assess the condition of athletes, find the causes of errors and difficulties; reflection on their own activities and those of students.

- design, which ensures the strategic orientation of the teacher's activities and manifests itself in the ability to focus on the ultimate goal, and establish the necessary interrelationships of their psychological and pedagogical influences with all the components of their development;

- constructive, ensuring the implementation of tactical goals, the choice of adequate forms of classes, the definition of the most rational ways of activity and the exact observance of patterns of planning the content of classes;

- organizational, which is the implementation of projects and plans in practice, as well as a condition for the purposeful and realistic design of pedagogical tasks;

- communicative, ensuring the exchange of information between participants in the educational process.

All these types of activities are implemented in interrelation with each other and are improved in the process of accumulating professional experience and the level of development of professional competence of the teacher [10].

It is possible to divide the levels of development of a teacher's professional competence, each of which includes the previous one and is characterized by qualitative changes in the structure of knowledge and skills – reproductive, adaptive, locally modeling, system modeling, personality modeling.

The analysis of the levels of teacher's pedagogical activity and the dynamics of system-forming connections shows that the reproductive, adaptive and locally modeling levels of teacher's activity do not ensure the unity of goals, means and results, which negatively affects the realization of the ultimate goal of the pedagogical system; the main condition for ensuring stable communication in the pedagogical system is the system-modeling and personality-modeling levels of activity.

The formation of pedagogical thinking allows young teachers to make informed decisions and anticipate possible problems in the learning process. The development of the ability to pedagogical forecasting helps to effectively plan the educational process, adjust it depending on the results and needs of cadets.

Independent work of cadets, participation in scientific circles and research activities contribute to the deepening of knowledge, the development of critical thinking and analytical abilities. This allows young teachers to constantly improve and adapt to new requirements and trends in pedagogy.

As part of the subject training, cadets master a range of subject and general professional competencies, which is the basis of their professional

competence. These competencies include knowledge of the specifics of law enforcement activities, teaching and training methods, as well as the ability to apply modern pedagogical technologies.

The availability of qualified teaching staff with high pedagogical and scientific potential is an important indicator of the quality of education. Professors and teachers with experience in the pedagogical field can share practical knowledge and techniques, which contributes to the professional development of young specialists [11].

The modern educational and laboratory base allows students and teachers to conduct practical classes at a high level. This includes the availability of specialized gyms, laboratories, training grounds, exercise complexes, as well as equipment for conducting scientific research and experiments.

Practical activity allows cadets to apply the acquired knowledge in practice, adapt to real working conditions and receive feedback from experienced specialists.

Participation in research projects and conferences contributes to the development of scientific thinking and professional skills. This allows young teachers not only to gain new knowledge, but also to share their achievements with colleagues.

In modern society, a teacher is in demand who is able to continuously improve his personality, expand knowledge, skills, and master new fields of activity. Within the framework of research in this area, the concept of «professional competence development» is being developed. The development of professional competence is the acquisition of additional knowledge in a basic specialty and the improvement of professional skills based on understanding one's own activities in the light of the acquired knowledge.

Conclusions

The practice of special physical education is characterized by a partial transition to continuing education. There is a system of various educational institutions that develop the competence of a specialist. Faculties and professional retraining and advanced training courses are an important element of this system. An important direction for increasing the effectiveness of developing the professionalism of a physical education teacher is the activation of training in advanced training institutions.

The development of the professional competence of a physical education teacher within the framework of institutes and advanced training courses allows for training by highly qualified specialists using the latest technologies, but does not ensure the implementation of the acquired knowledge in professional activities and the continuous growth of the teacher's professional competence.

Therefore, it can be assumed that the development of a teacher's professional competence is most effective in the presence of a professional development system. The main elements of this system are multi-level educational institutions, institutes and professional development courses, self-

education and distance learning, and intra-university professional development.

The conceptual basis of this system is the creation of a flexible educational environment within an educational institution based on the teacher's self-educational activities and ensuring the continuous development of the teacher's professional competence in the course of his professional activity, taking into account his personal characteristics.

At the same time, when building this educational system, it is most rational to consider the competence of a teacher from the point of view of a competence approach as an integral professional and personal characteristic determined by the focus of pedagogical activity, the components of this activity and the structure of the teacher's personality.

The competence approach is an approach to the educational process, primarily from the perspective of its expected results, expressed in the form of competencies. It also assumes the active influence of this form on the selection of content and the design of technologies for the implementation of the educational process.

Participation in research activities contributes to the improvement of the level of professionalism. In particular, young teachers participating in scientific projects note improvements in their analysis skills and the application of theoretical knowledge in practice.

Thus, high-quality education and practical training play an important role in shaping the professional competence of young teachers. They enable them to perform their duties effectively, adapt to new requirements, and contribute to the development of pedagogy.

The formation of a teacher's professional competence is a continuous process that requires effort and self-discipline. However, the constant development and improvement of their skills and knowledge will improve the quality of the training process and achieve better results.

When entering professional activity, a young teacher is presented with a number of requirements that he knows or should strive to master: understanding the work of the police psyche and the ability to manage it, the ability to set clear goals for certain tasks, taking into account the level of training and explain how to properly perform routine tasks.

References

1. **Bazhin, A.S.** Career and professional competencies of specialists. Moscow: Higher education today, 2007. 209 pp.
2. **Bavtryukov, I.A.** On the psychological readiness of future specialists in physical culture and self-acceptance in the educational field. 2014. № 3 (59). S. 36-38.
3. **Dmitrieva, O.B.** Formation of psychological readiness of young specialists for professional activities. Moscow: INGN. 2005. 145 s.
4. **Marinchenko, K.A.** Formation of competence of professional and personal self-improvement of future teachers of physical education at the university: abstract of the dissertation of the candidate of pedagogical sciences. Eagle, 2012. 24 pp.
5. **Vvedensky, S.G.** The competence of a teacher as an important condition for the success of his professional activity/Innovations in education. 2013. № 4. S. 21-23.

6. **Anisimov, V.V.** General fundamentals of pedagogy: a textbook for universities. Moscow: Enlightenment, 2016. 574 p.
7. **Kuzmina, N.V.** Abilities, talent, teacher talent. Lipetsk: Knowledge, 2005. 95 pp.
8. **Slastenin, V.A.** Professional pedagogy: categories, concepts, definitions: collection of scientific works/ed. **V.A. Slastenin.** Yekaterinburg: Publishing House Ros. State Prof.-ped. University, 2004. No. 2. S. 562-576.
9. **Khutorsky, A.V.** Competency approach in training: scientific and methodological manual. Moscow: Eidos, 2013. 7 p.
10. **Lazarenko, L. A.** Psychological competence of the teacher as professionalization factor//Modern science-intensive technologies. 2018. №1 (100). S. 67-68.
11. **Lushnikov, I.D.** Professional adaptation of graduates of pedagogical institutes. Moscow: Prometheus. 2011. 322 pp.

Список использованной литературы

1.**Бажин, А.С.** Карьера и профессиональные компетенции специалистов. Москва: Высшее образование сегодня, 2007. 209 с.
2.**Бавтрюков, И.А** О психологической готовности будущих специалистов по физической культуре и принятию себя в образовательном поле. 2014. № 3 (59). С. 36-38.
3. **Дмитриева, О.Б.** Формирование психологической готовности молодых специалистов к профессиональной деятельности. Москва: ИНГН. 2005. 145 с.
4.**Маринченко, К.А.** Формирование компетентности профессионально-личностного самосовершенствования будущих преподавателей физической культуры в вузе: автореферат диссертации кандидата педагогических наук. Орёл, 2012. 24 с.
5.**Введенский, С.Г.** Компетентность педагога, как важное условие успешности его профессиональной деятельности / Инновации в образовании. 2013. № 4. С. 21-23.
6.**Анисимов, В.В.** Общие основы педагогики: учебник для вузов. Москва: Просвещение, 2016. 574 с.
7.**Кузьмина, Н.В.** Способности, одаренность, талант учителя. Липецк: Знание, 2005. 95 с.
8.**Сластенин, В.А.** Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции: сборник научных трудов / под ред. В. А. Сластенин. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. Проф.-пед. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 562-576.
9.**Хуторский, А.В.** Компетентностный подход в обучении: научно-методическое пособие. Москва: Эйдос, 2013. 7 с.
10.**Лазаренко, Л. А.** Психологическая компетентность педагога как фактор профессионализации //Современные наукоёмкие технологии. 2018. №1 (100). С. 67-68.
11.**Лушников, И.Д.** Профессиональная адаптация выпускников пединститутов . Москва: Прометей. 2011. 322 с.

Author Information/
Автор туралы мәлімет/
Сведения об авторах

Ibyzhanova Gaukhar Beisenbaevna *— senior lecturer-methodologist of the department of organization of the educational process of the Educational and Methodological Center of the Aktobe Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbaev, police Lieutenant Colonel.*

Ибыжанова Гаухар Бейсенбайқызы *— Қазақстан Республикасы ІІМ М.Бөкенбаев атындағы Ақтөбе заң институты Оқу-әдістемелік орталығының оқу процесін қамтамасыз етуді ұйымдастыру бөлімшесінің аға оқытушы-әдіскері, полиция подполковнигі*

Ибыжанова Гаухар Бейсенбаевна *— старший преподаватель – методист отделения организации обеспечения учебного процесса Учебно-методического центра Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан имени М.Букенбаева, подполковник полиции.*

ТАЛАПТАРЫ

«ІІМ ғылыми журналы» құқықтану, құқық қорғау қызметі, қызметкерлердің кәсіби даярлығының өзекті мәселелері бойынша бұрын басқа басылымдарда жарияланбаған қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде ғылыми мақалалар қабылданады.

Жұмыстың мазмұны ғылыми жаңалықтың, теориялық және практикалық маңыздылықтың, баяндаудың қисынды талаптарын қанағаттандыруы тиіс. Бап құрылымдық жағынан: **кіріспе, проблеманың қойылымын, негізгі бөлігін, тұжырымдарды (қорытындыны)** қамтуға тиіс.

Журналдың редакциясына келіп түскен барлық ғылыми мақалалар лицензиялық антиплагиат тексеру жүйесінен өтеді, кейін міндетті түрде «Анонимді» рецензиялауға (сараптамалық бағалауға) жіберіледі.

Жариялауға арналған материалдар мынадай талаптарды міндетті түрде сақтай отырып, қағаз және электрондық жеткізгіштерде ұсынылады:

1.**ӘОЖ** *(әмбебап ондық жіктеуіш)* – жоғарғы сол жақ бұрышында https://teacode.com/online/udc/; **МРҒТА** *(Мемлекеттік рубрикатор ғылыми-техникалық ақпарат)* https://grnti.ru/.

2.Автордың тегі, аты, әкесінің аты (толық), лауазымы, ғылыми дәрежесі, атағы, жұмыс орны, қаланың, елдің атауы – 3 тілде (қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде);

3.Электрондық пошта мекенжайы және автордың байланыс телефоны

4.Мақаланың атауы – ортасында бас әріптермен - қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде;

5.Зерттеудің тақырыбы мен мәнін көрсететін аннотация (80-100 сөз) -қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде;

6.Кілтті сөздер (мақаланың мазмұнын сипаттайтын және ақпараттық іздестіру мүмкіндігін қамтамасыз ететін атау септігіндегі 8–10 сөз немесе сөз тіркестері) –- қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде;

7.Word редакторындағы мәтін, Times New Roman қарпі, кегль 14;

8.Беттер саны – (автордың мақаласы жөнінде қысқаша шолу ақпаратты есептемегенде 10-нан 12-ге дейін) (А4 форматы);

9.Аралық – жалғыз (1,0);

10.Абзацтық шегініс – 1,25;

11.Жиектер: сол жағынан – 3 см, оң жағынан – 1 см, жоғарғы және төменгі жағынан – 2 см-ден;

12.Сілтемелер – дәйексөз беттері көрсетілген төрт бұрышты жақшадағы мәтін бойынша [1,15].

13.Пайдаланылған әдебиеттер тізімі – құжаттың соңында сәйкесінше ГОСТ 7.1-2003 «Библиографиялық жазба. Библиографиялық сипаттама. Жалпы талаптар және жасау ережелері» орналастырылу қажет.

Мақала авторлық редакцияда жарияланады. Автор мақаланың түпнұсқалығына және оның мазмұнына, онда келтірілген нақты деректердің, дәйексөздер мен дереккөздердің дәлдігіне дербес жауапты болады.

ТРЕБОВАНИЯ

Для включения в журнал Академии принимаются научные статьи на казахском, русском и английском языках по актуальным проблемам юриспруденции, правоохранительной деятельности, профессиональной подготовки сотрудников, не публиковавшиеся ранее в других изданиях.

Содержание работы должно удовлетворять требованиям научной новизны, теоретической и практической значимости, логичности изложения. Статья структурно должна включать: **введение, постановку проблемы, основную часть, выводы (заключение).**

Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят проверку на предмет заимствования с использованием лицензионной системы, после чего направляются на обязательное «Слепое» рецензирование (экспертную оценку).

Материалы для опубликования предоставляются на бумажном и электронном носителях с обязательным соблюдением следующих требований:

1. **УДК** *(универсальный десятичный классификатор)* - в левом верхнем углу https://teacode.com/online/udc/; код **МРНТИ** *(Межгосударственный рубрикатор научно-технической информации)* https://grnti.ru/.
2. фамилия, имя, отчество автора (полностью), должность, ученая степень, звание, место работы, название города, страны — на 3-х языках (казахском, русском и английском языках);
3. Электронной адрес почты и контактный телефон автора;
4. Название статьи–по центру прописными буквами –на государственном, русском и английском языках;
5. Аннотация (80-100 слов), отражающая тему и предмет исследования, – на государственном, русском и английском языках;
6. Ключевые слова (8-10 слов или словосочетаний в именительном падеже, характеризующие содержание статьи и обеспечивающие возможность информационного поиска) – на казахском, русском и английском языках;
7. Текст в редакторе Word, шрифт Times New Roman, кегль 14;
8. Количество страниц — от 10 – до 12 (формат А4), не считая аннотации;
9. Интервал–одинарный (1,0);
10. Абзацный отступ—1,25;
11. Поля: слева–3 см, справа–1 см, верхнее и нижнее – по 2 см;
12. Сноски–по тексту в квадратных скобках с указанием цитируемых страниц [1,15];
13. Список использованной литературы – конце документа должен быть расположен в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

Статья публикуется в авторской редакции. Автор несет персональную ответственность за оригинальность статьи и ее содержание, точность приведенных в ней фактических данных, цитат и источников.

REQUIREMENTS

For inclusion in the journal of the Academy, scientific articles are accepted in Kazakh, Russian and English languages on topical issues of jurisprudence, law enforcement, professional training of employees, not previously published in other publications.

The content of the work must meet the requirements of scientific novelty, theoretical and practical significance, logical presentation. The article should structurally include: **introduction, problem statement, main part, conclusions (conclusion).**

All articles submitted to the editorial office of the journal are checked for borrowing using the license system, after which they are sent for mandatory «Blind» peer review (peer review).

Materials for publication are provided on paper and electronic media with andatory compliance with the following requirements:

1.**UDC (universal decimal classifier)** – in the upper left corner of the https://teacode.com/online/udc/; **MRNTI** code ¬ (Interstate rubricator of scientific and technical information) https://grnti.ru/.

2.surname, name, patronymic of the author (in full), position, academic degree, title, place of work, name of the city, country – in 3 languages (Kazakh, Russian and English);

3.E-mail address and contact phone number of the author;

4.the title of the article - in the center in capital letters - in the state, Russian and English languages;

5.Abstract (80–100 words), reflecting the topic and subject of research - in the Kazakh, Russian and English languages;

6.Keywords (8-10 words or phrases in the nominative case, characterizing the ontent of the article and providing the possibility of information search) – in the Kazakh, Russian and English languages;

7.Text in Word editor, font Times New Roman, size – 14;

8.Number of pages – from 10 to 12 (A4 format), excluding annotations;

9.Interval - single (1.0);

10.Absolute indentation (– 1.25);

11.Fields: on the left – (3 cm), on the right – (1 cm), upper and lower – (2 cm each);

12.Footnotes – according to the text in square brackets indicating the cited pages [1,15];

13.List of used literature - at the end of the document, according to the order of use in the text (issued in accordance with GOST 7.1-2003 «Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of compilation»).

The article is published in the author's edition. The author is personally responsible for the originality of the article and its content, the accuracy of the factual data, quotes and sources provided in it.